

Р.

0376258-40

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Вопросъ о рациональномъ устройствѣ у насъ каторжныхъ работъ обратилъ, въ послѣднее время, особенное вниманіе на островъ Сахалинъ, который по отдаленности своего положенія, среди негостепримныхъ Охотскаго и Японскаго морей, представляетъ всѣ условія мѣста, назначаемаго для отдаленной ссылки, а съ другой стороны—его естественныя богатства, въ особенности обильныя залежи каменнаго угля, дають всѣ средства для организаціи тамъ производительныхъ работъ. Вотъ почему всѣ свѣдѣнія объ этомъ островѣ, отдаленномъ и малоизвѣстномъ читающей публикѣ, могутъ возбудить интересъ. Эти соображенія побудили наслѣдниковъ покойнаго генераль-маіора Н. В. Буссе издать замѣтки его, относящіяся ко времени присоединенія о-ва Сахалина къ имперіи, въ 1852 году. Записки эти велись Николаемъ Васильевичемъ въ формѣ дневника, во время экспедиціи на островъ подъ его ближайшимъ начальствомъ, поэтому замѣтки эти представляютъ интересъ какъ для исторіи первыхъ нашихъ правильныхъ сношеній съ японцами, такъ и для описанія острова, и наконецъ, обрисовываютъ тѣ трудности, съ которыми приходилось бороться въ отдаленномъ пустынномъ краѣ, при занятіи его русскими.

Н. В. Буссе получилъ образованіе въ Пажескомъ корпусѣ, и поступилъ на службу въ Семеновскій полкъ. Ограниченность круга дѣятельности строевой службы не могла удовлетворить энергичнаго характера и побудила автора замѣтокъ искать для себя болѣе обширнаго поприща, болѣе соответствовавшей его предприимчивости и жаждѣ серьезной дѣятельности. Случай не замедлилъ представиться. Во время пребыванія своего въ С.-Петербургѣ, бывший тогда генераль-губернаторъ Восточной Сибири, графъ Муравьевъ-Амурскій, обратилъ

вниманіе на Николая Васильевича и, принявъ его на службу въ Сибирь чиновникомъ особыхъ порученій, немедленно отправилъ, весною 1852 года, въ портъ Аянъ для снаряженія экспедиціи съ цѣлью занятія острова Сахалина, въ связи съ присоединеніемъ къ имперіи Амурскаго края, которое было высочайше повелѣно въ томъ же году. Изъ записокъ читатели увидятъ, какимъ образомъ, не только снаряженіе, но и самое начальство надъ отрядомъ, занявшимъ южную часть острова, выпало на долю покойнаго и побудило его прозимовать на островѣ, основать тамъ военный постъ и вновь снять его, вслѣдствіе политическихъ событій 1853-го года. По возвращеніи въ Иркутскъ, Николай Васильевичъ принималъ дѣятельное участіе въ экспедиціяхъ для присоединенія Амурскаго края, затѣмъ нѣсколько лѣтъ управлялъ штабомъ войскъ Восточной Сибири, въ которомъ сосредоточивались тогда всѣ дѣла по Амурскому краю и наконецъ, съ 1858 по 1866 годъ, въ качествѣ военнаго губернатора управлялъ Амурскою областью. Въ 1866 году, послѣдовала преждевременная смерть этого энергическаго дѣятеля, въ которомъ даже люди лично имъ недовольные не могутъ отрицать способнаго, исполненнаго доброй воли администратора, оставившаго послѣ себя памятные слѣды въ правильной организации области, въ матеріальномъ довольствѣ русскихъ переселенцевъ и установленіи торговыхъ сношеній съ соседнею Манчуріею.

Всѣ свѣдѣнія, изложенныя въ дневникѣ, были писаны авторомъ единственно для себя, а потому не имѣютъ и тѣни официальнаго характера: въ точности и вѣрности ихъ сомнѣваться нельзя; авторъ вездѣ говоритъ откровенно, описываетъ, какъ видитъ, и заботится только объ одномъ, — получить точное и вѣрное понятіе о главномъ предметѣ своей экспедиціи, не принимая въ соображеніе никакихъ постороннихъ интересовъ или идей, что именно такъ рѣдко встрѣчается въ официальныхъ отчетахъ.

Е. Б.

I.

25-го августа 185³-го года. — Корабль «Николай» бросил якорь на рейдѣ Петровскаго зимовья. Привезя на немъ десантъ, числомъ въ 70-ть чел., для занятія острова Сахалина, я тѣмъ оканчивалъ возложенное на меня губернаторомъ порученіе по сахалинской экспедиціи. Въ силу данной мнѣ инструкціи, мнѣ слѣдовало собственно возвратиться въ Аянъ, чтобы ѣхать на р. Маго осматривать новыя поселенія, а оттуда въ Якутскъ, гдѣ мнѣ поручено было осмотрѣть казачій полкъ, и потомъ съ первымъ зимнимъ путемъ явиться въ Иркутскъ для личнаго доклада губернатору обо всемъ видѣнномъ мною. Но весь этотъ порядокъ дѣйствій былъ измѣненъ, и вмѣсто возвращенія въ Иркутскъ, я принималъ участіе въ занятіи Сахалина, въ качествѣ будущаго временнаго правителя острова. Вотъ какъ это случилось.

Какъ я сказалъ, въ 12-мъ часу утра, мы подошли на «Николаѣ» на видѣ Петровскаго зимовья. Погода была облачная, дулъ довольно тихій вѣтеръ. Отдавъ якорь на семи саженьяхъ глубины, мы стали ожидать гребныя суда изъ зимовья. На нашъ салютъ отвѣчали изъ селенія, которое находилось въ миляхъ трехъ отъ насъ. Характеръ природы Петровскаго рейда суровый и не живописный. Въ морскомъ отношеніи рейдъ этотъ считается не безопаснымъ, потому что открытъ всѣмъ вѣтрамъ, кромѣ южнаго. Разгрузка судовъ производится медленно, потому что сильное теченіе и бурунь затрудняютъ ходъ гребныхъ судовъ. Часто сообщеніе съ берегомъ прекращается; съ моря селеніе худо видно; оно расположено по другую сторону кошки, ограничивающей съ сѣвера гавань Счастья. Входъ въ эту гавань между мысомъ кошки и банками рифа, идущаго отъ острова Сахалина, почти всегда покрытъ бурунами.

Когда мы бросили якорь, было весьма небольшое волненіе, но мы все-таки не надѣялись, чтобы гребныя суда выгребли къ

намъ противъ теченія. Рѣчной пароходъ, присланный въ Петровскъ вокругъ свѣта, много давалъ мнѣ надежды на скорую разгрузку судна, если хоть немного уляжется волна. Во второмъ часу мы сѣли обѣдать, но узнавъ, что съ берега идетъ трех-лучная байдарка, взошли на палубу. Скоро подъѣхалъ къ судну кап.-лейт. Бачмановъ. Отъ него я узналъ, что пароходъ испорченъ — въ немъ лопнули 12-ть огнепроводныхъ трубъ. Это извѣстіе очень опечалило меня. Пароходъ этотъ, несмотря на то, что онъ слишкомъ малъ для плаванія въ Амурскомъ лиманѣ, могъ бы много пользы принести въ самомъ Петровскомъ и навѣрно произвелъ бы большое вліяніе на жителей при-амурскаго края. Бачмановъ мнѣ передалъ, что г. Невельской, управляющій амурскою экспедиціею, желаетъ меня тотчасъ же видѣть. Мнѣ самому уже не хотѣлось оставаться еще на суднѣ, и только увѣреніе капитана, что шлюпка не выгребетъ къ берегу, останавливало меня. Теперь, когда въ моемъ распоряженіи находилась байдарка, я тотчасъ же и поѣхалъ на берегъ.

Я такъ много слышалъ прежде и хорошаго и худого о г. Невельскомъ, что меня очень интересовало познакомиться съ этимъ человѣкомъ. По моему мнѣнію, если про человѣка говорятъ много, одни хорошо, другіе дурно, то это показываетъ, что дѣло идетъ о дѣятельномъ и энергическомъ характерѣ. Сѣвъ въ первый разъ въ жизни въ байдарку, я ожидалъ, что мнѣ будетъ страшно ѣхать въ этой вертлявой кожаной лодочкѣ. Но проѣхавъ нѣсколько саженой, я уже убѣдился, что дѣйствительно байдарка принадлежитъ къ самымъ безопаснымъ гребнымъ судамъ. Быстрота хода ея удивительная. Волненіе было довольно велико, когда я ѣхалъ. Сидя на днѣ байдарки, я чувствовалъ, какъ она сгибалась подо мной, когда волна, подымая ее на свой гребень, оставляла носъ и корму на воздухѣ. Завернувъ за оконечность кошки, я вѣхалъ въ гавань Счастья. Она ограничивается, какъ я сказалъ, съ сѣвера кошкою, т.-е. песчаною косою въ версту ширины; противъ нея, къ югу, лежатъ низменные острова, а за ними матерой гористый берегъ, такъ что гавань эта имѣетъ совершенный видъ озера и была бы очень хороша для малыхъ судовъ, если бы входъ въ нее не былъ заносимъ бурунами. Петровское зимовье расположено на кошкѣ въ верстахъ трехъ отъ ея оконечности. Нѣсколько деревянныхъ домовъ, окруженныхъ мелкимъ кустарникомъ, вяло-растущимъ на каменистой почвѣ, по сторонамъ нѣсколько разбросанныхъ юртъ гиляковъ—вотъ видъ этого печальнаго селенія. Подъѣзжая къ селенію, я увидѣлъ на берегу не далеко отъ него нѣсколько гиляковъ, одѣтыхъ въ собачьи шкуры мѣхомъ вверхъ. Когда я вышелъ на берегъ противъ дома ниж-

нихъ чиновъ петровской команды, я увидѣлъ подходящаго ко мнѣ маленькаго роста худощаваго господина, въ старомъ сюртукѣ съ штабъ-офицерскими эполетами. Онъ велъ подъ руку молодую женщину. Приблизясь ко мнѣ, она оставила его, повернувшись къ крыльцу ближняго дома; послѣ я узналъ, что это была жена штурманскаго офицера Орлова. Маленькой, худощавый штабъ-офицеръ и былъ тотъ самый г. Невельской, начальникъ амурской экспедиціи и мой новый сослуживецъ, какъ состоящій для особыхъ порученій при губернаторѣ Муравьевѣ, и котораго мнѣ такъ хотѣлось видѣть. Представившись ему, я былъ приглашенъ войти къ нему въ домъ. Домъ этотъ одноэтажный деревянный, какъ и всѣ строенія селенія, очень не великъ. Когда мы подошли къ крыльцу, къ намъ вышла на встрѣчу г-жа Невельская, молоденькая, хорошенькая и привѣтливая женщина. Мы вошли черезъ кухню въ маленькую комнатку, въ которой накрыто было два прибора. Усѣвшись у стола, я, наконецъ, могъ порядочно разсмотрѣть челоуѣка, съ которымъ обстоятельства познакомили меня очень коротко вскорѣ послѣ перваго свиданія.

Г. Невельской имѣетъ не совсѣмъ красивую наружность. Маленькій ростъ, худощавое, морщинистое лицо, покрытое рябинками, большая лысина съ всклокоченными вокругъ съ просѣдью волосами и небольшіе сѣрые глаза, которые онъ безпрестанно прищуриваетъ, даютъ ему пожилой и дряхлый видъ. Но широкій лобъ и живость глазъ выказываютъ въ немъ энергію и горячность характера. Разспросивъ меня о припасахъ, привезенныхъ изъ Камчатки съ десантомъ и оставшихся совершенно довольнымъ количествомъ ихъ, онъ горячо выразилъ свою досаду, что товары, назначенные для сахалинской экспедиціи, оставлены были въ Аянѣ компанейскою конторою для расцѣпки. По его мнѣнію, нельзя было начинать экспедицію безъ товаровъ, и потому онъ рѣшилъ ожидать ихъ присылки изъ Аяна, рассчитывая, что какое-нибудь судно — «Иртышъ» или «Константинъ», привезетъ ихъ. Рѣшившись на это, онъ приказалъ оставить на «Николаѣ» десантъ съ грузомъ, съ тѣмъ, что когда привезутъ товары, то наложить ихъ на «Николая» и на немъ идти на Сахалинъ¹⁾. Вскорѣ пріѣхали съ судна Бачмановъ, командиръ судна

¹⁾ Тутъ же Невельской объявилъ мнѣ, что онъ поручаетъ мнѣ управленіе сахалинскою экспедиціею, и что, поэтому, я останусь зимовать на Сахалинѣ. На объясненіе мое, что по предписанію губернатора я долженъ возвратиться въ Иркутскъ, онъ объявилъ мнѣ, что онъ не можетъ никому болѣе поручить этого дѣла и что если не назначать меня, то не можетъ отвѣчать за успѣхъ исполненія высочайшей воли, о чемъ и рапортуетъ губернатору. Я, конечно, долженъ былъ подчиниться такому объявленію и съ охотою принялъ на себя управленіе экспедиціею.

Клинкофстремъ, М. Бачмановъ и жена священника Венямина. Всѣ они были приняты очень радушно. Бѣдный капитанъ «Николая» Клинкофстремъ съ горестью выслушалъ непріятное для него назначеніе участвовать въ экспедиціи. Онъ разсчитывалъ идти на зимовку въ Ситху, съ тѣмъ, чтобы оттуда уѣхать къ своему семейству въ Либаву—свою родину, желая оставить совершенно службу въ компаніи.

Время до чаю прошло въ горячихъ разсказахъ Невельскаго про дѣйствія амурской экспедиціи. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія эти замѣчательны по дѣятельности, трудности и смѣлости. Я былъ пораженъ, что Невельской могъ рѣшиться, не имѣя ни полномочія, ни средствъ (весь отрядъ его состоитъ изъ 70 чел.) предпринимать подобныя дѣла. Онъ занялъ, ни болѣе ни менѣе, какъ пространство земли протяженіемъ на югъ отъ 53 до 48° гр. с. ш., т.-е. 500 верстѣ земли, считавшейся принадлежностью Китая. Открытіе Л. Бѣшнякомъ прекрасной гавани въ Татарскомъ проливѣ на азиатскомъ берегу, между 48 и 49 градусами, повидимому было причиною горячности, съ которою Невельской сталъ занимать все пространство къ сѣверу отъ нея, долженствующее принадлежать Россіи, для того, чтобы владѣть гаванью. Занятіе это состоитъ въ томъ, что разбросали въ нѣсколькихъ пунктахъ по 5 и 10 человекъ съ запасомъ продовольствія и товаровъ, и выкинули флаги на этихъ пунктахъ. По словамъ Невельскаго, самый трактатъ, заключенный между Россіей и Китаемъ, оправдываетъ это занятіе. Онъ говоритъ, что въ трактатѣ опредѣлены границы съ Китаемъ слѣдующимъ образомъ: отъ соединенія р. Шилки и Аргуни по горному хребту вплоть до Охотскаго моря, такъ что всѣ рѣки, текущія съ юга на сѣверъ, должны принадлежать Россіи, и всѣ рѣки, текущія съ сѣвера на югъ — Китаю. Г. Невельской говоритъ, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ черезъ посылаемыхъ на съемку офицеровъ, ему достоверно извѣстно, что этотъ горный хребетъ отъ соединенія Шилки и Аргуни раздѣляется на три вѣтви: одна идетъ по направленію теченія р. Лены, другая къ сѣверной части береговъ Охотскаго моря, и третья, на югъ, переваливаетъ черезъ Амуръ и тянется поперекъ Манчуріи. Поэтому граница, положенная на картахъ отъ верховьевъ Амура въ перпендикулярномъ направленіи къ Охотскому морю не вѣрна, ибо по этому направленію нѣтъ никакого хребта. По смыслу трактата слѣдовало бы Россіи или отдать Китаю большую половину Якутской области, или все побережье Охотскаго моря съ портомъ Аянью; или, наконецъ, взять себѣ большую часть Манчуріи. Значительная часть рѣкъ, впадающихъ съ лѣвой стороны въ Амуръ, имѣютъ

теченіе въ с.-в., слѣд. и рѣки тоже обозначаютъ другое направленіе нашей границѣ и, какъ предполагается г. Невельской, она должна идти по Амуру до впаденія въ него съ юга р. Усури, оттуда по рѣкѣ Усури, по правому ея берегу до перевала на р. Самальгу и далѣе по лѣвому берегу Самальги, до ея впаденія въ Татарскій проливъ около 47° гр. с. ш. Этою границею мы отмежевываемъ себѣ все пространство земли къ с. отъ Амура и Татарскій берегъ до 47 градус. с. ш. Дай Богъ, чтобы предположенія эти исполнились, мы приобрѣли бы себѣ прекрасную землю и отличную гавань, открытую для навигаціи въ продолженіи 8-ми мѣсяцевъ и тѣмъ упрочили бы наше вліяніе на Китай и Японію, да и вообще въ Тихомъ океанѣ. Гавань «Императора Николая» могла бы быть станціею эскадрѣ балтійскаго флота и тѣмъ много бы послужила къ улучшенію его. Вся окрестность ея и берега Амура изобилуютъ корабельнымъ лѣсомъ. Однако оставимъ эти предположенія и обратимся къ разсказу.

Въ девятомъ часу подали чай. Я очень былъ радъ выпить стаканъ горячаго чаю. Во время переѣзда моего на байдаркѣ, волны нѣсколько разъ заплескивали во внутрь ея и порядкомъ вымочили меня; не имѣя во что переодѣться, я остался цѣлый день въ мокромъ платьѣ. Во время чаю разговоръ шелъ такъ же горячо, какъ и въ началѣ пріѣзда моего, потому что держался постоянно на политическихъ проектахъ и обсужденіи дѣйствиі Россійско-Американской компаніи, — темъ самыхъ возбудительныхъ для горячихъ споровъ въ здѣшнемъ краѣ. Ненависть Невельскаго ко всему, что касается компаніи, ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнена. Достаточно произнести слово «Компанія», чтобы выслушать наборъ самыхъ сильныхъ проклятій, а иногда и ругательствъ. Повидимому, въ самомъ дѣлѣ, дѣствія компаніи въ принадлежащихъ ей колоніяхъ и въ при-амурской странѣ бывають часто слишкомъ корыстолюбивы, съ расчетомъ дневного барыша безъ видовъ на будущее. Она дѣствуетъ, какъ арендаторъ. Впрочемъ, не имѣя еще случая хорошо разобрать и обсудить дѣствія и положенія компаніи, я оставляю этотъ предметъ до большаго и подробнѣйшаго знакомства моего съ нею. Передъ ужиномъ общество раздѣлилось на двѣ части. Дамы — m-me Невельская, Бачманова и жена священника прогуливались по комнатѣ, болтая между собою. При этомъ мнѣ было очень досадно слушать, какъ Невельская и Бачманова разговаривали по-французски, не обращая вниманія на то, что добрая и молоденькая жена священника, ничего не понимая, ходила подлѣ нихъ. Общество мужчинъ состояло изъ Невельскаго, Клинокф-стрема, Бачманова, Рудановскаго и меня. Священникъ остал-

ся на суднѣ, потому что сообщеніе съ берегомъ по случаю свѣжаго вѣтра прекратилось, а на катерѣ, посланномъ утромъ за пассажирами, онъ не поѣхалъ, съ цѣлью приготовить къ выгрузкѣ свои вещи. Проговоривъ до 12-ти ч. ночи, мы разошлись спать. Бачмановы получили для себя отдѣльную комнату, жена священника — въ комнатѣ Невельской; Невельской, Кличкофстремъ и я, расположились вмѣстѣ въ приемной залѣ.

26-го августа. — Утромъ 26-го, когда всѣ поднялись уже, я пошелъ осматривать селеніе. Погода стояла пасмурная и вѣтреная. Подойдя къ берегу рейда, я былъ пораженъ силою прибоя. Волна съ шумомъ и пѣною накатывалась на шкуку. Подѣхать къ берегу на шлюпкѣ рѣшительно невозможно, ее разобьетъ въ одно мгновеніе. Петровское зимовье состоитъ изъ 6-ти или 7-ми деревянныхъ строеній, служащихъ жилищемъ 40 или 50 обитателей его. Въ числѣ ихъ находится — начальникъ экспедиціи, 4 или 5 оберъ-офицеровъ камчатской флотиліи, докторъ и прикащикъ компаніи. Товары компаніи хранятся въ небольшомъ деревянномъ пакгаузѣ. По условію съ правительствомъ, компанія обязалась доставлять въ экспедицію товары, необходимые для заведенія сношеній съ гиляками и манжурами. Неисполненіе требованій г. Невельского въ этомъ отношеніи и неисправность во времени доставки товаровъ, есть главная причина его ожесточенной войны противъ главнаго правленія ея. Къ этому еще присоединилось несчастное разбитіе въ Петровскомъ компанейскаго брига «Шелихова», посланнаго туда по требованію Невельского. Такъ какъ въ условіи сказано, что всѣ потери компаніи по дѣйствіямъ ея въ Амурской экспедиціи правительство принимаетъ на себя, на что и ассигновано изъ сибирскихъ суммъ 150 т. р., то компанія, не получивъ еще донесенія отъ Невельского о причинѣ гибели ея судна и о количествѣ погибшихъ товаровъ, взяла отъ правительства 36 т. р. с. Такъ какъ Невельской былъ главнымъ распорядителемъ плаванья «Шелихова», то, разумѣется, гибель брига и потеря казны очень трогаютъ его самолюбіе.

Въ продолженіи дня, незанятый ничѣмъ, я прогуливался по селенію, прерывая по временамъ это скучное занятіе разговоромъ съ хозяйкой дома или выслушиваньемъ горячихъ разсужденій Невельского. Вечеромъ, когда уже всѣ легли спать, я усѣлся съ нимъ разсчитывать, какъ лучше сдѣлать, чтобы неупустить и безъ того много потеряннаго времени. При разсчетѣ вѣроятнаго прихода судовъ, отчаянье бѣднаго Невельского доходило иногда до того, что онъ рвалъ волосы на головѣ. Ожидать можно было три судна, которые могли бы привести товары: компанейскій бригъ «Константинъ», транспорты «Иртышъ» и «Байкалъ».

Первый, по извѣстіямъ, привезеннымъ изъ Ситхи, могъ быть оставленъ тамъ для послыки на Сандвичевы о-ва за мѣлой. «Иртышъ», вышедшій изъ Камчатки раньше насъ, неизвѣстно по какой причинѣ, не приходилъ въ Петровское. «Байкаль», участвовавшій въ лѣтней экспедиціи у береговъ Сахалина и Татарскаго пролива и долженствовавшій придти въ Петровское къ 1-му сентябрю, могъ тоже опоздать. Видя отчаянье Невельскаго, я предложилъ ему послать меня въ Аянъ на «Николаѣ», съ тѣмъ, чтобы взявъ тамъ на него товары обѣихъ экспедицій (сахалинской и амурской) придти обратно въ Петровское. Такъ какъ «Николай» отличный ходокъ, то я надѣялся скоро сходить въ Аянъ и обратно. Предложеніе это очень понравилось Невельскому и онъ громко вскрикнулъ: «я иду самъ въ Аянъ на «Николаѣ» завтра». Рѣшившись на это, мы легли спать.

27-го августа.—Съ ранняго утра начали готовиться къ отъѣзду въ Аянъ. Невельскому надо было приготовить нѣсколько нужныхъ бумагъ. Я присутствовалъ при составленіи рапорта къ губернатору по дѣлу сахалинской экспедиціи. Невельской диктовалъ его доктору. Найдя нѣсколько выраженій относительно компаніи, болѣе нежели жесткими, я предложилъ измѣнить ихъ, на что Невельской тотчасъ согласился. Вообще мнѣ показалось, что обращеніе Невельскаго съ подчиненными и духъ бумагъ его недовольно серьезны; это и есть причина, почему донесенія и рассказы его не внушаютъ къ себѣ полного довѣрія, хотя дѣйствительно ему есть чѣмъ похвастаться. По моему мнѣнію, этотъ предприимчивый человекъ очень способенъ къ исполненію возложеннаго на него порученія—распространить наше вліяніе въ Приамурскомъ краѣ; но необходимо поставить подлѣ него человека благоразумнаго, хладнокровнаго и благонамѣреннаго. Таковой товарищъ взялъ бы непременно верхъ надъ слишкомъ запальчивымъ характеромъ Невельскаго.

Къ обѣду собрались всѣ пассажиры. Когда начало смеркаться, мы простились съ остающимися въ Петровскомъ и отправились на шлюпкѣ къ «Николаю». Во время переѣзда этого мы видѣли нѣсколько огромныхъ бѣлугъ, которыя выказывались изъ воды на подобіе китовъ. Вскорѣ по приѣздѣ нашемъ на судно, послѣ непродолжительнаго штиля, мы снялись съ якоря при слабомъ попутномъ вѣтрѣ.

II.

Маловѣтрія продержали насъ въ пути до вечера 31-го августа, хотя весь переходъ отъ Петровскаго до Аяна не болѣе 200 миль. Когда мы подходили къ Аянскимъ берегамъ, погода стояла прекрасная. Берегъ Охотскаго моря чрезвычайно скалистъ и суровъ. Природа его мертва; на его каменистыхъ горахъ нѣтъ ни одного деревца, ни одного кусточка. Заштильвъ передъ самымъ входомъ въ бухту, мы бросили верпъ, и я побѣжалъ, по просьбѣ Невельскаго, къ г. Кошеварову, начальнику Аянскаго порта, просить его пріѣхать на судно. Мнѣ была извѣстна вражда ихъ между собою, и я придумывалъ, какъ бы устроить такъ, чтобы они мирно повели переговоры. Необходимо было грузить какъ можно скорѣе товары на «Николая» и идти на немъ на мѣсто высадки. Компания обязалась перевезти десанты на своемъ суднѣ и оставить это судно въ распоряженіи экспедиціи. Бригъ «Константинъ» былъ назначенъ для этого — но такъ какъ его не было, то Невельской имѣлъ полное право требовать, чтобы «Николай» былъ назначенъ вмѣсто его. Компания, дорожа прекраснымъ и дорогимъ этимъ кораблемъ, разрѣшила Кошеварову послать его въ Петровское, если онъ найдетъ безопаснымъ это плаваніе. Теперь же приходилось заставить Кошеварова нагрузить товары на «Николая» и послать ихъ въ Петровское, а отсюда на Сахалинъ, гдѣ судну приходилось зимовать. Трудно было бы Кошеварову рѣшиться дать свое согласіе на это, если бы онъ даже былъ человѣкъ доброжелательный и готовый помочь и содѣйствовать полезному дѣлу. Зная же хорошо г. Кошеварова, я предвидѣлъ затрудненія и столкновенія, которыя могли бы худо кончиться, при горячемъ характерѣ Невельскаго. Итакъ, я рѣшился взять на себя роль примирителя, намѣреваясь всѣми способами стараться кончить дѣло тихо и мирно, и слѣд. скоро и порядочно. Съ этими мыслями я вошелъ въ домъ г. Кошеварова. Онъ принялъ меня съ своею обыкновенною натянутою и неискусною сладко-важною вѣжливостью, поздравивъ меня съ благополучнымъ пріѣздомъ. Я засталъ его разговаривающимъ въ залѣ съ г. Фрейгангомъ, исправлявшимъ должность капитана Петропавловскаго порта и возвращавшагося по болѣзни въ Петербургъ. Г. Фрейгангъ, какъ кажется, мягкосердный и чувствительный нѣмецъ. Съ нимъ и съ его семействомъ мы познакоимся послѣ. Желая переговорить съ Кошеваровымъ наединѣ, я предложилъ ему выйти въ столовую, гдѣ мы имѣли съ нимъ слѣдующій разговоръ. Я его спросилъ, приходилъ ли въ Аянь «Константинъ»?

— Не приходилъ, да я увѣренъ, что и не придетъ, его задержали; отвѣчалъ онъ съ комическою важностью.

— На чемъ же вы полагаете отправить товары въ Петровское и на Сахалинъ и на какомъ суднѣ занимать островъ.

— Не знаю, — часть товаровъ можетъ отвезти въ Петровское «Иртышъ»; «Байкаль» находится въ распоряженіи Невельскаго.

— Но «Байкаль» течетъ, да притомъ это военное судно, а компанія обязалась дать свое судно для экспедиціи.

— Не знаю.

— Геннадій Ивановичъ Невельской пришелъ на «Николаѣ» и просить васъ пріѣхать къ нему на судно, чтобы поговорить, какъ лучше устроить дѣло. Онъ полагаетъ единственнымъ средствомъ успѣшно исполнить высочайшую волю — нагрузить товары какъ можно скорѣе на «Николай» и идти на Сахалинъ, и по сдѣланіи высадки слѣдовать на зимовку въ Татарскій проливъ, гдѣ есть безопасная гавань.

— Это нельзя, «Николай» завтра же пойдетъ въ Ситху, если бы даже пришлось самого Невельскаго отвезти туда.

— Я попрошу васъ это же сказать лично г. Невельскому. Насчетъ же плаванія «Николая» я полагаю, что ему слѣдуетъ замѣнить «Константина», потому что высочайшую волю, т.-е. занять Сахалинъ нынѣшній же годъ, исполнить надо на какомъ бы то ни было суднѣ, и поэтому, такъ какъ нѣтъ другого судна компаніи, то «Николай» долженъ идти — вотъ мнѣніе г. Невельскаго.

— Я протестую противъ васъ!

— Въ чемъ, позвольте спросить?

— Вы уговорили меня послать «Николая» изъ Камчатки въ Петровскъ вопреки желанію Главнаго Правленія, съ тѣмъ, чтобы прислать его въ Аянъ, снявши десантъ, а теперь привезли на немъ людей и грузъ.

— Ну позвольте вамъ сказать, отвѣтилъ я, что вашъ протестъ лишенъ всякаго основанія. Я уговорилъ васъ послать «Николая» въ Петровское потому, что это было желаніе г. губернатора, вы послали его, потому что Главное Правленіе разрѣшило вамъ это сдѣлать. Десантъ же привезъ изъ Петровскаго въ Аянъ не я, а г. Невельской, который старше насъ обоихъ и у котораго я нахожусь подъ начальствомъ, слѣд. уже не управляю дѣйствіями экспедиціи. Но оставимте это. Позвольте же васъ попросить потрудиться ѣхать на судно.

— Я не могу ѣхать, потому что помощникъ мой уже посланъ.

— Когда онъ возвратится, вы пріѣдете?

— Я не поѣду!

— Въ такомъ случаѣ прощайте!

Зайдя на минутку въ гостинную, чтобы поздороваться съ хозяйкою дома, я былъ представленъ г-жѣ Фрейгангъ. Извинившись, что дѣла меня призываютъ на судно, я послѣшно пошелъ на берегъ, гдѣ ожидала меня байдарка.

Переѣзжая съ судна на берегъ, я примѣтилъ въ темнотѣ три судна, стоявшія на якорѣ въ бухтѣ; отъ встрѣтившихся со мною двухъ алеутовъ, посланныхъ изъ порта узнать, какой корабль пришелъ въ бухту, я узналъ, что три судна эти были — китобой Р-ф. ком. «Суоміо», китобой С.-А. Штатовъ и транспортъ «Иртышъ», пришедшій въ Аянъ прямо изъ Камчатки безъ захода въ Петровское, какъ ему было предписано, потому что у него сломался на пути руль. Приѣхавъ на «Николай», я передалъ Невельскому мой разговоръ съ Кошеваровымъ. По условію было рѣшено нами ѣхать къ Кошеварову, пригласить его и г. Фрейганга на совѣщаніе, и по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ рѣшить четырьмя голосами, какъ надо дѣйствовать. Невельской обѣщала удерживать себя отъ горячности, стараться дружески кончить дѣло съ Кошеваровымъ и, какъ мы увидимъ, онъ вполне исполнилъ свое обѣщаніе. Я поѣхалъ впередъ на байдарѣ для того, чтобы предупредить Кошеварова и уговорить его жертвовать пользѣ и успѣху дѣла своими личными интересами и отношеніемъ къ Невельскому. Приѣхавъ къ Кошеварову я сказалъ ему, что Невельской тотчасъ будетъ къ нему, и снова просилъ его, чтобы онъ хладнокровно обсудилъ съ нимъ дѣло.

— Я никогда не горячусь, былъ его короткій отвѣтъ.

— Однако ваши слова, что вы протестуете противъ меня, показываютъ, что вы не всегда бываете въ спокойномъ расположеніи духа, замѣтилъ я ему.

— Я протестовалъ противъ угрожающаго тона, съ которымъ вы говорили со мною.

Услышавъ такого рода возраженіе, я увидѣлъ ясно, съ какимъ челоуѣкомъ мы будемъ имѣть дѣло. При первомъ свиданіи моемъ съ нимъ я говорилъ съ нимъ какъ нельзя болѣе спокойно. Угрожающій тонъ, — была неблаговидная увертка отъ бессмысленнаго протеста, высказаннаго прежде имъ. Скоро приѣхалъ Невельской. Онъ былъ одѣтъ въ сюртукѣ съ эполетами, въ бѣлой жилеткѣ и съ орденомъ Св. Анны на шеѣ. Кошеваровъ остался въ своемъ сѣромъ камзолѣ. Они церемонно поздоровались, и послѣ пустыхъ вводныхъ фразъ началось объясненіе въ столовой, куда мы вышли. Фрейгангъ остался въ гостинной. Передаю слово въ слово это объясненіе, оно ярко очерчиваетъ характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Вставъ съ г. Кошеваровымъ у обѣденнаго стола, Невельской, дружескимъ и ласковымъ тономъ, началъ разговоръ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, любезный Александръ Филипповичъ, чтобы просить васъ, какъ товарища, содѣйствовать мнѣ въ дѣлѣ, которое требуетъ рѣшительныхъ мѣръ; просить васъ, чтобы вы забыли, если вы что-нибудь имѣли противъ меня.

— Къ чему это предисловіе, — все что вы можете требовать отъ начальника Аянскаго порта я исполню, если это въ моей власти.

— Я повторяю вамъ, что я не требую, а прошу васъ помочь успѣху дѣла, возложеннаго на меня государемъ, т.-е. ускорить сколько возможно нагрузку на «Николая» товаровъ. Осень уже настаётъ, потеря одного дня можетъ повредить экспедиціи.

— «Николай» не можетъ идти на Сахалинъ, онъ пойдетъ въ Ситху. Вы знаете, что у меня есть то же начальство; я отвѣчаю, честь моя отвѣчаетъ за интересъ компаніи. Я не могу послать «Николая» на Сахалинъ.

— Но какое же судно пойдетъ вмѣсто «Николая». Компанія обязалась передъ правительствомъ перевезть десантъ на своемъ суднѣ.

— Бригъ «Константинъ» назначенъ.

— Но его нѣтъ.

— Онъ придетъ еще.

— Однако вы сами сказали мнѣ, что вы увѣрены, что «Константинъ» не придетъ, замѣтилъ я.

— У васъ «Байкаль» находится въ распоряженіи; на «Иртышѣ» можно будетъ отправить товары и людей, продолжалъ Кошеваровъ.

— «Байкаль» течетъ и потому ненадеженъ. Да и перегружать грузъ съ «Николая» на «Иртышъ» возьметъ столько времени, что начинать экспедиціи не будетъ возможности.

— «Николая» я не могу послать.

— Вы должны послать, потому что компанія обязалась поставить для экспедиціи одно судно; какое — я не знаю. Высочайшая воля должна быть исполнена; вы согласны съ этимъ? По дѣламъ компаніи вы распоряжаетесь здѣсь, слѣд. на васъ лежитъ долгъ выполнить ея обязательство. Дождать «Константина» нельзя; это значило бы отложить экспедицію, а этого я не могу сдѣлать, сказалъ Невельской спокойнымъ голосомъ.

— Я васъ прошу не оскорблять меня, уважайте честь мою; позвольте васъ просить оставить меня въ покоѣ.

— Чѣмъ же я васъ оскорбляю?

— Вашимъ тономъ!

— Да, Боже мой, я прїѣхалъ къ вамъ и просилъ васъ принять мою просьбу, какъ товарища по службѣ, помочь мнѣ въ дѣлѣ, которое должно быть общимъ для насъ.

— Товарищества между нами нѣтъ уже давно. Вы виноваты передо мной, и я еще буду требовать, чтобы вы извинились.

— Я готовъ, если я виноватъ передъ вами; но я васъ Христомъ Богомъ прошу оставить теперь всѣ личныя отношенія наши и думать только о дѣлѣ. Необходимо ни минуты не теряя начинать экспедицію; вы знаете, что значитъ осеннее плаваніе, что значитъ высадка на пустомъ мѣстѣ. Ради Бога дайте скорѣе товары.

— Товары готовы, но «Николая» я не пошлю въ экспедицію.

— Но вѣдь это значитъ не занять Сахалина. «Николай» долженъ идти. Послушайте, Александръ Филипповичъ, вѣдь вы видите, что это необходимо, вѣдь надо исполнить высочайшую волю.

— Я не могу исполнить вашего требованія.

Такъ скажите же, что надо дѣлать, я васъ прошу, г. капитанъ-лейтенантъ Кошеваровъ.

— Я не капитанъ-лейтенантъ.

— Какъ, не капитанъ-лейтенантъ!

— Я для васъ начальникъ Аянскаго порта.

— Желая быть вамъ адмираломъ; я васъ титулую кап.-лейт. потому, что это вашъ чинъ. Итакъ, г. начальникъ Аянскаго порта, я предлагаю вамъ, во-первыхъ, одѣться какъ слѣдуетъ, пригласить капит. 2 р. Фрейганга и майора Буссе, чтобы составить военный совѣтъ, для разсмотрѣнія и совѣщанія о дѣлѣ, по которому я прїѣхалъ.

— Извините что я васъ принялъ въ этомъ костюмѣ, этому причина вашъ неожиданный прїѣздъ (я прїѣхалъ къ Кошеварову съ извѣстіемъ, что Невельской будетъ къ нему, по крайней мѣрѣ, за полчаса до его прїѣзда), я сейчасъ иду переодѣться. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ въ сюртукъ, въ это время и Невельской застегнулъ свой сюртукъ.

— Позвольте вамъ сказать, началъ Кошеваровъ, что вы напрасно прїѣхали сюда. Если вы затрудняетесь предпринять экспедицію, я ее беру на себя.

— Что это вы, Александръ Филипповичъ, подумайте, что вы говорите, спокойно возразилъ Невельской.

— Я не Александръ Филипповичъ, а начальникъ Аянскаго порта, и прошу васъ съ уваженіемъ говорить со мною, не оскорблять меня.

— Позвольте замѣтить мнѣ, сказалъ я, подойдя къ разгова-

ривающимъ: я не слышалъ, чтобы кто-нибудь изъ васъ, господа, произносилъ оскорбительныя слова, и нахожу, что замѣчаніе ваше, кап.-лейт., несправедливо.

— А, вы не замѣтили, мы оба не говорили оскорбительно?

— Да, это я говорю, какъ свидѣтель вашего разговора.

— Итакъ, г. начальникъ Аянскаго порта, продолжалъ Невельской: я васъ прошу тотчасъ же составить совѣтъ изъ 4-хъ штабъ-офицеровъ.

— Здѣсь не мѣсто, позвольте вамъ замѣтить, и вообще вы забываете, что это моя квартира, что я здѣсь хозяинъ дома, проговорилъ съ ужимками Кошеваровъ.

— Я васъ просилъ къ себѣ на судно, вы не хотѣли пріѣхать, хотя это былъ вашъ долгъ. Вамъ неугодно совѣщаться о дѣлахъ въ вашей квартирѣ; въ такомъ случаѣ, состоящій по особымъ порученіямъ при ген.-губ. Вос. Сибири кап. 1 р. Невельской просить васъ, начальникъ Аянскаго порта, отвести ему мѣсто въ порту, гдѣ бы онъ могъ потребовать начальника Аянскаго порта къ себѣ по дѣламъ службы.

— Теперь поздно, уже ночь, вы такъ неожиданно пріѣхали, теперь не время совѣщаться.

— Для службы всегда есть время, и я васъ прошу тотчасъ же исполнить мое требованіе, или я долженъ буду признать васъ неисполнителемъ высочайшихъ повелѣній, и тогда принужденъ буду дѣйствовать по силѣ закона и данной мнѣ власти.

Въ это время Фрейгангъ подошелъ ко мнѣ и съ безпокойнымъ видомъ сказалъ мнѣ: — чѣмъ это кончится, это ужасно, надо, чтобы они уступили другъ-другу.

— Вы видите, что Кошеваровъ нарочно возбуждаетъ Невельского и словами и голосомъ.

— Ихъ надо помирить; я, какъ старый товарищъ обоихъ, считаю это своимъ долгомъ.

Сказавъ это, онъ подошелъ къ спорящимъ и, взявъ ихъ за руки, началъ просить ихъ помириться и забывъ все прошедшее, дружески обняться. Невельской бросился на шею Кошеварову и началъ цѣловать его; тотъ съ своей стороны обнялъ его. Неприятно было смотрѣть на эти объятія: горячность ихъ была маска, которая въ особенности не шла къ Кошеварову. Невельской, обвиняя такого человѣка, какъ Кошеварова, дѣлалъ великую и благородную жертву для пользы дѣла. Послѣ объятій, переговоры пошли смирнѣе и наконецъ согласились окончательно рѣшить дѣло на другое утро въ 8 часовъ. Поужинавъ, мы возвратились съ Невельскимъ на судно въ 3-мъ часу ночи.

На другой день, мы встали въ 6 ч. утра, чтобы пригото-

влять почту и, между прочимъ, составили бумагу, рѣшительность выраженной которой должна была бы заставить Кошеварова подумать о послѣдствіяхъ, если онъ еще будетъ противиться. Въ 8-мь часовъ мы одѣлись, чтобы отправиться на берегъ, но пришли доложить, что Кошеваровъ ѣдетъ на шлюпкѣ. Мы остались въ каютѣ и приняли его тамъ. Было рѣшено, что «Николай» идетъ на Сахалинъ и оттуда на зимовку въ Татарскій проливъ, если другое компанейское судно не явится смѣнить его. Товары должны были тотчасъ же грузиться. Переговоривъ объ этомъ, Кошеваровъ уѣхалъ; скоро за нимъ и я поѣхалъ на байдаркѣ, чтобы присмотрѣть за поспѣшностью отпуска и нагрузки товаровъ. При этомъ, ясно видно было, что вопреки предписанія главнаго правленія, разборка и сортировка товаровъ для экспедиціи производилась до того непозволительно медленно, что, несмотря на то, что контора имѣла 35 дней времени (отъ 25 іюля по 1 сентября), товары совершенно не были приготовлены для отправки; фактуры даже составляли при насъ. Благодаря этому, нагрузка шла медленно и кончилась только 3-го числа, хотя работали даже ночью. Эта неисправность явно показываетъ, что Аянская контора держится въ безпорядкѣ, что Кошеваровъ, рассказывая по пристани, ничего порядочнаго не дѣлаетъ, хоть и хвастаетъ всякому пріѣзжему своею дѣятельностью. Въ продолженіи 35 д., что «Николай» былъ въ отсутствіи, приходило въ Аянъ только одно компанейское судно «Цесаревичъ», и то безъ груза. Приѣмъ въ порту былъ только пластовому якутскому транспорту, отпускъ солонины для Камчатки; все это не могло помѣшать приготовить товары для такой экстренной и важной экспедиціи, какъ сахалинская. Въ продолженіи трехъ дней проведенныхъ въ Аянѣ, я былъ съ утра до вечера занятъ, то по работамъ нагрузки, гдѣ приходилось почти съ бою брать вещи изъ пакгауза, то въ приведеніи въ порядокъ бумагъ для отсылки по почтѣ. Между прочимъ, я былъ несказанно обрадованъ полученіемъ писемъ отъ родныхъ. Я такъ давно уже не имѣлъ извѣстій изъ родного Петербурга. Съ какимъ-то трепетомъ радости и боязни распечатываешь письма, присланные изъ-за 10,000 верстъ. Благодаря Бога, всѣ извѣстія были хороши, только смерть друга дяди Федора Ивановича, Пор. Вас. Богословскаго, была печальною вѣстью.

Мы общались съ Невельскимъ пріѣхать съ судна проститься съ семействомъ Фрейганга, но, занявшись бумагами, опоздали, такъ что они уѣхали уже, когда мы вышли изъ шлюпки на берегъ. Взявъ двухъ осѣдланыхъ лошадей, мы догнали ихъ въ 3-хъ верстахъ отъ Аяна, гдѣ и простились съ ними. Не могу

не описать костюма m-me Фрейгангъ. Она надѣла брюки и пальто своего мужа, чепчикъ на голову и женскіе высокіе ботинки и усѣлась амазонкой въ этомъ костюмѣ.

и

III.

3-го сентября, утромъ въ 5 час., я съѣхалъ еще разъ на берегъ, чтобы взять нѣкоторыя вещи, забытыя при поспѣшной нагрузкѣ. Когда я отчалилъ отъ берега, «Николай» уже поднималъ паруса при слабомъ попутномъ вѣтрѣ. Изъ порта салютовали 7-ю выстрѣлами; на салютъ этотъ судно отвѣтило тѣмъ же числомъ. Скоро догналъ я «Николая» на быстрой байдаркѣ. На обратномъ пути въ Петровское вѣтеръ то же мало благопріятствовалъ намъ. 6-го числа подулъ свѣжій попутный N. Мы вошли въ Петровскій рейдъ. Смеркалось; вѣтеръ свѣжѣлъ, мы неслись подъ зарифленными марсеями по 10-ти узловъ. Вдругъ засвистѣлъ въ снастяхъ сильный штормъ. Нехладнокровный Клинокостремъ засуетился. На суднѣ начался безпорядокъ — результатъ неопытности матросовъ десанта, которые не знали кого слушать, потому что капитанъ судна командовалъ по-шведски своимъ матросамъ, Невельской и Рудановскій по-русски — своимъ. Штурмана суетились, бѣгали. Безпорядокъ на суднѣ былъ полный, обстоятельства были дѣйствительно нехороши, — лавировать было тѣсно, и потому выйти въ море невозможно. Мы находились между скалистымъ берегомъ мыса Левашова и банками, лежащими къ с.-в. отъ Петровскаго зимовья. Рѣшили бросить якорь на 11 с. глубины и возложить надежду на крѣпость цѣпи. «Если цѣпь не выдержитъ, сказалъ мнѣ капитанъ, то судно погибло, отлавировавшись я не надѣюсь». Скоро загремѣла цѣпь. Корабль всталъ. Противное теченіе помогало намъ, не давая волнамъ вытягивать сильно цѣпь. Шумъ на суднѣ прекратился. Какъ зритель, я присутствовалъ все время при работѣ на палубѣ. Картина борьбы стихій производила какое-то особенное впечатлѣніе. Чувство это я впервые испытывалъ. Борьба эта мнѣ нравилась, и я былъ спокоенъ. Во время шторма, волна закатилась въ каюту черезъ вентиляторъ и замочила всѣ бумаги Невельского.

Въ 11-мъ часу я легъ спать. Штормъ усиливался. Задремавъ немного, я очнулся отъ сильнаго толчка. Вставъ, я вышелъ узнать причину. Въ каютѣ мебели были опрокинуты. Толчекъ былъ дѣйствие дерганья цѣпи отъ натягиванія ее волною.

Вѣтеръ дулъ еще сильнѣе. Корабль бросало во всѣ стороны. Быль 12-й часъ. Штормъ свирѣпствовалъ въ полной силѣ. Спустившись въ свою каюту, я легъ въ постель. Безпрерывные толчки давали засыпать мнѣ только на нѣсколько минутъ. Наскучивъ лежать въ такой безпокойной люлкѣ, я поднялся на палубу въ 5-мъ часу утра. Вѣтеръ стихалъ. Небольшія сѣрыя облака носились по небу.

6-го сентября къ 8-ми часамъ совершенно стихло, мы подняли якорь и при слабомъ вѣтрѣ подошли къ Петровскому въ 12-мъ часу. Невельской тотчасъ же поѣхалъ на берегъ на байдаркѣ. Скоро за нимъ и я съѣхалъ на шлюпкѣ съ Рудановскимъ. При этомъ переѣздѣ я убѣдился въ томъ, что началъ предполагать сначала знакомства моего съ г. Рудановскимъ, т.-е. что онъ тяжелъ, какъ подчиненный, и несносный товарищъ. Послѣ я подробнѣе поговорю объ немъ. Когда мы сѣли на шлюпку, то Рудановскій при мнѣ, т.-е. при старшемъ и будущемъ ближайшемъ начальникѣ своемъ, началъ ругать матросовъ и общалъ высѣчь унтеръ-офицера за то, что онъ не назначилъ одного матроса на багъ. Я, конечно, замѣтилъ ему послѣ грубость этого поступка. Приѣхавъ въ Петровское, Невельской началъ дѣлать нужныя распоряженія насчетъ снабженія товарами различныхъ портовъ Приамурскаго края. Товары эти должны были быть привезены изъ Аяна на «Иртышъ».

7-го сентября, на другой день поутру пришли на рейды «Байкаль» и «Иртышъ». Это удачное собраніе судовъ въ одно время очень облегчило распоряженіе ими. Было рѣшено, что мы вечеромъ снимемся на «Николаѣ» съ якоря и пойдёмъ въ Анивѣ. «Иртышъ», снявъ съ себя грузъ амурской экспедиціи, пойдетъ за нами въ Анивѣ, гдѣ, обойдя берегъ остановится у мѣста высадки и пробывъ тамъ нужное время для защиты ея, пройдетъ на зимовку въ гавань «Императора Николая». «Байкаль» же, принявъ съ «Иртыша» камчатскій грузъ, долженъ былъ тотчасъ слѣдовать въ Аянъ и оттуда въ Камчатку. Насчетъ зимовки «Николая» еще не было рѣшено, потому что обстоятельства могли много измѣнить наши предположенія насчетъ занятія Сахалина. Погода стояла прекрасная, и въ свободное время до обѣда я поѣхалъ, на гилицкой лодкѣ, съ священникомъ Гавриломъ, въ ближайшее гилицкое селеніе. Я сѣлъ на весла, а отецъ Гавриилъ на руль. Гилицкая лодка сбивается изъ 4-хъ досокъ, — двѣ составляютъ прямое дно безъ киля и двѣ широкія — бока. Гребутъ маленькими веслами по-русски. На этихъ-то лодкахъ были сдѣланы описи береговъ Татарскаго пролива.

Гилицкое селеніе около Петровскаго зимовья состоитъ изъ

трехъ юртъ и нѣсколькихъ рыбныхъ амбаровъ. Познакомившійся со мною гилякъ Паткинъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. Его лицо мнѣ напоминало Гусейнхана, черкеса, воспитывавшагося въ Пажескомъ корпусѣ. Такіе же выпуклые глаза, вдавшійся лобъ, широкія скулы и выдавшіеся зубы. Вообще же гиляки довольно красивый народъ. Кожа ихъ смуглая, черты лица татарскія, глаза большіе; волосы черные густые, заплетены въ косу, спереди посерединѣ проборъ. Борода довольно густая. Одежда ихъ состоитъ изъ тулуповъ, сдѣланныхъ изъ собачьихъ шкуръ вверхъ шерстью; ноги необутыя. У нѣкоторыхъ я видѣлъ японскія шляпы. Женщины некрасивы, похожи на калмычекъ. Косъ не носятъ, а подстригаютъ сзади волосы. Паткинъ ввелъ насъ въ юрту свою. Юрта эта состояла изъ двухъ отдѣленій, выстроенныхъ изъ мелкаго лѣса. Переднее отдѣленіе устроено навѣсомъ. Къ стѣнамъ пристроены скамьи, на которыхъ держатъ на привязи собакъ. Изъ этихъ открытыхъ сѣней дверь ведетъ въ жилую юрту, т.-е. четырехугольную комнату съ очагомъ посреди и съ отверстіемъ надъ нимъ въ плоской крышѣ. Вокругъ стѣнъ широкія полати. По стѣнамъ развѣшаны стрѣлы, луки, ножи и другіе промышленныя орудія. На очагѣ огонь горитъ постоянно,—около него гилякъ проводитъ большую часть своей жизни, куря изъ маленькой мѣдной трубочки. Надъ очагомъ повѣшены большіе чугунные и мѣдные котлы, вымѣниваемые гиляками у японцевъ, съ которыми они ѣздятъ торговать въ Аниву. Пищею гиляку служитъ всякаго рода рыба, киты и нерпы. Въ юртѣ очень неопрятно. Между сидящими около очага было двѣ женщины — они не прячутся отъ гостей. Просидѣвъ съ полчаса въ юртѣ, мы пошли съ Паткинымъ смотрѣть его огородъ. Онъ очень гордился имъ. По словамъ Невельскаго, гиляки считаютъ большимъ грѣхомъ копать землю и полагаютъ, что кто начнетъ рыть землю, тотъ непременно умретъ, и потому съ большимъ трудомъ уговорили нѣкоторыхъ изъ нихъ разводить огородныя овощи. Когда мы воротились въ Петровское, обѣдъ былъ уже готовъ. Послѣ обѣда еще долго сидѣли; видно было, что Невельскому хотѣлось подольше остаться съ женою. Когда начало смеркаться, я рѣшился подать знакъ къ отбѣду. Общество поднялось и пошло къ шлюпкамъ. Когда мы отвалили, семь выстрѣловъ отсалютовали начальнику зимовья. Мы встали на шлюпкѣ и махая фуражками простились съ остающимися.

Подѣзжая къ выходу изъ гавани «Счастья», мнѣ послышались крики въ зимовьѣ. Не понимая, чтó бы это было, я ничего не сказала, чтобы не обезпечить напрасно Невельскаго. Мы уже готовы были спуститься въ море, когда я увидѣлъ бѣгущаго

по берегу человѣка. Я пердалъ объ этомъ Невельскому. Мы остановили гребцовъ и услышали слова «деньги оставили». Тутъ я вспомнилъ, что я оставилъ у М. Бачмановой на сохраненіе 6,000 руб. сер. сахалинской кассы, прося ее отдать мнѣ ихъ, когда мы поѣдемъ на судно. Мы оба позабыли объ этихъ деньгахъ. Къ счастью подлѣ катера нашего шла байдарка, я пересѣлъ на нее и поѣхалъ въ зимовье, катеръ же продолжалъ свой путь къ судну. Когда уже совсѣмъ стемнѣло, я пріѣхалъ на судно. Тамъ уже все было готово къ молебну. Гилякъ Паткинъ тоже былъ взятъ по моему приглашенію на «Николай». Онъ съ удивленіемъ разсматривалъ богатые каюты корабля. Молебенъ служилъ отецъ Гавріиль въ каютъ-компаніи. Послѣ молебна онъ сказалъ небольшую проповѣдь, довольно хорошо составленную. Гилякъ Паткинъ все время крестился, онъ даже носить крестъ на шеѣ. Невельской окрестилъ четырехъ гиляковъ по ихъ желанію. Правительство, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, запретило крестить гиляковъ, такъ что на представленіе архіепископа послать къ гилякамъ миссіонера было отказано, а повелѣно было назначить священника для исполненія требъ служащихъ въ амурской экспедиціи. Архіепископъ назначилъ своего сына, дозволивъ ему помазать тѣхъ гиляковъ, которыхъ окрестилъ Невельской. Отецъ Гавріиль собирался серьезно заняться дѣтьми гиляковъ, чтобы исподволь приготовить ихъ къ правиламъ христіанской религіи. Дай Богъ ему успѣха!

Въ 10 час. вечера мы снялись съ якоря, приставившись съ священникомъ и Л. Гавриловымъ, которые возвратились на берегъ. Переходъ нашъ изъ Петровскаго до м. Анива былъ очень неудаченъ. Противные вѣтры дули почти все время перехода. Спустившись южнѣ мыва Терпѣнія, мы почувствовали большую перемену въ температурѣ. Сдѣлалось гораздо теплѣе, туманы прекратились. Мысъ Терпѣнія можетъ, кажется, считаться, южною оконечностью суроваго Охотскаго моря. Во все время перехода разговоръ вертѣлся на занятіи Сахалина, на дѣйствіяхъ въ Приамурскомъ краѣ и на разборѣ дѣйствій россійско-американской компаніи. Насчетъ занятія Сахалина Невельской говорилъ въ Петровскомъ и по выходѣ оттуда, что такъ какъ позднее время уже, то онъ полагаетъ оставить въ Анивѣ постъ изъ 10-ти человѣкъ, въ знакъ политическаго занятія острова Сахалина, а остальной десантъ оставить зимовать съ «Николаемъ» въ гавани «Императора Николая», съ тѣмъ чтобы я раннею весною пришелъ въ Аниву и занялъ пунктъ, который найду наиболѣе удобнымъ и выгоднымъ. Постъ изъ 10-ти чел. долженъ былъ встать на мѣстѣ, удаленномъ отъ японскихъ заселеній. Прекрасная погода, встрѣ-

тившая насъ у мыса Анива, совершенно измѣнила намѣренія Невельскаго. Онъ началъ поговаривать, что находитъ необходимымъ занять нынѣшнею же осенью Аниву, поставивъ постъ по возможности ближе къ японцамъ и потому этого дѣла не можетъ поручить Рудановскому, а приглашаетъ меня остаться зимовать на Сахалинѣ. Я, конечно, изъявилъ свою готовность; но высказалъ свое мнѣніе, что, не имѣя еще никакихъ положительныхъ свѣдѣній объ японцахъ, нельзя рѣшить дѣло окончательно, тѣмъ болѣе, что по распоряженію Невельскаго поручикъ Орловъ долженъ былъ съ половины августа собирать свѣдѣнія о японцахъ и жителяхъ Сахалина, для чего онъ долженъ былъ отъ мѣста его высадки съ «Байкала», подъ 51⁰, пройти весь восточный берегъ Сахалина до мыса Крильона, гдѣ назначено было ему дожидать насъ до половины сентября. На случай, если бы мы не пришли къ этому времени, онъ долженъ былъ пробираться на мѣсто назначенное для высадки, т. - е. бухту Томари-Анива (собственно Томари означаетъ — бухту, гавань). Итакъ, странно было рѣшить что-нибудь прежде свиданія съ Орловымъ. Мнѣ жаль было послѣ, что я спорилъ насчетъ этого съ Невельскимъ, но мнѣ досадно было слушать неосновательныя и мало серьезныя разсужденія о дѣлѣ, котораго неудачное исполненіе могло произвести очень дурное вліяніе на наши отношенія къ Японіи и Китаю, да и на самое владѣніе Сахалиномъ и его жителями.

17-го числа, мы обогнули скалистый мысъ Анива, лежащій подъ 45⁰ с. ш. Это была 4-я точка Сахалина, которую я видѣлъ — первая мысъ Елисаветы, вторая мысъ Маріи — оба на сѣверѣ; третья мысъ Терпѣнія на востокъ и четвертая мысъ Анива на югѣ. Отъ сѣверныхъ и восточныхъ береговъ мы проходили далеко и не видѣли ихъ. Говорятъ, что близъ мыса Елисаветы есть горящій вулканъ. Около ю.-в. береговъ мы прошли близко и въ ясную погоду. Берега эти гористы, но высокихъ горъ нѣтъ, коническихъ совсѣмъ не было видно. Растущая на горахъ трава и мелкій лѣсъ дѣлаютъ сахалинскіе берега веселѣе охотскихъ.

Обогнувъ мысъ Анивы, мы направились прямо на мысъ Крильона, гдѣ долженъ былъ ожидать насъ Орловъ. Проходя черезъ заливъ Анива, мы были постоянно окружены китами и цѣлыми стадами разнаго рода рыбъ. Богатство рыбою залива Анива и привлекло къ нему японцевъ, у которыхъ рыба есть главный продуктъ, какъ у насъ говядина, которую японцы совсѣмъ не употребляютъ. Во время плаванія нашего по заливу Анива, погода была прекрасная на морѣ, но берега оставались закрыты туманомъ. Термометръ показывалъ 20⁰ тепла поутру;

правда, мы были подь 45° с. ш. Къ вечеру 18-го ч. мы подплыли къ мысу Крильону. Онъ былъ открытъ отъ тумана отъ оконечности къ с. на 11' протяженія. Слѣдовательно, если Орловъ былъ бы на немъ, то онъ слышалъ бы условные 9 выстрѣловъ, сдѣланные нами. Но отвѣта не было, и потому утромъ 19-го числа, при тихомъ противномъ вѣтрѣ, мы начали лавировать по направленію къ японскимъ заселеніямъ. Когда уже совсѣмъ стемнѣло, капитанъ судна увидѣлъ близко, передъ самымъ носомъ корабля, что-то черноватое; всѣ вышли на палубу и признали видимый предметъ за землю, вслѣдствіе чего тотчасъ же бросили якорь. Скоро мы убѣдились, что дѣйствительно берегъ близокъ отъ насъ. Шумъ якорной цѣпи, вѣроятно, разбудилъ японцевъ: на берегу въ миляхъ 3-хъ отъ насъ появились огни. Маревы, закрывавшее берегъ, разсѣялось, и онъ ясно окраился. По приказанію Невельскаго былъ выставленъ на суднѣ караулъ изъ 12 матросовъ. Часовымъ приказано наблюдать за берегомъ и если увидятъ какое-нибудь гребное судно, окликать его. Во время ужина много было споровъ и смѣха. Одни полагали одно, другіе другое, и всѣ съ удовольствіемъ и нетерпѣніемъ ожидали свиданія съ японцами. Было рѣшено, что утромъ судно снимается съ якоря, чтобы ближе подойти къ селенію, на тотъ случай, если японцы имѣютъ пушки, и по своему обыкновенію вздумаютъ непріязненно встрѣтить наши шлюпки, на которыхъ я и Невельской предполагали съѣхать на берегъ; тогда судовая батарея могла своимъ огнемъ прикрыть нашу высадку. Когда разсвѣло, мы снялись съ якоря. Мы стояли прямо противъ селенія Усонной (название это я послѣ узналъ). Правѣ селенія этого было видно еще два селенія; въ одномъ изъ нихъ было видно много строеній, и поэтому мы заключили, что оно должно быть главное японское селеніе. Вставъ на якорь въ миляхъ двухъ отъ берега, мы начали готовиться къ съѣзду на берегъ.

Было 11 часовъ. Погода стояла прекрасная. Спустили двѣ шлюпки и байдарку. На первой шлюпкѣ сѣлъ я съ Невельскимъ, пять гребцовъ и унтеръ-офицеръ Теленевъ на бакѣ. Ружья были спрятаны на днѣ лодки. Съ собой взяли мы различныхъ бездѣлушекъ для подарковъ. На второй шлюпкѣ ѣхалъ Л. Бошнякъ съ 4-мя гребцами. Байдарка шла подлѣ шлюпокъ, на случай если бы нужно было послать за чѣмъ-нибудь на судно. Капитану было приказано, если мы поднимемъ флагъ, тотчасъ спускать на воду барказъ и шлюпку, на которой Л. Рудановскій долженъ былъ слѣдовать на берегъ съ 20-ю вооруженными матросами. Если же будетъ сдѣланъ выстрѣлъ, то корабль долженъ былъ сниматься

съ якоря и подойти на три сажени глубины, чтобы открыть огонь съ бортовъ по селенію. На суднѣ былъ выкинутъ военный флагъ. Когда шлюпки отвалили отъ борта, на берегу замѣтно было большое движеніе. Жители собирались къ селенію, въ которое мы ѣхали. Не доѣхавъ до берега сажень сто, шлюпки наши сѣли на мель. Собравшіеся дикари на берегу бросились въ воду и съ крикомъ бѣжали къ намъ, махая древесными метелками. Въ одну минуту мы были окружены со всѣхъ сторонъ. Дикари показывали намъ знаками, что они хотятъ дружески принять насъ. Нѣкоторые изъ нихъ произносили слово «Америка». Мы стали объяснять имъ, что мы русскіе, а не американцы. Невельской показывалъ знаками, что американцы хотятъ придти на Сахалинъ и что, поэтому, мы хотимъ поселиться у нихъ, чтобы защитить ихъ отъ американцевъ. Они, казалось, поняли насъ. Вынувъ вещицы, которыя мы взяли съ собою, мы стали дарить. Бронзовыя и стальныя вещи, какъ-то — ножики, ножницы, пуговицы и т. п. очень нравились имъ; простой же табакъ нашъ (махорка) они нехотя брали. Черезъ нѣсколько времени подошли къ намъ нѣсколько японцевъ. Ихъ лица рѣзко отличались отъ айнскихъ.

Японцы немного походятъ на карикатурныя вывѣски чайныхъ магазиновъ, только глаза не такъ вздернуты кверху, и они не носятъ усовъ. На головѣ они брѣютъ волосы, оставляя неширокую полосу длинныхъ волосъ снизу по затылку до висковъ. Волосы эти собираются на темѣ въ косичку, такимъ образомъ перевязанную, что, поднявшись на вершокъ въ выпину, она заворачивается крючкомъ впередъ и ложится впередъ по бритой головѣ. Волосы у всѣхъ видѣнныхъ мною японцевъ — черные. Ростъ ихъ вообще малый. Одежда состоитъ изъ нѣсколькихъ халатовъ, верхній изъ нихъ у всѣхъ синей бумажной матеріи. Рукава широкіе, спускаются немного длиннѣ локтя. Прорѣзъ для руки сдѣланъ вполосину ширины рукава. Нижняя часть, составляя въ родѣ мѣшка, служитъ для согрѣванія рукъ. Японцы почти всегда прячутъ туда свои руки, это даетъ имъ карикатурный видъ. Брюки носятъ они въ обтяжку. Обувь — синіе чулки и въ сухую погоду надѣваютъ соломенныя подстилки подъ подошву ноги; нога продѣвается подъ веревочную петлю; отъ нея еще третья веревочка проходитъ между большимъ и вторымъ пальцами ноги, прикрѣпляясь къ носку подстилки. На головѣ ничего не носятъ. Движенія и манеры смѣшныя, женоподобныя. Айны же народъ красивый вообще. Смуглыя лица ихъ мужественны. Черные густые волосы свои на головѣ они брѣютъ спереди; сзади обстригаютъ въ кружокъ

какъ наши мужики. Бороды густыя и длинныя. Одежда состоитъ изъ халатовъ и шубъ изъ собачьихъ шкуръ, вверхъ шерстью. На ногахъ мѣховыя чоботы, тоже вверхъ шерстью. При случаѣ, я подробнѣе опишу ихъ наружность и одежду.

Мы предложили подошедшимъ къ шлюпкамъ японцамъ нѣкоторыя вещи. Они сначала не рѣшались взять, но подъ конецъ соблазнились. На вопросъ нашъ, гдѣ ихъ джанчи (старшина), они намъ указали на большое селеніе. Снявшись съ мели, мы поѣхали въ это селеніе. Шлюпка подошла вплотъ до берега. Во время нашего переѣзда айны успѣли тоже перейти въ томари и снова окружили насъ у мѣста нашего выхода на берегъ. Изъ селенія къ намъ вышелъ японецъ. Невельской объяснилъ, что онъ желаетъ говорить съ джанчиномъ (офицеръ) и приглашаетъ его придти на берегъ. Японецъ, съ своей стороны, показывалъ намъ знаками, чтобы мы шли въ селеніе. Посовѣтовавшись, мы согласились принять его приглашеніе, потому что, повидимому, не было никакихъ укрѣпленій и военной силы у японцевъ, и слѣд. нельзя было ожидать, чтобы съ нами японцы сыграли бы такую же шутку, какую они сыграли съ Головиннымъ. Пройдя по пристани, на которой лежало множество плоскодонныхъ лодокъ, мы повернули отъ берега и поднявшись немного на возвышенность увидѣли нѣсколько строеній японской архитектуры, разбросанныхъ по холмамъ и между ними лежащей неширокой долины. Къ самому большому изъ нихъ вель насъ японецъ. За нами шла цѣлая толпа айновъ. Войдя въ строеніе, похожее на звѣринецъ, мы увидѣли семь японскихъ старшинъ острова Сахалина. Они сидѣли, поджавши ноги, на соломенныхъ матахъ, уложенныхъ по тремъ сторонамъ четырехугольнаго очага, на которомъ разведенъ былъ небольшой огонь. Старшій джанчи, чрезвычайно толстый, занималъ мѣсто президента. Одна сабля была заткнута у него за поясомъ, другая лежала подлѣ него. Остальные шесть японцевъ (его совѣтники) сидѣли по-трое по обѣ его руки. У четвертой стороны противъ старшинъ постланы были для насъ маты. Мы разлеглись на нихъ и начали объясняться насчетъ нашихъ намѣреній остаться жить съ японцами на Сахалинѣ. Весь сарай наполнился айнами. Ближе къ намъ, на возвышенномъ же полу усѣлись безъ особаго порядка остальные японцы, человѣкъ пятнадцать. Смѣшно было смотрѣть, какъ Невельской старался объяснить японцамъ, что русскіе хотятъ дружно жить съ ними и айнами, что занимаютъ Сахалинъ для защиты его отъ американцевъ. Когда казалось, что джанчи и товарищи поняли въ чемъ дѣло, мы вынули подарки, состоявшіе изъ сукна, шерстяныхъ платковъ,

шарфовъ, стальныхъ вещей и пуговицъ. При раздачѣ вещей этихъ старшинамъ, они съ любопытствомъ разсматривали ихъ и укладывали подлѣ джанчи. Между тѣмъ намъ принесли вареную камбалу въ фаянсовыхъ чашкахъ, похожихъ на наши полоскательныя чайныя. Японцы показывали намъ, какъ надо управляться палочками, которыя замѣняютъ у нихъ наши ножи и вилки. Съ нами были взяты бутылка рому, бѣлаго вина и лимонаду. Мы угостили этими напитками японцевъ; видно было, что имъ наши вина нравились. Былъ уже часъ третій, а намъ еще надо было отыскать мѣсто для поселенія. Я предложилъ кончить объясненія съ японцами, чтобы ѣхать осматривать берегъ. Невельской началъ обнимать и цѣловать японцевъ, показывая знаками, что русскіе будутъ вмѣстѣ съ японцами дружно жить; что они американцевъ не пустятъ на Карафту (Сахалинъ по-японски), что пушки для этого привезли съ собою. Они очень холодно принимали эти ласки, ничего не отвѣчая на нихъ. Сѣвъ на шлюпки, мы поѣхали осматривать берегъ къ востоку отъ Томари. Доѣхавъ до первой бухты въ этомъ направленіи, мы попробовали-было подѣхать къ берегу, но попавъ на мель, по желанію Невельского поѣхали далѣе за слѣдующій мысъ. Послѣ уже я увидѣлъ, какъ худо сдѣлали мы, что не осмотрѣли долины этой бухты; Невельской увидѣлъ бы тогда прекрасное мѣсто для поселенія, съ рѣкою. Послѣ я опишу эту бухту Пуруанъ-Томари. Видя, что Л. Бошнякъ и байдарки совершенно напрасно разѣзжаются за нами, я предложилъ Невельскому отпустить ихъ на корабль съ тѣмъ, чтобы поручить имъ осматривать западный берегъ залива. Вообще надо правду сказать, что осмотръ мѣстности былъ безпорядочно сдѣланъ. Слѣдовало тотчасъ же, по окончаніи объясненій съ японцами, разослать вездѣ офицеровъ въ шлюпкахъ и байдаркѣ осматривать берегъ, назначивъ каждому участокъ. Въ одни сутки осмотръ былъ бы конченъ, и мы не упустили бы изъ виду славной бухты Пуруанъ-Томари. Поѣхавъ же на двухъ шлюпкахъ и байдаркѣ по одному направленію и оставивъ въ бездѣйствіи на кораблѣ Л. Рудановскаго и штурмановъ, мы напрасно потеряли цѣлый день, и черезъ это Невельской, желая скорѣе кончить высадку, чтобы не опоздать въ Кастри и оттуда идти въ Петровское еще не позамерзшимъ рѣкамъ, навелъ себя на невыгодное и неполитическое, по моему мнѣнію, рѣшеніе, стать въ главномъ японскомъ селеніи.

Отославъ Бошняка и байдарку, мы продолжали съ Невельскимъ ѣхать вдоль берега. Обогнувъ мысъ, мы увидѣли въ миляхъ двухъ другой мысъ, за которымъ слѣдовало предполагать

бухту. Гребцы были очень утомлены и потому, приставъ къ берегу, оставили людей со шлюпкой дожидать насъ, пока мы пѣшдомъ осмотримъ бухту. Пробираясь по лайдѣ на мысъ, я съ досадою нѣсколько разъ долженъ былъ останавливаться и ждать, пока Невельской закуривалъ свою трубку. Къ несчастью еще спички были сырыя. Невельской, какъ ребенокъ, сердился; я просилъ его потерпѣть и не курить до возвращенія нашего на шлюпку, потому что закуриванье брало такъ много времени, что мы ничего не успѣли осмотрѣть. Не могли убѣдить его, я для ускоренія началъ доставать для него огонь, стрѣляя изъ карманнаго пистолета хлопчатую бумагою. Дойдя наконецъ до мыса, мы увидѣли обширную бухту, омывавшую довольно глубокую долину. «Тутъ нечего и смотрѣть, воскликнулъ съ радостью Невельской, завтра подойдемъ сюда и будемъ выгружаться». Желая разсмотрѣть поподробнѣе мѣсто, я предложилъ пройти далѣе по лайдѣ. Достигнувъ до глубины бухты, я пошелъ во внутрь долины черезъ растущій по лайдѣ тростникъ. Вдругъ саженой пять передо мной открылось небольшое озеро и впадающая въ нее небольшая рѣчка. Зачерпнувъ раковиную воды, я принесъ къ Невельскому; вода была прѣсная. Мы пошли далѣе по берегу, чтобы открыть устье рѣчки. Скоро мы дошли до него. Я попробовалъ перейти въ бродъ устье рѣчки, но вода была выше голенищъ, и я вернулся. Въ это время задулъ несильный южный вѣтеръ, именно съ того румба, съ котораго бухта открыта съ моря. Вѣтеръ этотъ развелъ довольно большой бурунь, вслѣдствіе чего Невельской нашель, что нельзя становиться въ бухтѣ, потому что разгрузка будетъ затруднительна. Бухта эта, какъ я послѣ узналъ, наз. Хукуй-Катанъ. Начало смеркаться, мы пошли назадъ къ шлюпкѣ и въ 11-мъ часу вечера воротились на корабль. У Невельского родилась во время переѣзда нашего мысль встать въ сосѣдней бухтѣ (Пуруанъ-Томари) съ главнымъ ея селеніемъ. Въ ней видѣли мы нѣсколько японскихъ сараевъ, айскихъ жилищъ и небольшой храмъ. Полагая невыгоднымъ занимать мѣсто, занятое уже японцами, я просилъ Невельского назначить слѣдующій день на осмотръ береговъ, разославъ всѣ гребныя суда, и если ничего хорошаго не найдутъ, тогда занять Пуруанъ-Томари, гдѣ мы были бы все-таки удалены отъ главнаго японскаго селенія хоть на одну милю. Невельской согласился на мое предложеніе и потому, прѣхавъ на судно, я тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы съ разсвѣтомъ начать рекогносцировку. Съ разсвѣтомъ 21-го сентября я всталъ съ тѣмъ, чтобы спускаться тотчасъ же шлюпки для рекогносцировки. Невельской еще былъ въ постели. Я за-

шелъ къ нему, чтобы условиться кому куда ѣхать осматривать берегъ, какъ вдругъ онъ объявилъ мнѣ, что онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и хочетъ теперь высадить насъ въ главномъ японскомъ селеніи. Эта внезапная перемѣна мыслей произошла, какъ я послѣ узналъ, подъ вліяніемъ совѣтовъ Клинокострѣма, желавшаго, разумѣется, скорѣе отдѣлаться отъ стоянки въ осеннее время въ незакрытой бухтѣ и поэтому нежелавшаго, чтобы еще употребили цѣлыя сутки для пріисканія мѣста высадки, куда ему пришлось бы еще переходить съ кораблемъ. Я высказалъ рѣшительно свое мнѣніе Невельскому, что селиться въ селеніи японцевъ, между ихъ жилищами, не слѣдуетъ, потому что это есть поступокъ насильственный; что трудно будетъ при такомъ близкомъ сосѣдствѣ предупредить какія-нибудь пустячныя, но въ нашемъ положеніи важныя, столкновенія нашихъ людей съ японцами; что наконецъ, это противно приказаніямъ губернатора, назначившаго селиться въ сторонѣ отъ японскихъ селеній, да и противно самимъ словамъ инструкціи, которую онъ же, Невельской, далъ мнѣ насчетъ обращенія съ японцами и туземцами; въ инструкціи этой сказано, что обращаться съ японцами мирно, внушая имъ, что русскіе пришли на Сахалинъ защищать ихъ отъ иностранцевъ, а отнюдь не тревожить и не стѣснять ихъ. Наконецъ, въ инструкціи этой предписывается мнѣ не нарушать интересовъ японцевъ въ торговлѣ съ туземцами. Представивъ все это Невельскому, я спросилъ его, какъ же сдѣлать, чтобы согласить эти мирныя и осторожныя отношенія съ занятіемъ селенія японцевъ, съ водвореніемъ, такъ сказать, въ домѣ ихъ, и слѣд. стѣснить ихъ. Я получилъ на это въ отвѣтъ, что необходимо стать на указанномъ мѣстѣ, что онъ считаетъ невозможнымъ разгружаться въ другомъ мѣстѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я, конечно, повинуюсь приказанію и буду дѣйствовать такъ, чтобы по возможности удержать мирныя сношенія съ японцами; но тѣмъ не менѣе духъ экспедиціи нашей измѣнился, теперь пушки и ядра будутъ болѣе на виду, чѣмъ товары; какое это будетъ имѣть вліяніе на наши политическія сношенія съ Японією и на переговоры адмирала Путятина въ Нангасаки, — я не знаю, но не думаю, чтобы выгодное; одно ясно, что на Сахалинѣ у японцевъ военной силы нѣтъ, слѣд. мы можемъ дѣлать пока, что хотимъ. Кончивъ этотъ разговоръ, я уже больше не вмѣшивался въ разсужденія, потому что видѣлъ, что главная пружина всему—скорѣе выбросить насъ на берегъ. Надо было слышать умствованія молодого, впрочемъ прекраснаго юноши Л. Бошняка, досаднѣе еще было видѣть, что Невель-

свой вторилъ имъ, не потому, чтобы онъ обсудилъ предметъ, а потому, что это ускоряло его возвращеніе въ Петровское.

Теперь, когда я пишу эти строки, я вполне убѣдился, что я былъ справедливъ въ своихъ доводахъ, но, конечно, я понималъ, что эгоизмъ Невельскаго простителенъ; онъ отвѣчалъ, кромѣ себя, и за безопасность судна—однимъ словомъ, онъ человѣкъ благородныхъ чувствъ, слѣд. многое ему простить можно. Бошнякъ—мечтатель и дитя.

IV.

Рѣшившись занять селеніе Томара, нужно было ближе подойти къ нему и потому мы снялись съ якоря и подошли на глубину $4\frac{1}{2}$ с. противъ селенія, бросили снова якорь. Высадка должна была быть сдѣлана на 2-хъ шлюпкахъ и барказѣ. Въ барказѣ были положены двѣ пушки, прикрытыя брезентомъ, вмѣстѣ съ ружьями. На носу шлюпокъ были выкинута бѣлые флаги, на барказѣ и кораблѣ военные. Вся эта процессія двинулась къ берегу въ 11 часовъ утра 21-го сентября. На берегу насъ встрѣтила толпа айновъ и нѣсколько человѣкъ японцевъ. Невельской началъ снова объяснять имъ наши мирныя намѣренія. Матросы выстроились въ двѣ шеренги; я, поднявъ флагъ, всталъ передъ ними. Скомандовавъ: шапки долой! Невельской приказалъ спѣть молитву. Команда запѣла молитву «Отче нашъ», потомъ спѣли «Боже царя храни», раздалось русское ура, откликнувшееся на кораблѣ, и Сахалинъ сдѣлался русскимъ владѣніемъ. Собравшіеся японцы и айны съ удивленіемъ смотрѣли на насъ. Къ одному изъ столбовъ пристани прикрѣпили флагъ и поставили къ нему часового, сзади флага раскинули двѣ палатки. Кончивъ все это, Невельской пошелъ съ японцами къ ихъ джанчину, а я съ Рудановскимъ началъ осматривать мѣстность, для выбора пункта къ заселенію.

Взойдя на возвышенность сѣвернаго мыса бухты, мы имѣли селеніе и всю долину на ладони. Но куда мы ни обращали глаза наши, вездѣ, на мѣстахъ удобныхъ и близкихъ къ пристани, видѣли японскія строенія. Рудановскій, поддерживавшій прежде мнѣніе Невельскаго, первый же сказалъ, что по его мнѣнію, селиться намъ здѣсь нельзя. Я замѣтилъ ему, что онъ теперь самъ видитъ, какъ ему не слѣдовало разсуждать на кораблѣ, не выходя на берегъ, гдѣ лучше селиться. Мысль, на котормъ мы находились, такъ высова и крута, что строиться на

немъ нельзя было и думать; долина и холмъ, раздѣляющіе на двѣ части, были сплошь застроены.

Сѣверный мысъ казался мнѣ самымъ удобнымъ. Онъ не высокъ, всходъ на него не слишкомъ труденъ, въ военномъ отношеніи положеніе его превосходно; если поставить на немъ батареи,—селеніе и бухта будутъ находиться подъ продольными выстрѣлами. Но и этотъ мысъ былъ занятъ магазинами японцевъ. Возвратясь къ японскому джанчину, я нашелъ тамъ Невельского. Разказавъ ему мой осмотръ, я передалъ ему мое мнѣніе, что считаю единственнымъ пунктомъ, возможнымъ для построекъ, сѣверный мысъ; но онъ застроенъ, и поэтому нахожу, что и на немъ становиться дурно, ибо для этого надо будетъ рѣшительно заставить японцевъ предоставить свои магазины намъ, или перенести ихъ въ другое мѣсто — а это есть насиліе. Невельской, мысленно соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ, обратился къ японцамъ съ просьбою, чтобы они сами указали мѣсто для русскихъ. Японецъ, занимавшій второе мѣсто послѣ главнаго начальника, но имѣвшій, какъ казалось, большое вліяніе на послѣдняго, всталъ и повелъ насъ по селенію; идя за нимъ, Невельской, я и Рудановскій продолжали спорить насчетъ неудобствъ поселиться вмѣстѣ съ японцами. Между тѣмъ мы спустились къ лайдѣ и обогнувъ сѣверный мысъ, шли далѣе по берегу. Ясно было, что японецъ хотѣлъ предложить намъ стать въ сосѣднемъ селеніи Пуруанъ-Томари. Я радовался уже, что Невельской откажется отъ своего упорнаго желанія занять Томари, потому что здѣсь оказалось еще лучше, и что японцы сами назначатъ намъ, гдѣ поставить намъ наши батареи, чтобы владѣть Сахалиномъ. Но радость моя была непродолжительная. Невельской, замѣтя, что японецъ отводитъ насъ отъ селенія Томари, остановилъ его и показалъ знаками, что онъ не хочетъ идти далѣе. Я предложилъ ему подождать окончательно рѣшать мѣсто высадки, и посмотрѣть сперва, куда проведетъ насъ японецъ; если онъ укажетъ неудобное мѣсто, то тогда возвратиться назадъ, объяснивъ ему, что мы хотимъ встать въ Томари. Но никакія убѣжденія не дѣйствовали на Невельского и, что всего досадише, Рудановскій, съ своей стороны, дѣлалъ безтолковыя замѣчанія, которыя еще болѣе поддерживали настойчивость Невельского. Позже Рудановскій раскаивался, когда осмотрѣлъ бухту Пуруанъ-Томари.

Чтобы смягчить немного настойчивое требованіе Невельского отъ японца, чтобы онъ отвелъ мѣсто въ своемъ селеніи, я показалъ ему знаками, что тамъ, куда онъ велъ насъ, должно быть мелко. Не знаю, понялъ ли онъ меня. Воротившись назадъ, мы поднялись

на площадъ сѣвернаго мыса и объяснили японцу, что это мѣсто мы хотимъ занять. На этой площадѣ находились два сарая, ниже на скатѣ мыса стояли еще три магазина; далѣе слѣдовала вырытая въ горѣ площадка въ 11 сажень въ квадратѣ, одна сторона котораго была занята еще 6-мъ магазиномъ. Увидѣвъ эту платформу, Невельской съ радостью обратился ко мнѣ съ словами: «Что можетъ быть лучше этого мѣста, посмотрите—отсюда вы командуете селеніемъ и бухтой».—Это справедливо, отвѣчалъ я, если съ вершины мыса никто не будетъ нами командовать, да и потомъ, возможно ли обстроиться командѣ изъ 70 чел. состоящей на квадратѣ въ 11 саж.? Рѣшено было строиться двумя ярусами, поставивъ на оба по батарее. Я уже говорилъ, что въ военномъ отношеніи два пункта эти хороши, но между нашими строевыми будутъ стоять японскіе магазины, слѣд. надо ихъ уничтожить, чтобы имѣть свой дворъ, такъ сказать; а не забудьте, что мы должны обращаться дружно и мирно съ японцами и не тревожить ихъ. Я это замѣтилъ Невельскому и предложилъ ему купить у японцевъ сарай. Торгъ нашъ не долго продолжался, — японцы готовы были, кажется, все отдать, только бы ихъ въ покоѣ оставили. Два магазина были куплены, слѣд. еще три остались на нашемъ дворѣ; этихъ они не хотѣли, или лучше сказать, не могли уступить намъ потому, что они заняты были какими-то нужными вещами. Рѣшивъ начать на другой день съ утра разгрузку, мы, оставивъ на берегу три орудія, 20 ч. людей подъ начальствомъ Рудановскаго, поѣхали дѣлать промѣръ бухты, чтобы выбрать мѣсто пристани нашимъ шлюпкамъ и барказамъ. Возвратясь на судно, мы условились съ Невельскимъ высадить на Сахалинъ 59 ч. матросовъ и 8 наемныхъ работниковъ, остальные 11 ч. матросовъ и одинъ казакъ оставлены были на суднѣ, болѣе для того, что экипажъ «Николая» былъ слишкомъ слабъ для осенняго плаванія. Люди эти должны были зимовать въ гавани «Императора Николая», гдѣ находилось еще 11 ч. казаковъ сахалинской же экспедиціи: отправленные въ августѣ 5 казаковъ и 1 матросъ на островъ Сахалинъ съ Орловымъ, должны были присоединиться къ десанту, если они придутъ къ мѣсту высадки его, т.-е. въ Томари.

Съ разсвѣтомъ 22-го сентября началась выгрузка; на кораблѣ былъ только одинъ барказъ и то подымавшій не болѣе 150-ти пудовъ. На шлюпкахъ, которыхъ было три, почти ничего нельзя было перевезть. Грузу слѣдовало перевезти около 4000 пудовъ. Корабль стоялъ отъ берега на полчаса ѣзды, такъ что, по расчету, едва можно было бы въ недѣлю выгрузиться. Мы обратились съ просьбою къ японцамъ, чтобы они дали намъ двѣ

большія лодки, называемыя у нихъ соймами. Они обѣщали, когда утихнетъ вѣтеръ, дувшій довольно сильно во весь день. Итакъ, 22-е число прошло почти въ бездѣйствіи. Ночью задулъ сильный ю.-з. вѣтеръ; къ разсвѣту онъ очень усилился. Не надѣясь, что одинъ якорь удержитъ, бросили другой. Волна развелась довольно большая, съѣхать на берегъ было невозможно. Къ вечеру начало стихать. На другой день всѣ поднялись съ разсвѣтомъ. Было довольно тихо и поэтому тотчасъ начали разгрузку. Я поѣхалъ на байдаркѣ на берегъ, собралъ тамъ айновъ и послалъ ихъ на судно на соймѣ. Сойма — это большая плоскодонная лодка; она подымаетъ до 500 пудовъ и чрезвычайно удобна для перевоза тяжестей въ мелкихъ мѣстахъ. На соймѣ, которую я отправилъ на корабль, насѣло человекъ 15 айновъ. Восемь изъ нихъ гребли короткими веслами, держа ихъ обѣими руками за поперечную палку, придѣланную къ веслу. При этомъ они пѣли, произнося, какъ казалось мнѣ, одни и тѣже слова. Подѣхавъ къ судну, всѣ айны тотчасъ же бросились по трапу на судно, и съ большимъ любопытствомъ разсматривали его богатую внутренность. Всего болѣе удивляли ихъ стеклянные окна. Бывшихъ на суднѣ свиней они перепугались. Съ помощью двухъ соймъ разгрузка шла очень скоро. Къ 24-му числу къ вечеру почти уже все было свезено на берегъ. 25-го, Невельской уѣхалъ рано утромъ на берегъ. Скоро за нимъ и я отправился, сдѣлавъ послѣднія распоряженія для отправки нѣкоторыхъ забытыхъ вещей. Приѣхавъ на берегъ, я къ неудовольствію моему узналъ, что опасенія мои не были напрасны. Японцы, испуганные нашимъ нашествіемъ, ночью ушли всѣ изъ селенія во внутрь острова. Невельской требовалъ отъ айнскаго старосты, чтобы онъ ихъ привелъ назадъ и разгорячася взялъ его за бороду. Я тогда началъ уговаривать его, чтобы онъ оставилъ въ повоѣ японцевъ и айновъ. Дѣло было поправить трудно, и мнѣ казалось, что если употребить силу, то это еще больше испортило бы его. Къ 2-мъ часамъ пополудни разгрузка совершенно окончилась. Во все время ея погода была пасмурная, но большого дождя не было.

Позавтракавъ въ старомъ японскомъ сараѣ, въ которомъ помѣщены были наши люди, Невельской и Рудановскій сѣли на шлюпку, чтобы ѣхать на судно. Команда была выстроена въ двѣ шеренги. Прощаясь съ нею, Невельской передалъ ее подъ мое начальство. Я остался на берегу, и когда Невельской отѣхалъ сажень на 50 отъ берега, я велѣлъ салютовать съ двухъ батарей, стоявшихъ на мысу. Русскіе пушечные выстрѣлы впервые огласили берега Сахалина. Кончивъ салютъ, я сѣлъ въ байдарку и поѣхалъ на судно. Прощальный обѣдъ нашъ прошелъ тихо,

взаимныя желанія счастливаго окончанія зимовки были отъ души высказаны другъ другу. Въ 6-мъ часу, я сѣлъ съ Рудановскимъ на шлюпку, которая назначалась остаться съ нами на Сахалинѣ. Недалеко отъѣхавъ отъ судна мы услышали съ корабля выстрѣлы — это былъ отвѣтный прощальный салютъ начальнику Муравьевскаго поста. Поднявъ весла, мы встали, махая фуражками, на корабль раздался крикъ «ура»; матросы наши со шлюпки и съ берега громко отвѣчали на него. Приставъ къ пристани, заваленной бочками, ящиками и другими вещами, я остался до сумерекъ смотрѣть за работою. Нужно было ихъ поднимать въ сарай, уступленный намъ японцами, за товары на 60 руб. сер. Сарай этотъ стоялъ на нижней площадкѣ мыса, подъемъ къ нему довольно крутъ и потому переноска тяжестей затруднительна. «Николай» до 3-го часу ночи не могъ сняться съ якоря по случаю маловѣтрія; но къ разсвѣту его уже не было въ виду нашей бухты. Весь слѣдующій день былъ употребленъ на переноску бочекъ и проч. съ пристани въ нахаузъ. Я, между тѣмъ, назначилъ мѣсто для строеній, рѣшивъ строить на нижней площадкѣ у баттарей одну казарму для 20 чел., на верху мыса двѣ казармы для 40 чел., офицерскій флигель (онъ былъ привезенъ готовымъ изъ Аяна) и пекарню. Четыре эти строенія должны были составлять четыре угла четырехугольника, имѣющаго двѣ стороны по 16 и двѣ стороны по $14\frac{1}{2}$. Соединивъ строенія стѣною съ бойницами и поставивъ на двухъ углахъ по діагонали на башнѣ по два орудія, я предполагалъ устроить на скорую руку нѣчто въ родѣ крѣпости. На нижней баттарей тоже должна была быть поставлена стѣна и башня.

На всѣ эти постройки требовалось много лѣсу. Еще Невельской просилъ японцевъ продать множество превосходныхъ бревенъ, лежавшихъ у нихъ на пристани; они на все соглашались, но однако промѣнъ не состоялся. Теперь японцевъ не было, и потому я обратился къ айнскому старшинѣ, которому японцы поручили присмотрѣть за ихъ магазинами. Принеся къ нему въ сарай, гдѣ было собравшихся много айновъ, товаровъ на 180 р. сер., я объяснилъ ему, что хочу купить лѣсъ. Онъ тотчасъ согласился на продажу его, и принялъ товары наши. Въ этотъ же день начали собирать срубъ, привезенный изъ Аяна и, на другое утро, заложили казармы на нижней и верхней баттарейхъ и пекарню. Превосходный лѣсъ, болѣе аршина въ діаметрѣ, былъ употребленъ на первый вѣнецъ. Работа закипѣла. Къ счастью нашему, погода стояла прекрасная. Тотчасъ же были устроены временная пекарня и кузница, а черезъ два дня и кирпичная. Люди раздѣлены были

мною на три капральства, каждое по 20 чел.: 1-е капральство должно было строить для себя казарму (въ 5 с. дл. и 3 шир.) на верхней батарее; 3-е тамъ же пекарню и срубъ; 2-е казарму на нижней батарее. Последнее строеніе я далъ въ распоряженіе Рудановскому, для того именно, чтобы ему имѣть отдѣльное занятіе и тѣмъ удалить столкновенія съ его неуживчивымъ и тяжелымъ характеромъ. Но, къ сожалѣнію моему, что я ни дѣлалъ для того, чтобы не ссориться съ нимъ, но все-таки при самомъ же началѣ мнѣ пришлось нѣсколько разъ напоминать, что двухъ хозяевъ въ домѣ не можетъ быть и что, поэтому, ему не слѣдуетъ распоряжаться ни людьми, ни дѣлами тамъ, гдѣ ему не указано мною. Послѣ еще болѣе выказался несносный характеръ этого человѣка. На бѣду мою и назначенный содержателемъ компанейскаго имущества Самаринъ показалъ въ себѣ порокъ, котораго я никакъ не ожидалъ въ немъ. На второй или третій день по уходѣ «Николая» отъ насъ, я имѣлъ нужду въ Самаринѣ, послалъ за нимъ, — въ пахгаузѣ его не было; я послалъ искать его, и одинъ изъ посланныхъ пришелъ мнѣ сказать, что нашелъ Самарина пьянымъ въ японскомъ сараѣ и что на зовъ его придти ко мнѣ, онъ не хотѣлъ идти. Тогда я самъ пошелъ за нимъ и нашелъ его дѣйствительно совершенно пьянымъ въ одной изъ комнатъ японскаго дома, гдѣ онъ располагался выпиться, вѣроятно для того, чтобы скрыться отъ меня.

Взявъ его съ собою, я отправилъ его въ пахгаузъ, откуда часовому приказалъ не выпускать его. Съ горестью подумалъ я, что мнѣ придется цѣлую зиму провести съ такими людьми, — одинъ хотя и благородный, но неуживчивый, немножко грубый, другой — пьяница. Между тѣмъ работа шла своимъ чередомъ. Разъ какъ-то айнкій старшина прибѣжалъ ко мнѣ и показывалъ что-то знаками, указывая на селеніе Пуруанъ-Томари. Не появивъ его, я послалъ туда унтеръ-офицера Телепова и моего слугу узнать, что такое. Онъ долго не возвращался, такъ что я началъ беспокоиться и поѣхалъ самъ на шлюпкѣ, взявъ 4-хъ вооруженныхъ гребцовъ. Доѣхавъ до селенія, я встрѣтилъ посланныхъ. Они рассказали мнѣ, что медвѣдь разорвалъ трехъ айновъ, и поэтому цѣлая толпа айновъ и женщинъ ихъ собрались и пошли туда, гдѣ случилось несчастіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ я узналъ отъ нихъ, что въ селеніи этомъ есть рѣчка, по которой можно ѣхать на шлюпкѣ. Я тотчасъ же поѣхалъ осмотрѣть ее, и дѣйствительно, шлюпка хорошо вошла въ устье, недалеко отъ котораго, на берегу, поставлена въ сараѣ японская одномачтовая джонка; далѣе былъ видѣнъ мостъ. Такъ какъ уже стемнѣло, то я, не осмотрѣвъ рѣчки, воротился назадъ. 29-го, въ 3-мъ часу пришелъ

ко мнѣ аинъ съ извѣстіемъ, что большое трехмачтовое судно пришло къ берегамъ Анивы. Я тотчасъ же послалъ Рудановскаго узнать, какое судно; но не успѣлъ онъ еще захватить за лѣсъ, какъ встрѣтилъ второго офицера транспорта «Иртышъ», ѣхавшаго съ проводникомъ аиномъ въ наше селеніе. Офицеръ этотъ, не совсѣмъ трезвый (фамиліи его не помню) передалъ мнѣ, что транспортъ стоитъ на якорѣ за селеніемъ Хукуй-Кипанимъ. Оставивъ его обѣдать, я узналъ отъ него, что «Иртышъ» сдѣлалъ неудачное плаваніе отъ Петровскаго зимовья, имѣя постоянно противные вѣтры. Послѣ обѣда я тотчасъ же приказалъ ему ѣхать на транспортъ передать приказаніе командиру его, Л. Гаврилову, сняться съ якоря и идти на видъ нашего поста, откуда я предполагалъ тотчасъ же отправить его въ гавань «Императора Николая» на зимовку. Рудановскій просилъ меня отпустить его тоже на судно; я охотно отпустилъ его съ тѣмъ, чтобы онъ остался тамъ ночевать и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ бы Гаврилову якорное мѣсто нашего рейда. Двое сутокъ я ждалъ судно. Противный вѣтеръ и дурныя качества транспорта не позволяли ему подойти къ намъ. Наконецъ 31-го сентября показался парусъ въ миляхъ 10-ти отъ насъ. Съ безпокойствомъ смотрѣлъ я на едва держащагося «Иртыша» короткими галсами. Боясь, чтобы не было поздно ему идти на зимовку, я послалъ шлюпку, съ приказаніемъ Рудановскому возвратиться, а транспорту слѣдовать на зимовку. Надо сказать, что мнѣ дана была власть распоряжаться всѣми судами камчатской флотиліи, приходящими въ Аниву и оставлять ихъ въ порту — если обстоятельства того потребуютъ; у насъ все было спокойно и поэтому я не находилъ нужды держать «Иртышъ».

Въ ожиданіи возврата шлюпки я пошелъ прогуляться на сѣверный мысъ. Взобравшись на самую вершину мыса я невольно остановился и долго любовался прекраснымъ видомъ залива. Прямо передо мною синѣли, по другую сторону залива, освѣщенныя солнцемъ горы; налѣво у ногъ моихъ лежало японское селеніе въ красивой долинѣ, окруженной невысокими холмами. На южномъ мысу видны были наши постройки. Срубъ, привезенный изъ Аяна, уже готовъ, и я перешелъ въ него жить изъ ветхаго японскаго сарая.

2-го октября, когда я пришелъ въ селеніе, мнѣ доложили, что поручикъ Орловъ воротился изъ своей экспедиціи. Онъ былъ посланъ Невельскимъ описать западный берегъ острова отъ 51° с. ш. до южной его оконечности, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдать о положеніи владѣній японскихъ въ Анивѣ. Дойдя до селенія Наіоро по 46 гр., онъ возвратился на-

заядь, услышавъ, что японцы, живущіе на западномъ берегу, хотятъ дурно встрѣтить его. Перейдя на восточный берегъ, онъ спустился на югъ, гдѣ, не доходя мыса Анивы, перевалился черезъ горы къ нашему посту, о занятіи котораго онъ узналъ отъ айновъ и встрѣтившихся ему у селенія Найпу японцевъ, бѣжавшихъ отъ насъ. Орловъ человекъ лѣтъ 50-ти, некрасивой наружности; съ нимъ пришли пять якутскихъ казаковъ (выбранныхъ мною въ Якутскѣ) и одинъ матросъ. Мнѣ не хотѣлось, чтобы Орловъ остался зимовать у меня; между тѣмъ транспортъ повернулъ уже въ море, Рудановскій возвратился. По словамъ ихъ, пушечный выстрѣлъ не могъ быть слышенъ на суднѣ; однако я попробовалъ и сдѣлалъ три выстрѣла, и совершенно удачно, судно поворотило обратно къ порту. Въ ожиданіи его, я расспрашивалъ Орлова про путешествіе его на Сахалинѣ. Изъ отрывочныхъ разсказовъ его я узналъ только, что дойдя до Наіора: онъ возвратился на восточный берегъ Сахалина. Послѣ разсказалъ мнѣ казакъ Березкинъ, что по пріѣздѣ ихъ въ Наіоръ прибылъ туда, бурною ночью, изъ селенія японцевъ старикъ айнь съ извѣстіемъ, что японцы хотятъ перевязать русскихъ. Этотъ же айнь передалъ Орлову о нашей высадкѣ и далъ своего сына проводить его туда, совѣтуя скорѣе уходить отъ японцевъ. Орловъ самъ-седьмой и безъ оружія, конечно, принялъ совѣтъ этотъ и пошелъ по р. Кусуной и далѣе по Мануѣ на восточный берегъ. Придя въ Найпу, онъ засталъ 13 японцевъ, бѣжавшихъ изъ Томари. Боясь ихъ, онъ хотѣлъ-было скрыть, что русскіе ѣдутъ и велѣлъ казакамъ грести по айнски (т.-е. одно весло послѣ другого, а не вмѣстѣ), но японцы все-таки узнали ихъ и ушли изъ селенія въ гору. Подымаясь по рѣкѣ, Орловъ встрѣтилъ еще трехъ японцевъ и узнавъ, что они ушли отъ русскихъ изъ Томари, уговаривалъ ихъ возвратиться, на что они отвѣчали, что предложить это своему джанчину. Свернувъ съ р. Найпу, Орловъ пошелъ черезъ хребты въ Томари. Дорога эта, по разсказу его, очень хороша; она идетъ черезъ невысокія горы и долины; много есть березовыхъ рощъ. Казакъ Березкинъ разсказалъ мнѣ послѣ, что въ сторонѣ селеній Наіоръ и Найпу населеніе айновъ гораздо больше, чѣмъ у береговъ залива Анивы, и что тамошніе айны богаче и очень чистоплотны; что вообще всѣ они не любятъ японцевъ, потому что тѣ съ ними жестоко обращаются. Березкинъ разсказывалъ, что онъ самъ видѣлъ одного айна въ Найпу, которому японцы разрубили плечо и нанесли еще нѣсколько ранъ; въ чемъ именно айнь провинился—Березкинъ не зналъ. Когда стемнѣло, на «Иртышѣ» сожгли фальшфейръ; я приказалъ отвѣчать ему тѣмъ же знакомъ. Вечеромъ въ часу десятомъ пріѣхалъ

Гавриловъ въ мундирѣ съ рапортомъ. Напившись съ нимъ чаю, я проводилъ его и Орлова къ шлюпкѣ, гдѣ мы и простились.

Ночью на 3-е октября «Иртышъ» снялся съ якоря и вышелъ съ попутнымъ вѣтромъ изъ Анивы. Я послалъ съ нимъ рапорты (о благополучіи въ Муравьевскомъ постѣ) къ генераль-губернатору и Невельскому, и письма къ роднымъ, Корсакову, Невельскому и Политковскому.

Такъ началась наша зимовка на Сахалинѣ.

V.

4-е октября. — На другой день послѣ отплытія «Иртыша», въ воскресенье, людямъ былъ данъ отдыхъ, для приведенія въ порядокъ оружія и одежды. Погода стояла очень хорошая; я поѣхалъ, съ утра, осматривать берегъ, идущій къ сѣверу отъ насъ. Еще прежде я предполагалъ, что въ низменной долинкѣ этого берега, въ верстахъ 10-ти отъ нашего селенія, должна быть рѣка. Дѣйствительно, я узналъ отъ айновъ, что есть рѣка, и называется Сусуя. Орловъ подтвердилъ мнѣ это показаніе; и такъ, я намѣренъ былъ осмотрѣть устье ея и узнать, растетъ ли лѣсъ на ней. Доѣхавъ до мѣста, гдѣ кончается гористый берегъ, я встрѣтилъ большую отмель. Взятый мною аинъ, бывший проводникомъ у Орлова, показывалъ мнѣ, что есть рѣка, но что въ нее нельзя въѣхать. Не повѣривъ ему, я попробовалъ отыскать фарватеръ, но шлюпка стала на мель. Противъ насъ, на берегу, видны были аинскія юрты. Мы начали кричать аинамъ, чтобы они выѣхали къ намъ на своихъ лодкахъ. Два челнока пріѣхали къ намъ. На нихъ я и двое матросовъ переѣхали на берегъ, а остальные волокомъ дотащили шлюпку до берега. Желая непременно осмотрѣть рѣку, я приказалъ готовить завтракъ и пошелъ съ казакомъ Томскимъ и матросомъ Ефимовымъ берегомъ къ долинкѣ. Проводникъ нашъ пошелъ за нами. Около получаса шли мы по берегу, обросшему тростникомъ. Обогнувъ небольшой мысъ, мы подошли къ мелкой рѣчкѣ, называемой Тиукомонай. Перейдя вбродъ черезъ нее, пошли далѣе по берегу, а потомъ версты полторы по отмели, образовавшейся отъ убыли воды. Перейдя черезъ нее, мы вышли къ низменному мысу, за которымъ открылось устье рѣки шириною сажень 15. Пройдя по берегу, мы увидѣли пре-врасный лѣсъ. Это меня очень обрадовало — по расчету не-

доставало, даже для необходимыхъ построекъ, купленнаго у японцевъ лѣсу. Желая узнать, есть ли хорошій входной фарватеръ, я пошелъ назадъ, къ шлюпкѣ. Около насъ летали цѣлыя стада куликовъ, утокъ, а на самомъ устьѣ сидѣло много лебедей. Томскій, выстрѣливъ по одному стаду куликовъ, убилъ сразу штукъ десять. У шлюпки готовился завтракъ; нѣсколько аиновъ сидѣли съ матросами.

Напившись чаю, я пошелъ осматривать аинскія курты. Ихъ было не болѣе пяти. Я вошелъ въ самую большую. У очага сидѣлъ старикъ и пожилая женщина. Старикъ имѣлъ красивое лицо, но женщина была очень уродлива. Черные глаза ея какъ-то дико выглядывали изъ-подъ нависшихъ, всклокоченныхъ волосъ. Оба они курили трубки. Юрта была очень чиста, убрана соломенными матами; въ углу висѣло нѣсколько сабель, вѣроятно японскихъ. Возвратившись къ шлюпкѣ, я тотчасъ же отвалилъ отъ берега. Вода немного прибыла, и мы довольно легко сошли съ отмели. Замѣтивъ, что устье рѣки уклонялось болѣе къ с.-з., я направилъ шлюпку къ противоположному берегу залива, лежащему въ этомъ направленіи. Отъѣхавъ съ милю отъ селенія, мы увидѣли палку, торчавшую изъ воды. Принявъ ее за знакъ, поставленный на фарватерѣ, мы подъѣхали къ ней. Дѣйствительно, глубина увеличилась до $4\frac{1}{2}$ футовъ. Тогда мы повернули въ устье. Направляя шлюпку то въ одну, то въ другую сторону, я старался узнать направленіе фарватера. Что онъ существуетъ, въ этомъ не было сомнѣнія, и глубина его въ среднюю воду между 4-мя и 5-ю футами, т.-е. достаточная для прохода не только гребныхъ судовъ, но и рѣчныхъ пароходовъ. Войдя въ устье рѣки, я поднялся по ней версты три. Берега ея, на этомъ пространствѣ, покрыты прекраснымъ лиственничнымъ и еловымъ лѣсомъ. Приставъ къ берегу, я разослалъ своихъ гребцовъ осматривать деревья, а урядника Томскаго осмотрѣть далѣе теченіе рѣки, безпрестанныя извилины которой не позволяли мнѣ видѣть далеко впередъ. Мнѣ очень хотѣлось еще подняться по Сусуфъ, но было уже поздно, а оставить свой постъ на ночь я считалъ незаконнымъ. Томскій возвратился черезъ полчаса съ извѣстіемъ, что въ одной верстѣ отъ насъ есть большая просѣка, прорубленная, вѣроятно, при добываніи лѣсу японцами. Въ лѣсу мы видѣли много орловъ, но небольшихъ. На возвратномъ пути я опять промѣривалъ фарватеръ. Въ портъ мы пріѣхали когда уже совсѣмъ стемнѣло.

Я намѣренъ былъ, на другой же день, послать Рудановскаго изслѣдовать рѣку, о чемъ я ему сообщилъ тотчасъ по пріѣздѣ въ портъ. Но на сборы его потребовалось цѣлые два дня, и я все болѣе

и болѣе убѣждался, что судьба мнѣ послала безпокойнаго и мало-полезнаго сотрудника. Рудановскій вообразилъ себѣ, что онъ можетъ дѣйствовать совершенно независимо отъ меня, и еслибы еще предположенія его на счетъ изслѣдованія страны были бы благоразумны, — а то онъ вообразилъ себѣ, что прежде всего надо сдѣлать карту ближайшихъ къ намъ береговъ. Берега эти мы видѣли, гаваней, намъ извѣстно было, нѣтъ подлѣ насъ, слѣдовательно, нужно было заниматься не рисою картою, а изслѣдованіемъ рѣкъ, т.-е. внутреннихъ сообщеній острова и отыскиваніемъ гавани, гдѣ бы суда могли зимовать; для этого, по позднему уже времени, слѣдовало послѣшить подвигаться по различнымъ направленіямъ, дѣлая только глазомѣрную съемку, и уже отыскавъ важные пункты, начать подробное ихъ изслѣдованіе. Объяснивъ это Рудановскому, я убѣдилъ, наконецъ, его въ пользу и необходимости изслѣдовать р. Суую. Рѣшено было ему ѣхать на шлюпкѣ съ 5-ю матросами и продовольствіемъ на 7 дней. За день передъ отправленіемъ я рассказалъ ему, на что именно надо болѣе обратить вниманіе при изслѣдованіи неизвѣстной страны, и что на этотъ предметъ онъ получить отъ меня письменную инструкцію. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ, безъ всякихъ письменныхъ приказаній, будетъ ѣздить и дѣлать съемки, смотря какъ онъ будетъ находить нужнымъ, а что если я дамъ ему предписаніе, то онъ совсѣмъ не поѣдетъ. «Въ такомъ случаѣ я напишу на васъ рапортъ генераль-губернатору», сказалъ я ему, выведенный уже изъ терпѣнія.

Онъ вышелъ изъ дому, а я тотчасъ же написалъ инструкцію, съ тѣмъ, что если Рудановскій не приметъ ее, то приказалъ по посту отчислить его отъ экспедиціи, оставивъ жить на Сахалинѣ безъ занятій. Я видѣлъ всю невыгоду и неприятность такого оборота нашихъ отношеній. Рудановскій могъ принести пользу экспедиціи морскими свѣдѣніями своими и съемкою и, сверхъ того онъ, въ дѣлѣ интересующемъ его, очень дѣятеленъ. Когда я успокоился немного отъ досады, возбужденной этой исторіей, то рѣшился объясниться съ нимъ, съ тѣмъ, что если онъ будетъ упорствовать, то тогда только исполнить мое намѣреніе — устранить его отъ занятій по экспедиціи. Попросивъ его выслушать меня спокойно, я ему объяснилъ невозможность дать ему право дѣйствовать по своей прихоти; что командировка его есть дѣло служебное и что безъ предписанія моего онъ не можетъ ни оставить поста, ни взять гребцовъ для лодки. Наконецъ, я его просилъ рѣшительно сказать мнѣ, хочетъ ли онъ мнѣ подчиняться и считать меня своимъ начальникомъ; если нѣтъ, то значить намъ служить вмѣстѣ

нельзя и я уволю его отъ занятій по экспедиціи. Выслушавъ меня, онъ просилъ извинить его, соглашался, что имѣетъ тяжелый характеръ, благодарилъ меня, что я ему прямо высказалъ свое мнѣніе и рѣшеніе, и объявилъ, что онъ готовъ исполнять всѣ приказанія мои. На другой день, 6-го сентября, онъ уѣхалъ.

Признаюсь, что мнѣ какъ-то легче стало: жизнь и занятія сдѣлались пріятнѣе, когда я остался одинъ въ своей избѣ и не видѣлъ и не слышалъ вѣчно бранящагося съ своимъ вѣстовымъ моего непріятнаго сожителя. Въ день отъѣзда его я послалъ, на саймѣ, 9 человекъ людей для рыбной ловли въ Сусуѣ. Она была неудачна, и потому, велѣвъ воротиться 6-мъ, я назначилъ троихъ для рубки лѣсу. Послѣ я къ нимъ еще прибавилъ, видя, что на 3-ю казарму японскихъ бревенъ не останется ни одного. Недѣля прошла въ непрерывной работѣ; къ несчастію погода стояла довольно дурная и число заболѣвающихъ стало увеличиваться; необходимо было, какъ можно скорѣе, подвести строенія подъ крышу. Аины нашего селенія ежедневно посѣщали меня. Пріѣзжали также на поклонъ и изъ другихъ селеній, принося ко мнѣ древесныя метелки въ знакъ уваженія. Эти метелки отдавали они, становясь на колѣни и поднимая руки къ головѣ, которую, вмѣстѣ съ тѣмъ, они преклоняли немного. Я угощалъ и одаривалъ ихъ блестящими вещами, которые привезъ изъ Петербурга, а джанчинамъ (старшины) давалъ изъ папгауза рубашки и платки. Скоро появилось много джанчиновъ съ надеждою на подарки. Вообще аины любятъ обманывать, и поэтому трудно достовѣрно что-нибудь узнать отъ нихъ объ странѣ. Къ этому еще страхъ къ японцамъ заставляетъ ихъ скрывать многое. Женщины не приходили ко мнѣ и даже не отвѣчали на поклонъ, когда я встрѣчалъ ихъ, но при посѣщеніи юртъ мною онѣ не прятались. Аины очень любятъ крѣпкіе напитки и пьютъ ихъ съ особеннымъ наслажденіемъ, дѣлая при этомъ различныя церемоніи — принявъ въ обѣ руки рюмку, поднимаютъ ее кверху и склоняютъ голову; потомъ берутъ какую-нибудь палочку, или просто свой маленькій чубучокъ и конецъ его обмакиваютъ въ винѣ четыре раза, дѣлая видъ, что спрыскиваютъ во всѣ четыре стороны — это означаетъ, какъ кажется, жертву добрымъ духамъ. Продѣлавъ это, снова поднимаютъ рюмку и при этомъ издаютъ три раза звукъ, похожій на то, когда кричатъ отъ боли или тяжести. Пьютъ понемногу, глотая по каплѣ, останавливаясь нѣсколько разъ, склоняя голову. Оставшіяся капли въ рюмкѣ выливаютъ на руку и вытираютъ ими головы. Нашъ ромъ ка-

жется некоторымъ изъ нихъ слишкомъ крѣпкимъ. Хлѣбъ нашъ вообще всѣмъ аинамъ не нравится. Рисъ и все сладкое очень любятъ. Вообще отборка товаровъ для экспедиціи была сдѣлана очень неудачно. Всѣ наши товары мало подходятъ къ быту сахалинцевъ, такъ что еслибы не было японцевъ на островѣ, то мы не могли бы удовлетворить нужды жителей. Между прочимъ я все болѣе и болѣе убѣждался, что старшина айновъ нашего селенія человекъ очень лукавый и преданный японцамъ, а по-этому сталъ обращаться съ нимъ осторожнѣе.

Въ субботу, 10-го октября, Рудановскій воротился. Онъ прошель вверхъ по рѣкѣ около 70-ти верстъ. По словамъ его, рѣка, на всемъ этомъ протяженіи, удобна для гребныхъ судовъ. Берега покрыты лѣсомъ. Селеній нѣтъ. Экспедиція эта очень заинтересовала Рудановскаго, такъ что онъ уже самъ просилъ меня послать его опять туда, давъ ему недѣли на двѣ продовольствія и японскую плоскодонную лодку. Лодка была куплена у айнскаго старшины, и было рѣшено черезъ нѣсколько дней опять начать экспедицію на Сусую.

11-го октября. — Въ воскресенье пошелъ я осматривать окрестности нашего селенія, взявъ съ собою матроса Сизаго. Мы пошли по теченью ручейка, впадающаго въ заливъ у нашей южной батарееи. Долина, по которой течетъ ручей этотъ, довольно низменная и покрыта травою выше роста человека и такъ густа, что едва можно продираться черезъ нее. Густота и вышина травы вѣроятно причиною тому, что мѣстами образовалась по долинѣ тундра подъ нею. Лучи солнечные не проникаютъ до почвы, покрытой размокшею отъ дождей отцвѣтшею травою — слои этой травы, постепенно утолщаясь, гниютъ и образуютъ вязкую массу. Впрочемъ такихъ мѣстъ мало, большею же частью земля прекрасная — черноземъ, смѣшанный съ глиною, а мѣстами совершенно чистый и рассыпчатый. Возвращаясь домой, я зашелъ въ пыльный японскій сарай. Бревна у нихъ для пилки кладутся однимъ концомъ на полъ, а другимъ на козель. Въ этомъ же сараѣ строятъ и лодки. Отъ сарая я поднялся въ лѣсъ, растущій позади нашихъ верхнихъ строеній. Въ этомъ лѣсу я замѣтилъ небольшое строеніе, между деревьями на горѣ, и предполагалъ, что это долженъ быть японскій храмъ. Дѣйствительно, я не ошибся; но кто бы отгадалъ, что служить божествомъ этого храма? Внутренность храма и украшенія были совершенно такія же, какъ и въ прежде видѣнныхъ мною храмахъ, на среднемъ холмѣ нашего селенія. У входа висѣлъ такой же бубенъ. Желая посмотрѣть идола, помѣщеннаго въ небольшомъ шкафчикѣ, позади нѣсколькихъ занавѣсокъ, я раскрылъ

ихъ и долго смотрѣлъ не вѣря глазамъ своимъ. вмѣсто ма-ленькой куклы, одѣтой въ богатый японскій костюмъ, служащей идоломъ у японцевъ, стоялъ позолоченный *phallus*, изображен-ный въ вертикальномъ положеніи. По обѣимъ сторонамъ шкафа находились два такихъ же идола, одинъ сдѣланный изъ камня, другой изъ дерева.

Послѣ завтрака, я поѣхалъ съ Рудановскимъ въ сосѣд-нее намъ селеніе, Пуруанъ-Томари, посмотреть рѣку того же имени. Я зналъ только устье этой рѣки; оно удобно для вхо-да шлюпокъ и даже небольшихъ катеровъ. Мы приѣхали къ рѣкѣ въ среднюю воду. Течение ея въ устьѣ было очень быстро, но въ самой рѣкѣ умѣренное. Въ саженьяхъ 100 отъ устья пе-рекинуть черезъ рѣчку мостъ; подъ нимъ шлюпка можетъ удоб-но проходить. Поднимаясь выше, мы, такъ сказать, вертѣлись по извилинамъ рѣчки. Берега обросли высокою травой и ка-мышникомъ. Безпрестанно встрѣчали мы логовища медвѣдей. Они ложатся на берегахъ рѣкъ караулить рыбу. Съ такими со-сѣдами наше путешествіе было не безопасно, мы были вчет-веромъ, но безъ всякаго оружія; впрочемъ у меня былъ писто-летъ. Рѣчка, почти на всемъ теченіи, имѣетъ ширины не болѣе 3-хъ саженей. На обратномъ пути мы вышли у устья на берегъ для осмотра селенія. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ юртъ айн-скихъ и 3-хъ или 4-хъ японскихъ сараевъ, и лежитъ на ровной долинѣ. Земля—чистый черноземъ. Свободнаго мѣста отъ построекъ очень много. Приставать лодкамъ въ устьѣ рѣчки кажется можно даже и въ большой бурнѣ. И это-то прекрас-ное мѣсто на рѣкѣ хотѣлъ намъ показать японецъ, когда по-вель Невельского изъ Томари по лайдѣ. Поселившись на немъ, мы были бы въ сторонѣ отъ японцевъ и не обезпокоили бы ихъ. Рудановскій чуть не въ отчаянне приходилъ, что нами занято не Пуруанъ-Томари. Къ обѣду мы воротились домой.

На другой день была очень дурная погода. Тепла было 4 гр., но вѣтеръ былъ очень сильный и по временамъ шелъ круп-чатый снѣгъ, въ родѣ града. Вечеромъ, къ чаю, пришелъ къ намъ японецъ, воротившійся изъ Найпу, съ двумя своими то-варищами. Японецъ этотъ очень болтливъ и любитъ пить. Раз-считывая, что отъ него можно много чего узнать, я угощалъ его чаемъ и ромомъ. Онъ написалъ мнѣ японскую азбуку. Я ему нарисовалъ карту Сахалина и Приамурскаго Края, пока-завъ, что весною изъ «Императорской гавани» и Камчатки при-дутъ въ Томари четыре русскихъ корабля. Карту эту онъ взялъ съ собою.

14-го числа, Рудановскій поѣхалъ на р. Сусую, на япон-

свой лодѣ, съ десятидневнымъ запасомъ продовольствія. 12-го еще было послано, туда же, пятнадцать человѣкъ для сплавки лѣса. Погода стояла прекрасная, и я назначилъ этотъ день для прогулки и воспоминаній о прошедшемъ. Давно уже я не позволялъ себѣ этого удовольствія. Мѣстомъ гулянья я выбралъ себѣ сѣверный высокій мысъ. Взойдя на него, я пошелъ по окраинѣ крутыхъ горъ, составляющихъ берегъ залива. Погода была прекрасная. Уставъ немного отъ частыхъ подъемовъ и спусковъ, я сѣлъ подлѣ небольшой стѣнки, составленной изъ корбаснику (тонкихъ деревьевъ); на ней были навѣшаны древесныя метелки. Вѣроятно мѣсто это избрано аинами, по какому-нибудь особенному случаю, для принесенія жертвъ и поклоненія духамъ. Закуривъ сигару, я прилежъ, обернувшись къ отдаленной цѣпи горъ, въ направленіи къ с.-з. отъ меня. Мысли мои перенеслись черезъ эти горы; на быстрыхъ крыльяхъ мечты прилетѣли въ родной край, туда, гдѣ я оставилъ жену, то, чѣмъ я жилъ и оставилъ, быть можетъ, навсегда. Тяжело бѣдному сердцу — нѣтъ у него веселаго прошедшаго, нѣтъ и надежды на счастливое будущее. Вызывай, вызывай бѣдное сердце златокрылую, чудотворную мечту, — забилось сердце, — мечта на легкихъ крыльяхъ принесла и раскинула свѣтлую будущность.

Тихо шелъ я, возвращаясь домой; грустныя мысли и воспоминанія снова дали почувствовать мнѣ, что, для усвоенія себя, надобно предаться совершенно занятіямъ. На другой день я опять вздумалъ осмотрѣть рѣчку Пуруанъ и прилежащія къ ней горы и для этого пошелъ пѣшкомъ, взявъ съ собою фельдфебеля Кокорина съ ружьемъ. Дойдя до устья рѣки, мы начали пробираться по берегу вверхъ по рѣкѣ, но скоро встрѣтили такую густую траву, что рѣшительно невозможно было идти далѣе. Къ обѣду я вернулся домой. Узнавъ отъ посланнаго съ хлѣбомъ на р. Сусую, что плоты уже выведены изъ рѣки, я пошелъ, на другой день, на встрѣчу къ нему, взявъ съ собою ружье и весь охотничій снарядъ. Это была первая моя охота и, къ удивленію моему, очень удачная. Пройдя до сосѣдняго селенія и не встрѣтивъ плота, я возвратился назадъ, настрѣлавъ паръ шесть куликовъ. Вечеромъ, въ 10-мъ часу, привели главную часть лѣса. Люди тащили его бичевою, идя по колѣно въ водѣ. Одинъ изъ нихъ до того окостенѣлъ, что его должны были на рукахъ принести въ казарму, гдѣ оттерли его спиртомъ и щетками. На слѣдующее утро я опять пошелъ на охоту, взявъ съ собою одного аина, который передъ тѣмъ уже двѣ ночи ночевалъ у меня на чердакѣ. Я хотѣлъ привязать къ себѣ каю-

го-нибудь аина, чтобы узнавать отъ него объ странѣ и выучить его русскому языку; но вліяніе японцевъ надъ аинами такъ велико, что открытой приверженности къ русскимъ, базалось, никто изъ нихъ не смѣлъ бы выказать. По секрету, почти всѣ аины, приходившіе ко мнѣ въ гости, бранили японцевъ, говоря по-своему — сизомъ венъ-сизомъ айну койки, — русскій перика, т.-е. японецъ дурной, японецъ аина бьетъ, русскій — добрый, хорошій.

Они часто повторяли эти слова, надѣясь, что за это получаютъ отъ насъ подарки. Мое положеніе, признаюсь, очень затруднительно — если бранить вмѣстѣ съ аинами японцевъ, то послѣдніе узнаютъ непремѣнно объ этомъ отъ преданныхъ къ себѣ айновъ (а ихъ есть достаточно), и тогда довѣріе ихъ къ намъ совершенно уничтожится. Опять, хвалить японцевъ и держать ихъ сторону передъ аинами нельзя, не настраивая тѣмъ айновъ, что мы будемъ притѣснять ихъ за одно съ японцами. Я обыкновенно смѣялся и не отвѣчалъ, когда аины, приходившіе ко мнѣ, начинали бранить японцевъ. Аинъ, который рѣшился ночевать у меня, пришелъ къ намъ изъ селенія Сирегоку, находящагося въ 150-ти верстахъ отъ насъ. Онъ казался мнѣ бродягою и потому вѣроятно и согласился быть почти слугою въ моемъ домѣ. Я разъ замѣтилъ, что нашъ аинскій старшина бранилъ его, вѣроятно за то, что онъ служитъ русскимъ; я погрозилъ старшинѣ и тотъ отошелъ.

Возвращаясь съ охоты, я завелъ разговоръ съ моимъ айномъ. Онъ что-то горячо началъ рассказывать; сначала я не понялъ его, но начавъ внимательно слѣдить за его жестами и словами, которыхъ я уже довольно много понималъ, я увидѣлъ, что аинъ мой объясняетъ мнѣ, что старшина нашего селенія сговаривалъ японцевъ перерѣзать русскихъ. Я началъ смѣяться, чтобы тѣмъ показать моему айну, что русскіе не боятся этихъ заговоровъ и объяснилъ ему, что если тронуть хоть одного русскаго, то мы разнесемъ всѣ селенія и убьемъ всѣхъ японцевъ и худыхъ айновъ. Онъ очень радовался и смѣялся, что японцы думаютъ убить русскихъ; но часто повторялъ — Аино-дженче томари-венъ-айна джанче унѣно сизомъ, т.-е.: аинскій старшина Томари (селенія) дурной аинскій старшина, за одно съ японцами. Послѣ обѣда я пошелъ съ Самаринымъ въ главный домъ японцевъ. Аинъ нашъ пошелъ съ нами, надѣлъ платье, которое я ему подарилъ, — теплую синюю рубашку, суконныя брюки и сапоги. Въ домѣ застали мы, около очага, трехъ японцевъ и нѣсколькихъ айновъ. Насъ приняли съ большими любезностями и начали угощать чаемъ. Желая показать аинскому старостѣ, что

я сердить на него, я не обращал вниманія на его услуги. За-мѣтивъ это, онъ ихъ удвоилъ. Напившись горькаго японскаго чаю, мы воротились домой въ сопровожденіи старшины, кото-рый, чтобы польстить мнѣ, хвалилъ аина, который жилъ у меня. Аинъ этотъ, между прочимъ, что-то рассказывалъ мнѣ про од-ного японца, который живетъ въ селеніи Найкероконгокъ (по-восточному берегу Анивы), прося меня, чтобы я поѣхалъ туда и привезъ бы его оттуда. Желая узнать въ чемъ дѣло, а глав-ное, желая имѣть свѣдѣнія о неосмотрѣнномъ еще нигдѣмъ берегѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать расположеніе селеній, число жи-телей и ихъ жизнь, я рѣшился послать Самарина съ 5-ю ка-заками проѣхать до мыса Анива (въ 150 в. отъ Томари) и опи-сать все, что онъ увидитъ.

18-го числа утромъ, онъ уѣхалъ на рыбацкой лодкѣ, взявъ съ собою аина, жившаго у меня.

19-го числа, 30 матросовъ перешли изъ японскаго сарая въ готовую № 1 казарму. Пекарня уже недѣлю передъ тѣмъ была окончена. Этого числа былъ вымѣненъ первый соболь на товары за 2 р. 50 к. с. Его принесъ аинъ, приѣхавшій изъ Найну съ 10-ю японцами, между которыми были старшій джанче и его совѣтники. Продавая соболя, аинъ просилъ не говорить японцамъ, что онъ продалъ его. 20-го числа, японскій джанче пришелъ ко мнѣ съ своими товарищами. Я ихъ уго-стилъ жареною дичью и чаемъ. Видно, что японцы увѣрились, что имъ нечего насъ бояться, и они дружески и свободно бесѣ-довали со мною. На другое утро былъ со мной смѣшной слу-чай. Я пошелъ посмотреть на рабочихъ у заложенной бани. Трое работниковъ несли бревно; вдругъ японецъ, старшій знако-мый мой, любитель саки (водки), подбѣжалъ къ нимъ и понесъ вмѣстѣ бревно, ставъ на тотъ конецъ, гдѣ несъ одинъ человекъ; положивъ на мѣсто бревно, онъ объяснилъ, что нехорошо, что у одного конца двое, а у другого одинъ. Видно было, что онъ уже выпилъ немножко. Онъ началъ упрашивать меня, чтобы я пошелъ къ нему въ гости. Я согласился и онъ повелъ меня за руку. Мы прошли нижнюю площадь и повернули къ аинскимъ юртамъ. Въ одну изъ нихъ онъ безъ церемоніи втолкнулъ меня. Въ ней сидѣли у огня 4 аина; молодая женщина плела ро-гожки въ сторонѣ. Усадивъ меня, японецъ началъ угощать ва-реною водкою. Попробовавъ немного, я поставилъ чашку. Япо-нецъ чуть не силою хотѣлъ заставить меня пить. Я сердито оттолкнулъ его, и аины начали бранить его. Онъ былъ уже со-вершенно пьянъ. Не желая продолжать подобную бесѣду, я вы-шелъ изъ юрты. Японецъ не отставалъ отъ меня. Когда приш-

лось переходить через грязь, то онъ вздумалъ-было, чтобы я его перенесъ, и уже ухватился за мою шею; я его сбросилъ и погрозилъ, объясняя, что русскій джанчинъ не можетъ носить на своихъ плечахъ японцевъ. Шатаясь, добрался онъ до моего дома, гдѣ, сѣвъ на постель Рудановскаго, свалился и заснулъ. Послѣ обѣда уже я кое-какъ выпроводилъ его отъ себя.

22-го октября, въ день Казанской Божіей Матери, остальные матросы перешли въ оконченную 2-ю казарму, и поэтому данъ былъ шабашъ и собирались для общей молитвы въ казармѣ № 1. На другой день заложили третью казарму.

25-го октября.—25-го числа, въ воскресенье, пріѣхали изъ экспедиціи Рудановскій и Самаринъ. Первый съ большими трудами пробрался по р. Сусуѣ до 48°. Рѣка, по его донесенію, хотя можетъ служить на этомъ пространствѣ для судоходства, но съ большими затрудненіями. Теченіе очень быстро; много есть свалившихся въ воду деревь, берега обросли непроходимогустою травою. Послѣднія два неудобства могутъ быть устранены. Мѣста по рѣкѣ превосходныя, по словамъ Рудановскаго. Горы Нупури и огромныя долины чрезвычайно живописны. Есть много березовыхъ рощъ. Я желалъ, чтобы онъ узналъ путевыя соединенія Сусуи съ Найпу, но не найдя проводника, да и не имѣя довольно продовольствія, онъ не могъ этого исполнить. Ему хотѣлось еще ѣхать на Сусую съ мѣсячнымъ запасомъ продовольствія, для того чтобы отыскать источникъ рѣки; онъ полагалъ, что Сусуя должна вытекать изъ большого озера. Но извѣстія, привезенныя Самаринымъ, требовали описаній еще болѣе важныхъ мѣсть. Самаринъ, пробираясь къ Сиретоку, случайно открылъ гавань у селенія Тюпучи въ верстахъ 70-ти отъ нашего селенія. Гавань эта, названная имъ моимъ именемъ въ рапортѣ его ко мнѣ, по описанію и чертежу его имѣетъ большія удобства. Входъ 100 с. ширины, глубина его отъ 2 до 4 саж. въ малую воду, заливъ верстъ 7 ширины, закрытъ со всѣхъ сторонъ. Большая рѣка, протекая изъ озера, впадаетъ въ него. Тотчасъ же было рѣшено, что Рудановскій поѣдетъ подробно изслѣдовать открытую гавань. Самаринъ привезъ еще извѣстіе, что недалеко отъ Сиретоку должны быть золотыя россыпи. Аины и мнѣ говорили, что на Сахалинѣ есть золото, но гдѣ именно, я не могъ узнать. Прикащикъ Розановъ, бывшій на прискахъ въ Сибири, нашель, что камни, привезенные Самаринымъ, показываютъ присутствіе золота. Поссорившись снова съ Рудановскимъ о бездѣлицѣ, о которой не стоить и говорить, я наконецъ отправилъ его, 29-го числа, съ 5-ю чел. описывать гавань, давъ продовольствія на 15 дней. Между тѣмъ былъ найденъ, въ 5-ти верстахъ

отъ поста, у третьяго селенія отъ него къ сѣверу, дѣсь на горахъ, довольно хорошей и удобной къ спуску въ море, потому что растеть близко у окраины высокаго крутого берега. Тотчасъ же отправлены были 10 человекъ. Черезъ 2 дня работы они привели 40 лѣсинъ.

1-го ноября.—Сегодня, въ воскресенье, отправилъ я Самарина, Розанова и съ ними пять матросовъ на прииски золота. Они пошли пѣшкомъ, понеся на себѣ на двѣ недѣли продовольствія и всѣ нужные инструменты; дай Богъ, чтобы прииски были успешны.

Японцы начали часто ходить ко мнѣ. Вчера принесли ко мнѣ какое-то свое кушанье. Я подарилъ имъ утку. Они, кажется, очень полюбили дичь, которую вообще не ѣдятъ въ Японіи. Самаринъ покупалъ у нихъ за сукно чугунные котлы, а они попросили куликовъ и очень благодарили, когда я послалъ имъ ихъ.

3-го ноября.—Въ третьемъ часу пришелъ ко мнѣ старшина айновъ нашего селенія. Зная, что я сердить на него, онъ уже давно пересталъ ходить къ намъ. Сегодня можетъ быть японцы послали его ко мнѣ. Войдя, онъ всталъ на колѣни и нѣсколько разъ кланялся до земли. Потомъ дѣлалъ поклоны въ разныя стороны, а также и распятію, висящему въ углу комнаты. Кончивъ поклоны, онъ сѣлъ у дверей, что прежде онъ никогда не дѣлалъ, всегда прямо подходя ко мнѣ здороваться. Подозвавъ его ближе къ себѣ, я продолжалъ писать. Съ нимъ пришли еще два айна; я ласково поклонился имъ. Старшина, посидѣвъ немного, началъ прощаться, хватая меня за руку и низко кланяясь и не упустилъ выпросить у меня сигару. Спустя нѣсколько времени, я пошелъ самъ въ домъ японцевъ и пилъ у нихъ чай. Они показали мнѣ рисунокъ, представлявшій японскую женщину. Живопись очень плохая, не лучше нашихъ лубочныхъ картинъ.

Сегодня, въ 10-мъ часу вечера, при половинѣ градуса тепла выпалъ небольшой снѣгъ, болѣе похожій на густой иней; земля однако побѣлѣла.

4-го ноября.—Сегодня, почти въ продолженіи всей ночи шелъ небольшой снѣгъ при 1⁰ холода. Къ утру выпало его на 1^{1/2} четверти. Небо облачно, но нѣсколько лучей солнца прорвавшись освѣтили горы противоположнаго берега залива. Отблескъ снѣга, покрывшаго ихъ, принималъ сквозь небольшой туманъ и снѣгъ, носившійся надъ заливомъ, различные радужные цвѣта, освѣтившіе горы какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ. Есть картины природы, которыя самый великій артистъ не въ силахъ возсоздать. Къ завтраку моему собралось 6 человекъ айновъ, а передъ обѣ-

домъ, одинъ изъ нихъ принесъ мнѣ шкуру какого-то неизвѣстнаго мнѣ мѣха. Я далъ ему за нее, изъ пакагуза, шелковый платокъ. Аинъ этотъ зналъ японскую грамоту и не хотѣлъ пить ромъ. Онъ много бесѣдовалъ со мной и, рассматривая наши пушки, объяснилъ, что у японцевъ то же есть пушки и бомбы. На вопросъ мой, есть ли теперь у нихъ пушки на Сахалинѣ, онъ отвѣчалъ, что есть 3 большихъ и 4 малыхъ, и онѣ находятся въ Томари.

5-го ноября. — Морозъ усилился. Ночью доходилъ до — 8°. Погода ясная. Поутру приходилъ ко мнѣ аинъ съ ребенкомъ-дѣвочкой лѣтъ 3-хъ. Я подарилъ ей мячикъ и сахару. Отецъ радовался больше ребенка. Аины вообще очень любятъ дѣтей своихъ, и весьма нарядно одѣваютъ ихъ, обвѣшивая бусами и мѣдными вещами. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ пьяный аинъ, извѣстный уже мнѣ какъ большой пьяница. Онъ привелъ съ собою свою жену и, сколько я могъ понять—съ цѣлью пожертвовать вѣрностью ея супружескому ложу и тѣмъ выманить у меня хорошіе подарки. Аинка, довольно красивая собою, казалось, готова была помочь своему мужу, но я подавалъ видъ, что не понимаю ихъ объясненій. Подаривъ ей, за принесенныя ею рѣдьки, нѣсколько пуговицъ, иголку, нитокъ и сахару, я отпустилъ ихъ отъ себя, пославъ аина перевязать у нашего фельдшера раненую его руку. Выйдя изъ дому моего, мужъ и жена безъ церемоніи, передъ моимъ окошкомъ и въ виду часового, отдали долгъ природѣ. Вообще аинка эта не показывала большого женскаго стыда. Груды ея почти не были закрыты ничѣмъ. Аинки носятъ такое же платье какъ и мужчины, т.-е. нѣсколько распашныхъ короткихъ халатовъ, низко перепоясанныхъ кушакомъ. Рубашекъ и нижняго платья онѣ не имѣютъ, и потому малѣйшій беспорядокъ въ ихъ платьѣ выказываетъ всѣ скрытыя прелести.

6-го ноября. — День рожденія любимой сестры моей. Да благословить Богъ ее и семейство ея! Мой слуга Карлъ ночью захворалъ довольно серьезно. Морозъ доходилъ утромъ до 10°, Повидимому, зима началась—для 46° с. ш. это очень рано.

7-го ноября. — Приходилъ ко мнѣ японецъ. Рассматривая географическій атласъ, онъ срисовывалъ положеніе Японіи, Китая и Россіи. При этомъ я немножко увеличилъ наши владѣнія, смежныя съ Китаемъ, присоединивъ къ намъ рѣку Амуръ и побережье Татарскаго пролива до 47° с. ш. Рассматривая гравированныя картинки изъ исторіи французской революціи Тьера, онъ восхищался портретами королевы и другихъ знаменитыхъ женщинъ этой эпохи. Я показалъ ему даггеротипъ, сня-

тый съ кузинъ моихъ. Ему очень понравилось лицо старшей кузины моей и онъ спросилъ, не жена ли это моя. Многие изъ айновъ спрашивали меня, прїѣдутъ ли жены къ русскимъ, и когда я сказалъ что прїѣдутъ, они показывали знаки радости. Если это не было притворно, то это значитъ, что они желаютъ, чтобы русскіе остались навсегда жить на Сахалинѣ. Я такъ понялъ дѣль и значеніе ихъ вопросовъ. Мой гость японецъ, между прочимъ, спросилъ меня, поѣдутъ ли русскіе въ Хангасаки, потомъ нарисовалъ довольно порядочно изображеніе человѣка; по одеждѣ я видѣлъ, что это долженъ былъ быть китаецъ; японецъ, показывая на свою картинку, показывалъ знаками, что китайцы прїѣзжаютъ въ Хангасаки.

8-го ноября. — Въ третьемъ часу по полудни, Самаринъ возвратился съ прїисковъ золота. Прїиски эти были неудачны, морозы и снѣгъ служили, конечно, главною причиною неудачи. Признаковъ присутствія золота много. Изъ сдѣланной промывки на р. Отосами получили осадокъ тяжелаго песку, который, по словамъ прикащика Розанова, всегда бываетъ смѣшанъ съ золотомъ. Цѣль экспедиціи была пройти до селенія Сиретоку къ мысу Анива, гдѣ, по свѣдѣніямъ айновъ, есть много золота. Морозы и снѣгъ не позволили Самарину идти далѣе къ селенію Хорахупуни, почему онъ и рѣшился произвести опыты у этого селенія и Отосами. Самаринъ принесъ мнѣ образчики различныхъ породъ камней, и нѣсколько кусковъ мѣдной и желѣзной руды. Между камнями я нашель породы яшмы. Мѣдной руды, по словамъ Самарина, очень много. Рѣка Отасамъ, протекающая черезъ озеро, названное Самаринимъ Рыбнымъ, по рассказамъ айновъ, въ теченіи своемъ близко подходитъ къ рѣкѣ, текущей въ заливъ Хорахупуни (названный моимъ именемъ), такъ что переходъ изъ одной рѣки въ другую долженъ быть удобенъ!

9-го ноября. — Когда мы пили чай поутру съ Самаринимъ, пришелъ айнь съ просьбою перевязать ему рану, сдѣланную ножемъ въ лѣвый бокъ другимъ айномъ. Причину этой драки онъ не хотѣлъ сказать, но только спросилъ, прїѣдутъ ли русскіе корабли въ Томари. Повидимому, расправа на ножахъ есть дѣло обыкновенное между аинами. Послѣ завтрака моего я принималъ визитъ старшинъ японскихъ. Они разсматривали сочиненіе Головнина и были очень удивлены, что русскіе имѣютъ карты нѣкоторыхъ гаваней Японіи. По уходѣ ихъ, пришелъ старшина айновъ съ однимъ изъ айновъ нашего селенія. Старшина былъ одѣтъ въ хорошо сшитую шубу. Онъ мнѣ, какъ и въ послѣдній разъ, дѣлалъ много поклоновъ, ставъ на колѣни, и сѣлъ сначала у печки на полу, а потомъ уже пересѣлъ къ письменному

столу моему. На просьбу его дать водки, я велѣлъ подать двѣ рюмки. Старшина выждалъ, когда выпилъ айнъ свою рюмку, потомъ продѣлалъ всѣ спрыскиванія и подозвалъ къ себѣ айна; давъ ему свою рюмку, онъ что-то сказалъ ему и тотъ хлебнулъ немного вина и подалъ обратно, оставаясь стоя на ногахъ. Старшина тотчасъ ему шепнулъ и тотъ всталъ на колѣни передъ нимъ. Комедія эта была со старшиной играна для меня, чтобы показать всю его важность. Прощаясь, онъ всталъ самъ на колѣни передъ мной и объяснялъ, что хочетъ дружнымъ быть со мной, говоря: «русска джанче-айно джанче-перика». Я ему объяснилъ что если айно будетъ хорошъ къ русскому, такъ и русскій будетъ хорошъ для айно; но если айно будетъ дурень, то и русскій будетъ дурень.

12-го ноября. — Кажется, зима хочетъ установиться. Снѣгу выпало много и термометръ не поднимается выше $+3^{\circ}$. Во время завтрака пришелъ грамотный айнъ, старый знакомый мой. Онъ очень понятливъ и потому съ нимъ легко объясняться. Онъ видимо желаетъ выучиться по-русски, спрашиваетъ слова и записываетъ ихъ. Онъ, на разпросы мои объ манжурахъ и гиллякахъ, объяснилъ, что на Сахалинѣ торгуютъ съ аинами и японцами три народа манжу, они носятъ косы и длинные бороды; Санта—заплетаютъ волосы тоже въ косы, но бороды имѣютъ малыя, ихъ онъ тоже называлъ Ороку, говоря что это все равно. Я полагаю, что Санта или Ороку должны быть гилляки. Третій народъ называется Симэри, и, по словамъ айна, они отличаются особенно большими бородами. Санта, т.-е. гилляки, приѣзжаютъ торговать въ селеніе Носоро, на западномъ берегу Сахалина. Въ Аниву японцы не пускаютъ ихъ. Изъ многихъ разговоровъ съ аинами можно заключить, что настоящій правитель на Сахалинѣ отъ японскаго правительства приѣзжаетъ въ Аниву только на лѣто.

Къ обѣду, въ 3-мъ часу, Рудановскій возвратился изъ двухнедѣльной экспедиціи къ с. Сиретоку. Его выбросило на берегъ у селенія Пуруанъ-Томари и онъ пришелъ оттуда пѣшкомъ. По его рассказамъ, онъ много перенесъ трудовъ. Результатъ экспедиціи довольно удачный. Заливъ Таонучи, по осмотру, оказался удобною гаванью для зимовки судовъ малаго ранга. Входъ довольно затруднительный, потому что фарватеръ извилистъ и узокъ. Берегъ Анивы до селенія Сиретоку осмотрянъ и нанесенъ на карту. Берегъ этотъ еще до сихъ поръ не былъ осмотрянъ европейцами. Сама экспедиція принесла пользу еще и въ томъ отношеніи, что познакомила насъ съ внутреннимъ бытомъ

аиновъ. Щедрый платежъ проводникамъ и за ночлеги въ селеніяхъ вѣроятно расположилъ аиновъ къ намъ.

13-го ноября. — Число больныхъ ежедневно прибавляется. Трудныхъ пока, благодаря Бога, нѣтъ; многіе больны ушибами и обрѣзами. Нашъ слуга аинъ, названный нами «Чокай», опять ночевалъ у насъ. Онъ рассказываетъ теперь, что японцы сговариваются убить русскаго джанчина (т.-е. меня) ночью. Этотъ любезный проектъ они отложили до весны, когда пріѣдутъ съ Мацлена ихъ джонки. Чокай говоритъ, что онъ тогда вмѣстѣ съ нами умретъ.

15-го ноября. — Сегодня, утромъ въ 11-мъ часу померъ хорошій и веселый матросъ Сизый. Онъ имѣлъ дней десять тому назадъ зубную боль. Отъ боли этой распухла щека. Когда опухоль пропала, онъ вышелъ на работу; черезъ два дня снова появилась опухоль и быстро обхватила всю шею и всю внутренность рта. Я приказалъ перевести его спать въ баню, гдѣ гораздо теплѣе, чѣмъ въ казармѣ. Вчера, въ субботу, когда баня понадобилась, перенесли его, закутаннаго, въ пекарню. Сегодня вдругъ приходитъ фельдшеръ съ извѣстіемъ, что Сизый умеръ. Утромъ еще онъ пилъ чай и говорилъ съ товарищами. Вѣроятно нарывъ въ горлѣ задушилъ его. Непонятно это, какъ отправлять въ экспедицію 70 ч. людей, не назначивъ къ нимъ доктора!

17-го ноября. — Поутру хоронили бѣднаго Сизаго. Погода уже другой день стоитъ ужасная. Снѣгъ идетъ непрерывно; шквалы сильнаго вѣтра опять нанесли цѣлые холмы снѣгу. Въ избѣ моей нельзя топить печку, потому что дымъ выкидываетъ въ комнату. Холодъ невыносимый, невозможно ничего писать, руки забнутъ. На воздухъ морозъ не великъ, около — 2° только, но признаюсь, такая температура для внутренности жилья не-пріятна.

30-го ноября. — Право, я долженъ благодарить судьбу, что она дала мнѣ такой счастливый характеръ; другой на моемъ мѣстѣ давно бы пришелъ въ отчаянье отъ скуки. Оставивъ Петербургъ, гдѣ я провелъ свою молодость въ кругу добрыхъ родныхъ, унеся изъ него чувство безнадежной любви, я въ четыре мѣсяца перешелъ черезъ пространство 14,000 в., гдѣ судьба бросила меня на невѣдомый островъ, гдѣ я долженъ оставить на долгое время надежду получить какую-нибудь вѣсточку съ родного края. Казалось бы, довольно судьбѣ испытывать меня; но нѣтъ, она дала мнѣ въ товарищи людей, которые только увеличиваютъ непріятность жизни. Самаринъ своею вѣжливостью, лѣнью и странностью понятій если и не наскучи-

ваетъ мнѣ, то уже конечно не можетъ интересоваться или веселить меня. Рудановскій же составляетъ дѣйствительную отраву. Его безпрестанныя рѣзкія выходки, какая-то особенно обидная манера говорить, часто наводятъ меня на мысль удалить его совсѣмъ отъ дѣлъ. Я чувствую, что этимъ я много поврежу пользѣ экспедиціи, отнявъ единственнаго человѣка, который можетъ дѣлать карты неизвѣстныхъ еще никому береговъ и внутреннихъ мѣстъ острова. Но, кажется, мое терпѣніе не выдержитъ. Сегодня опять была непріятная сцена изъ пустяковъ. Я поручилъ ему, по его желанію, составить списокъ товаровъ, которые ему надо будетъ взять для экспедиціи къ Майнѣ. Занимаясь этимъ, онъ спросилъ, есть ли въ пакгаузѣ гребенки, и узнавъ, что ихъ есть всего только шесть, онъ захотѣлъ изъ нихъ взять двѣ, для подарковъ аинамъ, которые никогда не чешутся и слѣд. не нуждаются въ гребняхъ. Я замѣтилъ ему, что не слѣдуетъ брать гребенки, потому что ихъ такъ мало, что на нашихъ матросовъ не достанетъ. — «Такъ мнѣ ничего не надо», рѣзко отвѣтилъ онъ, оттолкнувъ отъ себя бумагу, на которой писалъ. Ну, есть ли возможность ужиться съ такимъ человѣкомъ! По долгу службы, по настоящему слѣдуетъ остановить рѣшительнымъ поступкомъ такое неповиновеніе и неуваженіе къ своему начальнику. Въ подобныхъ случаяхъ частныя отношенія не имѣютъ мѣста, и потому, если я согласенъ переносить подобныя выходки какъ частный человѣкъ, какъ старшій офицеръ я не имѣю права это дѣлать.

6-го декабря. — Въ субботу, 5-го декабря казарма № 3-й была совершенно окончена. Она вышла красивѣе и удобнѣе всѣхъ другихъ строеній и выстроена изъ лѣсу, привезеннаго нами съ р. Сусуи и частью съ сосѣднихъ горъ. Я назначилъ большое празднество на сегодняшній день, по случаю тезоименитства императора. Для этого празднества выбрана была новая казарма, незанятая еще кроватями. Ротный образъ перенесли изъ 1-й казармы и поставили на красиво убранномъ столѣ. Въ половинѣ 11-го, команда, одѣтая въ мундиры, выстроилась для молитвы. Я одѣлся въ сюртукъ съ шарфомъ и саблей. Войдя въ казарму, я засталъ тамъ толпу японцевъ и аиновъ. Они оставались въ продолженіи молитвы и кажется были поражены, когда вся команда запѣвала молитвы. По окончаніи молитвы, принесены были пироги съ рыбой и рисомъ и разложены по столамъ, установленнымъ вокругъ стѣнъ и покрытыхъ бѣлымъ полотномъ. На серединѣ комнаты былъ поставленъ небольшой столикъ съ закуской для офицеровъ и мискою рому для команды. Наливъ рюмку рому, я провозгласилъ тостъ за Государя Импера-

тора, и при крикѣ ура и салютѣ изъ всѣхъ орудій выпилъ задравную чарку. Командѣ я велѣлъ выпить по чаркѣ крѣпкаго рому, способнаго опьянить даже и привычнаго матроса. Японцы и айны тоже получили по рюмкѣ рому и алады съ патокою. Переодѣвшись въ буршлаты, матросы собрались обѣдать. Для нихъ приготовили супъ, кашу и пшеничные алады съ патокою. Въ четыре часа освѣтили казарму тремя деревянными люстрами и нѣсколькими треугольниками со свѣчами по стѣнамъ. Я отпустилъ отъ себя, для угощенія команды, чаю и сахару. Три самовара съ завареннымъ въ нихъ чаемъ поставлены были въ казармѣ, и люди вдоволь могли пить любимый напитокъ свой. Хоры матросовъ и камчатскихъ казаковъ попеременно пѣли пѣсни. Скоро начались танцы и игры. Въ 8-мъ часу я роздалъ отъ себя по чаркѣ краснаго вина; это еще поддало веселья. Вечеромъ только трое айновъ пришли смотрѣть на нашъ праздникъ, остальные уѣхали на Сусую, гдѣ готовили пиршество по случаю поимки медвѣдя. Аинъ Хайру, постоянно живущій у насъ и имя котораго, наконецъ, мы узнали, совершенно предался намъ. Недѣли двѣ тому назадъ, онъ приходилъ мнѣ жаловаться, что японцы его били за то, что онъ ночуетъ у русскихъ и служить имъ. Я уже рѣшился было самъ пойти къ японцамъ, чтобы разузнать объ этомъ, но встрѣтивъ двухъ старшинъ изъ нихъ, Мару-Яма и Яма-Мадо, у Самарина въ пакгаузѣ, началъ спрашивать у нихъ, правда ли, что они били Хайру. Они отрицали, но въ это время вышелъ самъ Хайру и очень горячо повторилъ передъ японцами, что они его били. До меня дошелъ уже слухъ, что японцы, обѣзжая селенія айновъ, запрещали имъ служить или продавать что-нибудь русскимъ, да часто и на дѣлѣ мнѣ приходилось убѣждаться, что эти слухи справедливы. Поэтому, я нашелъ нужнымъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы выказать японцамъ, что я сердитъ на нихъ, и если нужно, погрозить имъ, чтобы не дать имъ излишней смѣлости, или дерзости въ сношеніяхъ съ нами. Принявъ сердитый тонъ, я сказалъ, что если они будутъ худо обращаться съ русскими, то и русскіе съ ними будутъ то же дѣлать; что я знаю, что они запрещаютъ аинамъ намъ промѣнивать самые нужные для насъ продукты, какъ, напр., свѣжую рыбу; что, наконецъ, они бьютъ тѣхъ айновъ, которые намъ оказываютъ казія-нибудь услуги. Яма-Мадо отговаривался, что Хайру неправду говорить, что если айны принесутъ что-нибудь русскимъ, то это хорошо.

Сердитый тонъ, съ которымъ я высказалъ свое неудовольствіе, подѣйствовалъ на японцевъ. Они стали присы-

латъ къ намъ разныя угощенія, предложили доставлять намъ кормъ для щенковъ, которыхъ мы достали отъ айновъ. Я то же посылалъ къ нимъ подарки, между которыми имъ больше всего понравился экстрактъ пунша. Въ воскресенье, я пошелъ къ нимъ съ Самаринымъ и Рудановскимъ, чтобы отдать имъ визитъ на ежедневныя посѣщенія ихъ послѣ нашей ссоры. Они много угощали насъ и показывали свой календарь, объяснивъ, что у нихъ черезъ каждые десять дней праздникъ. Мы объяснили имъ, что у русскихъ шесть дней работаютъ, а въ седьмой день праздникъ и работы нѣтъ. Хайро еще болѣе привязался къ намъ, когда увидѣлъ, что я заступаюсь за него и что японцы не посмѣютъ его трогать. Онъ работаетъ у насъ, носить дрова, прибираетъ комнату. За то ему и хорошее и выгодное житье у насъ. Кромѣ одежды, онъ получаетъ отъ насъ табакъ, чай, сахаръ. Обѣдаетъ вмѣстѣ съ казакомъ Березкинымъ, который находится вѣстовымъ при Рудановскомъ. Онъ очень подружился съ Березкинымъ. Это очень выгодно, потому что Березкинъ учится отъ него языку и теперь уже объясняется съ нимъ довольно хорошо. Въ день праздника Хайро одѣлся очень нарядно, по его мнѣнію. На немъ было суконное пальто, сверхъ его красная фланелевая рубашка, русскіе сапоги. Двумя полосатыми яркихъ цвѣтовъ шарфами онъ, съ помощью Березкина, одрапировался очень оригинально. Въ этомъ нарядѣ онъ гордо расхаживалъ передъ айнами, собравшимися къ нашей молитвѣ.

Вечеромъ, когда праздникъ былъ въ разгарѣ, онъ пришелъ въ какой-то восторгъ. Видно, что ему очень нравилась жизнь и веселье русскихъ. Я, конечно смѣясь, спросилъ его, хочетъ ли онъ поѣхать со мной въ Россію, когда пріѣдутъ наши корабли. Этотъ вопросъ его обезпокоилъ и онъ началъ просить, чтобы я его не бралъ съ Сахалина: любовь къ родинѣ сильна и у дикарей. Я съ трудомъ увѣрилъ его, что я пошутилъ. Онъ сталъ очень понятливъ, такъ что малое число словъ, которое я зналъ, достаточно, чтобы объясняться съ нимъ, разумѣется, о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Въ субботу приходили японцы Мару-Яма, Яма-Мадо и Асануя и съ ними четвертый японецъ, который принесъ съ ними козую для нашихъ собакъ. Они не хотѣли-было ничего брать за нее, но наконецъ приняли въ подарокъ бутылку любимого ими экстракта пуншу. Цѣль прихода ихъ была пригласить насъ поѣхать въ селеніе Сусую, присутствовать при празднествѣ по случаю поимки медвѣдя. На другой день, во время нашего праздника, пришелъ аинъ изъ Сусуи, хозяинъ медвѣдя, пригласить насъ, объясняя, что онъ пріѣдетъ утромъ за нами на собакахъ. Дѣйствительно, на другой день рано утромъ

онъ пришелъ сказать, что собаки готовы. Я поспѣшилъ одѣться и отправился съ Рудановскимъ. Къ намъ выѣхали двѣ нарты, каждая въ семь собакъ. Я въ первый разъ видѣлъ собачью упряжь. Она очень проста у айновъ и неудобна. Нарты — узенькія, не болѣе фута ширины, санки и длиною въ сажень, сдѣланныя изъ тонкаго переплета толстыхъ прутьевъ и тонкихъ дощечекъ. Къ передней части нарты, нѣсколько приподнятой, прикрѣплена толстая веревка. Къ этой веревкѣ привязываются собаки за шею тонкими ремнями, не попарно а черезъ одну. Кагоръ, или по нашему кучеръ, имѣетъ въ рукахъ конецъ веревки, привязанный къ средней веревкѣ, тотчасъ позади ближайшей къ нартѣ собаки. Этою веревкой онъ можетъ притягивать къ себѣ собакъ; но такъ какъ это недостаточно, чтобы удержать ихъ, то въ правой рукѣ у него есть палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, которую онъ, для остановленія нарты, втыкаетъ въ снѣгу подъ нартою, упирая палку объ одну изъ перекладинъ связывающихъ нарту. При поворотахъ налѣво аинъ кричитъ «кехъ, кехъ», погоняя — «тохъ, тохъ». Мы должны были ѣхать по лайдѣ залива (лайдою называется часть побережья, покрываемая во время прилива водою). Дорога была очень дурна. Снѣгу мало, такъ что мѣстами видѣнъ былъ голый песокъ. Множество наносныхъ коворъ и кусковъ льду заставляли постоянно остерегать ноги, чтобы не удариться ими. Несмотря на это, мы ѣхали довольно скоро. Рудановскій нѣсколько разъ падалъ съ своею партіею. Я былъ счастливѣе и только разъ опрокинулся.

По приѣздѣ нашемъ въ селеніе Сусую, насъ встрѣтила толпа айновъ и трое японцевъ. Мы пошли къ юртамъ и у одной изъ нихъ увидѣли медвѣдя въ деревянной клѣткѣ, несчастнаго героя торжества. У айновъ есть какое-то религіозное почитаніе медвѣдя. Не могу сказать навѣрно, считаютъ ли они его божествомъ. Не зная ихъ языка, я еще не могъ до сихъ поръ добиться, въ чемъ у нихъ состоитъ религія. Идоловъ у нихъ нѣтъ. Ихъ древесныя метелки, называемыя «инау», служатъ, какъ кажется, только знакомъ поклоненія или жертвъ. Солнце, луну и огонь они почитаютъ божествами и поклоняются имъ; кромѣ того, кажется, они то же покланяются и многимъ звѣрямъ, а между ними и медвѣдю, котораго они то же называютъ «камуй», (богъ), какъ и огонь или солнце. Празднество, котораго я былъ свидѣтель, показываетъ какъ они уважаютъ своихъ боговъ. Около клѣтки была большая толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Мужчины имѣли на себѣ обыкновенное платье. Женщины немного нарядились и украсились серьгами и бусами. Между молодыми дѣвушками были нѣкоторыя довольно хорошенькія, съ пріятными и мягкими чертами лица и съ пыл-

ими черными глазами; но обычай красить губы синею краской очень обезображивает ихъ. Дѣти были очень нарядно одѣты. Видно, что все щегольство айновъ состоитъ въ одеждѣ дѣтей ихъ. Многія изъ маленькихъ дѣвочекъ имѣли короткіе халатики изъ пестрыхъ бумажныхъ матерій, покупаемыхъ отъ японцевъ и манжуровъ. Огромныя бусы фарфоровыя, большею частью голубого цвѣта, навѣшаны были на нихъ нѣсколькими нитками. Насъ пригласилъ войти въ юрту хозяинъ медвѣдя. Она была полна народу; мужчины, женщины и дѣти чуть не сидѣли другъ на другѣ. Намъ дали почетныя мѣста, гдѣ уже сидѣли японцы. Ихъ было трое, но еще пришелъ четвертый Асануя. Этотъ японецъ, третій по старшинству, очень мнѣ нравится. Онъ любимъ и аинами. Мару-Яма и Яма-Мадо не было на праздникѣ. Насъ начали угощать. Я ничего не могъ ѣсть, потому что все приготовлено было неопратно и на перпячемъ жиру. Было два главныя кушанья—рисъ на жиру и коренья, какъ кажется, съ китовымъ жиромъ. Саки — напитокъ приготовленный изъ рису и похожій на кислое молоко, очень пріятнаго вкуса. Въ немъ много газовъ и онъ пѣнится, а если его выпить стакана три, то можно порядкомъ опьянѣть. Я подарилъ хозяйкѣ дюжину пуговицъ и роздалъ всѣмъ бывшимъ въ юртѣ женщинамъ по одной перламутровой пуговицѣ. Посидѣвъ нѣсколько у очага мы вышли смотрѣть, какъ будутъ наряжать медвѣдя; эта операція требовала большой ловкости. Хотя медвѣдь еще былъ очень молодъ, однако уже столько свирѣпъ и силенъ, что легко могъ бы многихъ передавить. Послѣ долгихъ усилій наконецъ удалось аинамъ накинуть на шею медвѣдя петлю съ двумя длинными концами. Тогда разобрали потолокъ влѣткѣ и вытащили его изъ нея. Человѣка четыре бросились на него и пригнули его къ землѣ, натянувъ концы ремней въ разныя стороны, такъ что медвѣдь не могъ никуда податься. На него надѣли различныя украшенія и небольшую древесную метелку на голову. Когда нарядъ былъ оконченъ, толпа съ триумфомъ двинулась по направленію къ р. Сусуѣ. Медвѣдя вели два аина, одинъ спереди за довольно длинный конецъ ремня, другой сзади. Впереди несли большую древесную метелку. Женщины и дѣти то же шли сзади. Между женщинами я замѣтилъ нѣкоторыхъ съ очень пріятными чертами лица и съ прекрасными черными глазами. Въ ихъ разговорѣ, въ голосѣ есть какая-то нѣжность, но женской стыдливости, какъ мы ее понимаемъ, въ нихъ нѣтъ совсѣмъ. Напр., часто случалось, что молодая дѣвушка, чтобы посадить ребенка къ себѣ на спину, подъ шубу, снимала ее при мнѣ, совершенно обнажая себя до пояса. Рудановскій рассказывалъ мнѣ, что въ

одномъ селеніи, гдѣ онъ ночевалъ, одна молодая женщина раздѣлась совершенно и нагая усѣлась подлѣ него у огня. Мужъ ея сидѣлъ тутъ же.

Черезъ четверть часа ходу по глубокому снѣгу, дикая процессія наша остановилась на площадкѣ, окруженной небольшою рощей. На этой площадкѣ устроенъ былъ жертвенникъ; — частвоволь, длиною сажени пять, вышиною въ ростъ человѣка, обвѣшанный кусками различныхъ матерій, между которыми было нѣсколько шелковыхъ и парчевыхъ, шитыхъ золотомъ, на подобіе ризъ русскихъ священниковъ. На этихъ кускахъ матерій навѣшано было множество сабель японской работы, получаемыхъ аинами въ награду за услуги. По обыкновенію, древесныя метелки были навѣшаны повсюду, надъ частвоволью и около него. Впереди поставлены были два дерева особенно выбранныя; на сажень отъ земли они раздѣлялись на два отдѣльныхъ ствола, одинъ немного ниже другого. Деревья эти были обтесаны и верхушки ихъ украшены метелками. Къ одному изъ этихъ деревьевъ привязали медвѣдя. Аины усѣлись въ кружокъ около него, а одинъ изъ старыхъ аиновъ (вѣроятно имѣющій то же значеніе, что шаманъ у сибирскихъ дикарей) началъ обрядъ, предшествующій убіенію звѣря. У него въ рукахъ была древесная метелка съ длинною рукояткою. Приговаривая на распѣвъ грубымъ хриплымъ голосомъ, онъ махалъ метелкою надъ медвѣдемъ, слегка потряхивая ею. Звѣрь пришелъ въ ужасную ярость; — съ ревомъ бросался онъ во всѣ стороны, стараясь разорвать ремни, которыми былъ привязанъ къ дереву. Кружокъ аиновъ, окружавшій его, былъ такъ тѣсенъ, что онъ едва не доставалъ ихъ лапами. Минутъ двадцать шаманъ напѣвалъ свою дикую молитву. Наконецъ онъ кончилъ. Тогда принесли стрѣлу и лукъ, и одинъ изъ аиновъ, взявъ ихъ, съ силою вонзилъ стрѣлу въ бокъ медвѣдя. Звѣрь заревѣлъ, остался нѣсколько минутъ безъ движенія, потомъ сталъ снова бросаться и кувыряться, стараясь выдернуть стрѣлу; наконецъ онъ сломалъ ее. Аины казалась любовались на его мученія. Наконецъ, натѣшившись, вонзили въ него вторую стрѣлу, а потомъ и третью. Медвѣдь ослабѣлъ и съ жалобнымъ стономъ испускалъ послѣдніе тяжелые вздохи. Съ послѣднимъ вздохомъ его, трое аиновъ легли на него, приложивъ лица свои къ его мордѣ, и всѣ трое вмѣстѣ завывли жалобнымъ голосомъ, какъ бы оплакивая смерть медвѣдя. Послѣ этого обряда, мертвого медвѣдя положили на чистое ложе посреди стѣнки, украшенной матеріями и оружіемъ. Его укладывали съ большимъ стараніемъ. Подъ морду положили инау (древес. метелки), на спину его наложили нѣсколько сабель.

Меня и Рудановскаго приглашали съѣсть подлѣ медвѣдя. Это почетное мѣсто не совсѣмъ было по моему вкусу. Я отказался и съѣлъ на приготовленномъ матѣ немного поодаль. Съ обѣихъ сторонъ медвѣдя сѣли два старика, а подлѣ нихъ двое молодыхъ аиновъ. Подходя къ медвѣдю, аины присѣдали и кланялись, и я убѣдился, что аины дѣйствительно обоготворяютъ этого звѣря. Вся толпа аиновъ усѣлась полукружіемъ, лицомъ къ намъ. Женщины принесли въ кадкахъ разныя кушанья, которыя разносили въ чашечкахъ всѣмъ присутствующимъ. Мнѣ подали на подносѣ въ четырехъ чашкахъ два кушанья, которыя я попробовалъ, но не могъ ѣсть. Одно изъ нихъ была рисовая каша на перпячемъ жиру, другое, какъ кажется, смѣшеніе разныхъ кореньевъ на томъ же жиру. Я видѣлъ когда аины съ грязными, никогда не мытыми руками, мѣсили въ кадкахъ предлагаемыя мнѣ кушанья, и хотъ я не брезгливъ, но чувствовалъ большое отвращеніе къ нимъ, но съ удовольствіемъ пилъ ихъ напитокъ, саки, приготовляемый изъ рису. Кислый и пріятный вкусъ его походилъ на кислое молоко, но будучи довольно крѣпокъ и содержа много газа, онъ превосходитъ его во вкусѣ. Посидѣвъ еще немного я видѣлъ, что изъ праздника интересное для меня кончилось и что продолженіе его будетъ состоять въ ѣдѣ и питьѣ.

Я всталъ, и положивъ на медвѣдя нѣсколько блестящихъ пуговицъ, простился съ аинами и пошелъ съ Рудановскимъ въ селеніе, чтобы доставъ тамъ собакъ, ѣхать домой. Японцы, обѣщавшіе намъ вмѣстѣ ѣхать, уже уѣхали и мы принуждены были сами искать себѣ собакъ. Въ селеніи находилось нѣсколько аиновъ другихъ селеній. Мы спросили у нихъ собакъ, обѣщая хорошо заплатить, но получили въ отвѣтъ, что собакъ у нихъ нѣтъ. Въ селеніи мы видѣли много собакъ, но хозяева ихъ были всѣ на праздникѣ. Наконецъ, аинъ изъ селенія Томари вызвался отвезти насъ и отвязавъ отъ юрты запряженную нарту; мы сѣли и поѣхали. Дорога была дурная, насъ сидѣло трое—собаки едва тащили насъ. Наконецъ, аинъ всталъ и, давъ мнѣ поводъ, предложилъ, чтобы двое ѣхали. Проѣхавъ не болѣе трехъ минутъ, мы были остановлены прибѣжавшимъ аиномъ. Онъ сказалъ намъ, что это его собаки и что онъ долженъ тотчасъ же ѣхать въ Лютагу, и не согласился ни за какую плату отдать собакъ. Не желая употреблять силу, я бросилъ нарту и пошелъ пѣшкомъ, и благополучно добрался до порта. Этотъ случай показалъ мнѣ необходимость завести собственныхъ собакъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ поѣздки на Сусую, пришелъ со стороны Сиретоку аинъ, знакомый уже Рудановскому и Самарину и рекомендованный ими мнѣ какъ человѣкъ очень способный и дѣятельный. Я рѣ-

шился ему поручить вести дѣла наши въ аинами. Его привели въ лавку, гдѣ уже всѣ товары были въ порядкѣ уложены. Объяснивъ ему, что мы хотимъ купить собакъ, ему стали показывать разные товары, для того, чтобы онъ выбралъ тѣ изъ нихъ, которые болѣе нравятся аинамъ. Про разныя бездѣлицы, какъ, напр., пуговицы и проч. онъ сказалъ съ пренебреженіемъ, что это хорошо для женщинъ. Послѣ долгаго пересмотра оказалось, что доба есть лучшій товаръ для аиновъ. Но когда ему показали красное тонкое сукно, онъ пришелъ въ полный восторгъ и ничего другого не хотѣлъ смотрѣть. Большіе платки шерстяные и шелковые онъ хвалилъ и, какъ казалось, величина была для него самымъ важнымъ. Кончивъ пересмотръ, онъ сказалъ, что онъ пойдетъ покупать, но чтобы съ нимъ послали казака Дьячкова, съ которымъ онъ очень подружился и который уже столько научился айнскому языку, что довольно хорошо объяснялся съ ними. Я послалъ съ нимъ Дьячкова и Березкина и далъ товару; черезъ трое сутокъ они привели 10 собакъ. Я опять послалъ Дьячкова съ аиномъ, чтобы еще купить 8 собакъ и нанять нарту и проводниковъ въ Нойоро, чтобы отвезти туда Рудановскаго, которому назначено было мною осмотрѣть японскія селенія Тахмакъ и Малка. Я желалъ, чтобы они какъ можно скорѣе были осмотрѣны. Предполагая послать Самарина въ январѣ въ Петровское зимовье, я хотѣлъ доставить туда какъ можно болѣе свѣдѣній. Дьячковъ привелъ съ аиномъ чрезъ недѣлю 8 собакъ и нанятую нарту.

20-го числа, Рудановскій выѣхалъ на сдѣланной нартѣ на образецъ камчатскихъ. Объяснивъ ему, что главная цѣль экспедиціи есть осмотръ Малки и Тахмака, я предоставилъ ему выбрать дорогу и онъ, по обыкновенному упрямству своему, рѣшился ѣхать черезъ рѣку Моточу, несмотря на то, что всѣ аины говорили, что тамъ дорога очень дурна. За два дня до его отбѣзда я имѣлъ съ нимъ новую ссору. Въ этотъ день я былъ боленъ зубами. Конечно, это имѣло вліяніе на расположеніе моего духа. Я былъ недоволенъ его легкомысленными объясненіями съ аинами, въ которыхъ онъ не считалъ нужнымъ держаться правилъ, которыя я полагалъ нужными, по моему мнѣнію, въ обращеніи съ аинами. Отъ этого произошелъ споръ. Наскучивъ этими непрерывными столкновеніями, я объявилъ ему, что назначаю ему особенную квартиру, приготовленную для Самарина въ домѣ 3-ей казармы. Послѣдняго я полагаю взять жить къ себѣ, потому что въ лавкѣ слишкомъ холодно.

Посѣщенія аиновъ уменьшились немного. Дурныя дороги вѣроятно затрудняютъ бродячую жизнь ихъ. Хайро повелъ себя

довольно дурно. На другой день послѣ того, какъ казаки ушли по-купать собакъ, онъ пришелъ сказать мнѣ, что хочетъ пойти догонять казаковъ и покупать съ ними собакъ. Я похвалилъ его за это и далъ ему на дорогу хлѣба и табаку. Когда возвратились казаки, то сказали мнѣ, что Хайру во все время дороги бранился, ничего не хотѣлъ несть, и когда въ юртѣ ему Дьячковъ подаль чай послѣ хозяина дома, то онъ бросилъ чашку говоря, что ему первому надо подавать, и обругалъ Дьячкова. Какъ скоро балуются дикари. Хайру вообразилъ себѣ, что если я съ нимъ ласково обращался, то онъ черезъ это сдѣлался такимъ важнымъ, что всѣ айны, да даже и казаки должны считать его важнѣе себя. Когда онъ пришелъ ко мнѣ, я его порядкомъ разбранилъ и не велѣлъ ему ходить ко мнѣ, пока Дьячковъ не скажетъ, что онъ началъ хорошо себя вести. Онъ очень перепугался, и когда черезъ нѣсколько дней рѣшился придти ко мнѣ, то съ большимъ подобострастіемъ сталъ предо мной на колѣни и наклонилъ до земли голову. Я позволилъ ему приходить, но погрозилъ ему, что если онъ еще разъ не окажетъ уваженія русскому, то навсегда прогоню его. Онъ знаетъ, что тогда положеніе его будетъ затруднительно. Многие изъ айновъ его терпѣть не могутъ, потому, что знаютъ, что онъ про нихъ говоритъ мнѣ худо. Японцы, разумѣется, рады бы были убить его. Я очень доволенъ, что обстоятельства такъ тѣсно привязали его къ намъ. Хотя онъ и изъ плохихъ айновъ, но все-таки приноситъ намъ большую пользу тѣмъ, что черезъ него мы можемъ узнавать, что дѣлается и говорится между айнами.

22-го, Березкинъ пріѣхалъ съ письмомъ отъ Рудановскаго. Его поѣздка на Моточу была очень неудачна. Нарта оказалась совершенно неудобною. Кое-какъ онъ добрался до Сусуи, надѣясь тамъ нанять собакъ. Но сусуйскіе айны всѣ разбѣжались, оставивъ дома только женъ и дѣтей. Причина этому, конечно, нежеланіе дать собакъ. Рудановскій поѣхалъ далѣе. Вода во многихъ мѣстахъ совершенно покрывала лайду. Между рѣками Сусуей и Моточью есть нѣсколько айнскихъ селеній. Жители ихъ непонятно дурно принимали Рудановскаго. Когда онъ подѣзжалъ къ какой-нибудь юртѣ, то хозяинъ отворачивалъ собакъ, говоря, что у него нѣтъ мѣста и что японцы будутъ бить его. Наконецъ онъ, не обращая вниманія на это, вошелъ въ одну юрту и остался ночевать тамъ, и хозяинъ его угощалъ довольно гостепріимно. Убѣдившись, что по Моточѣ ѣхать нельзя, онъ воротился въ Сусую, гдѣ айны въ этотъ разъ его приняли лучше. Они доставили ему двѣ нарты взаимнѣ

нашей тяжелой и продали 4-х собакъ. На дорогѣ отъ Моточи онъ купилъ двѣ, да я ему послалъ въ Сусую 2-хъ. Проведя одни сутки въ Сусуѣ по случаю чрезвычайно дурной погоды, Рудановскій поѣхалъ по Сусуѣ на Найпу, и далѣе по восточному берегу до р. Мануи, по этой рѣкѣ на рѣку Кусунай и внизъ по ней на западный берегъ къ селенію Найоро. 24-го, утромъ воротились охотники съ неудачной охоты. На Сусуѣ, гдѣ они были, нѣтъ ни лосей, ни оленей. Я уже въ отсутствіе ихъ узналъ, что главный притонъ оленей есть рѣка Моточа. Я полагаю послать охотниковъ туда. Цынга начинаетъ развиваться между людьми; необходимо надо достать свѣжей пищи. Вечеромъ аинъ привелъ нарту и принесъ записку отъ Рудановскаго. Рудановскій пишетъ, что дорога дурна и онъ съ большимъ трудомъ доѣхалъ на 16-ти собакахъ до Экуроки. По всему видно, что зимою сообщеніе вообще затруднительно, въ особенности если правда, какъ говорятъ аины, что сѣвернѣе у Найоро снѣгу бываетъ еще менѣе, чѣмъ въ нашемъ мѣстѣ.

Нашъ приходъ на Сахалинъ служить, конечно, главнымъ предметомъ разговоровъ между аинами. Изъ этихъ разговоровъ видно, что японцы стараются распространять невыгодные для насъ слухи. Напр., одинъ аинъ пришелъ рассказать мнѣ, что весною пріѣдетъ много японскихъ кораблей; что одни пристанутъ въ Сиретоку и Тоонучи всего отъ насъ въ 100 верст.; другіе въ Сирануси и третьи въ Малкѣ; что ночью они подойдутъ къ намъ съ трехъ сторонъ и убьютъ насъ; что японцы придутъ съ саблями и въ мѣдной одеждѣ. Другіе рассказываютъ, что японцы, живущіе на Сахалинѣ, хотятъ собрать со всего берега аиновъ и пригласить всѣхъ русскихъ какъ бы на праздникъ къ себѣ, и угощать будутъ водкой; а когда русскіе опьянѣютъ, то убьютъ ихъ. Аины, рассказывая это, просили меня, чтобы я не ходилъ. Всѣ эти рассказы имѣютъ источникъ, конечно, въ разговорахъ японцевъ съ аинами, и хотя японцы и способны на подобныя непріятельскія дѣйствія, но слишкомъ трусливы, чтобы исполнить свои угрозы. Насчетъ прихода судовъ весною, числа японцевъ и дѣйствій ихъ противъ насъ, ничего нельзя сказать, — это все будетъ зависѣть отъ ихъ императора. Если онъ найдетъ необходимымъ для него Сахалинъ, то онъ или рѣшится измѣнить, на этотъ случай, законъ, запрещающій имѣть сношенія съ чужеземцами и тѣмъ болѣе промышлять что-нибудь вмѣстѣ съ ними, живя на одной землѣ, или рѣшится выгнать насъ съ Сахалина, и тогда, разумѣется, свойственно японской храбрости, пошлетъ не менѣе тысячи японцевъ противъ 60-ти русскихъ. Я полагаю, что ни того, ни другого не будетъ,

а японцы просто оставить Сахалинъ. Но еслибы японцы вздумали воевать противъ насъ, то наше положеніе не слишкомъ выгодное. Воспротивиться высадѣ невозможно. Имѣя 60 человѣкъ, изъ которыхъ до 20-ти чел. постоянно больныхъ, я, разумѣется, не буду въ состояніи разсылать партіи по берегу въ нѣсколько сотъ верстъ протяженія. Мѣсто избранное для поста хорошо, еслибы его охраняли человѣкъ 200. Я былъ принужденъ раздѣлить команду на двѣ части, а части эти оказались бы чрезвычайно слабыми, въ особенности на нижней батарее, которая по положенію своему будучи совершенно открыта съ верхней стороны, должна быть необходимо связана съ верхними строеніями стѣною; но это потребуетъ такое количество лѣсу, что невозможно будетъ намъ достать его, да и стѣны, будучи слишкомъ длинными, не будутъ достаточно защищены малымъ числомъ людей, которое я имѣю въ распоряженіи. Заключиться всѣмъ въ верхнемъ городкѣ, тоже невыгодно, потому что останемся безъ воды. Весною надо будетъ избрать окончательно способъ защиты. Но до тѣхъ поръ положеніе наше тоже очень невыгодное. Желая остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ японцами и не дать имъ причины сказать, что мы хотимъ ихъ выгнать съ Сахалина, да и желая, чтобы они оставались жить въ Томари и тѣмъ дали возможность покороче съ ними сжитья, я не могу съ ними обращаться такъ строго, какъ бы слѣдовало. Японцы очень дурно ведутъ себя: оказывая наружно намъ дружбу, присылая мнѣ различные подарки, они за глазами возбуждаютъ айновъ противъ насъ и запрещаютъ имъ продавать что-нибудь русскимъ. Я пока все еще терплю это, но вѣжется, придется скоро проучить ихъ за лукавство. Это ложное положеніе наше произошло отъ того, что имѣя цѣлью при занятіи Сахалина остаться въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Японією, съ которою мы надѣемся заключить торговый трактатъ, мы заняли пунктъ, который стѣснилъ совершенно свободу ихъ промысловъ, основанную на рабствѣ айновъ, и поставили себя тѣмъ въ враждебное къ нимъ положеніе. Еслибы мы заняли хотя, напримѣръ, Нойоро на западномъ берегу, селеніе, гдѣ производится главная расторжка между аинами, гиляками и манжурами и находящемся сѣвернѣе японскихъ заселеній, то, поселившись тамъ, мы необходимо приобрѣли бы вліяніе какъ надъ гиляками, такъ и надъ аинами, и не устранивъ японцевъ, могли бы и съ ними мало-по-малу сближаться. Что же касается до мысли, что, для овладѣнія Сахалиномъ, надо владѣть Анивою — то эта мысль можетъ имѣть мѣсто при военномъ планѣ дѣйствій противъ Японіи. А чтобы владѣть Сахалиномъ, совершенно достаточно владѣть каѳимъ

бы то ни было пунктомъ, потому что главную роль имѣть морская сила при дѣйствіяхъ на островѣ. Насчетъ же гавани, то въ Томари ея нѣтъ точно также, какъ и въ с. Нойоро, а слѣд. судамъ невозможно зимовать ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ. Въ Тооцуги гавань хороша, но входъ въ нее очень затруднителенъ, если не совсѣмъ невозможенъ. Гавань эта находится въ 100 верстахъ отъ Томари.

27-го. Сегодня пришелъ ко мнѣ японецъ Асануя. Я ему рассказалъ, какъ айны дурно приняли Рудановскаго и все это потому, что японцы ихъ возбуждаютъ противъ насъ. Я ему сказалъ, что я тоже знаю, что японцы рассказываютъ, что лѣтомъ много судовъ придетъ съ Мацмая и убьютъ русскихъ. Я ему объяснилъ, чтобы онъ выбросилъ это изъ головы, что если японцы вздумаютъ непріязненно дѣйствовать, то русскіе корабли не выпустятъ ни одну джонку, ни одного японца съ Сахалина, а что теперь мы ихъ просимъ возвратиться изъ Найпу, куда они убѣжали, чтобы жить съ нами въ Томари дружно вмѣстѣ; но что если они не хотятъ хорошо жить съ нами, то лучше пусть уходятъ въ Малку. На все это онъ отвѣчалъ, что айны врутъ, что они нарочно говорятъ противъ японцевъ, что японцы хотятъ дружно съ русскими жить¹⁾. Онъ ушелъ и скоро мнѣ принесли отъ Мару-Яма свѣжей рыбы. Боязнь, что ихъ выгонятъ изъ Томари, руководила въ этомъ случаѣ любезностью японцевъ.

31-го декабря, урядникъ Томскій, посланный мною съ тремя казаками на р. Рюточу на охоту за оленями, прислалъ съ казакомъ Монаковымъ 2 пуда мяса этого звѣря и съ извѣстіемъ, что убили одного оленя, а другого ранили и теперь за нимъ пошли на поиски. Итакъ, мы будемъ имѣть на время свѣжее мясо. Принятые мною мѣры для закупки свѣжей рыбы были тоже умѣстны, и команда уже съ 28-го декабря получаетъ супъ изъ свѣжей рыбы. Дастъ Богъ цынга ослабѣетъ; она начала очень беспокоить меня — 20 человекъ уже подвержены ей, и нѣкоторые не могутъ уже ходить. Помѣщеніе людей очень

¹⁾ Японцы вымѣниваютъ отъ айновъ почти единственно однихъ выдръ, которыхъ они промѣниваютъ манжурамъ, привѣжающимъ лѣтомъ въ Сирауси, на тонкія шелковыя матеріи. Эту мѣну производить можетъ только японскій начальникъ, и вѣроятно не въ большомъ размѣрѣ. Главная цѣль сахалинской колоніи для японцевъ есть рыбный промыселъ. Айны народъ не промышленный и не дѣятельный, и поэтому мѣна съ ними приноситъ выгоду манжурамъ только потому, что айны дешево отдаютъ свой пушной товаръ. По словамъ японцевъ, кочующій народъ Ороки богаты. Японцы мало впрочемъ знаютъ ихъ, но айны Сиребинусъ предлагалъ ѣхать съ нашими товарами торговать къ нимъ.

хорошо, слѣд. пища единственно имѣетъ вліяніе на тѣхъ, которые почти ежегодно были больными цынгою въ Камчаткѣ. Вечеромъ мы торжественно встрѣчали новый годъ; площадка наша была усажена елками и иллюминирована бумажными фонарями. Команда была собрана въ казармѣ 1-го капральства, освѣщенной множествомъ свѣчей. Посреди комнаты приготовлено было вино и закуска. Въ 12 часовъ всѣ вышли на площадку, и когда я провозгласилъ тостъ на благополучіе новаго года, съ башни раздался выстрѣлъ изъ фальконета, ему отвѣчали съ нижней батареи и фалконетъ снова загремѣлъ. Команда запѣла «Боже Царя храни», потомъ возвратились въ казарму, и празднество длилось до глубокой ночи.

1-го января 1854-го года.— Вотъ уже три мѣсяца, какъ мы поселились на Сахалинѣ. Бросимъ общій взглядъ на наше настоящее положеніе и на отношенія наши къ японцамъ и айнамъ.

Японцы, убѣдившись, что я сердитъ на нихъ, пытаются всѣми мѣрами помириться съ нами. Они даже показываютъ теперь особенное уваженіе къ айну Хойро, котораго онъ совершенно не заслуживаетъ. Давно уже они зазывали къ себѣ казака Дьячкова, который, имѣя большую способность къ изученію айнскаго языка, уже объясняется на немъ довольно порядочно. Я позволилъ Дьячкову ходить къ нимъ, давъ ему наставленіе, какъ объяснять имъ цѣль прихода нашего и нашихъ дѣйствій. Онъ былъ два раза у нихъ, и трое старшихъ японцевъ пригласили его въ отдѣльную комнату и много спрашивали о томъ, зачѣмъ русскіе пришли, много ли еще придетъ, пріѣдутъ ли жены, за что я сержусь на нихъ, потомъ спрашивали, велика ли земля наша. Дьячковъ объяснилъ имъ, что русскіе пришли на Сахалинъ не для того, чтобы завоевывать его, что русская земля такъ велика, что есть много пустыхъ, хорошихъ мѣстъ; что рыбы намъ не надо и что, наконецъ, императоръ русскій послалъ насъ сюда затѣмъ, чтобы не пускать иностранцевъ поселяться между нами и японцами, что объ этомъ будетъ писано японскому императору. Кораблей же нашихъ придетъ четыре и на нихъ много солдатъ; жены пріѣдутъ къ своимъ мужьямъ, которые теперь здѣсь находятся, но что на зиму корабли уйдутъ и что русскихъ опять немного останется. На вопросъ ихъ, за что я на нихъ сержусь, онъ сказалъ, что айны говорили мнѣ, что японцы запрещаютъ имъ продавать намъ что-нибудь и вмѣстѣ подговариваютъ ихъ быть недружными съ нами, грозя имъ, что лѣтомъ ихъ убьютъ. Японцы на это отвѣчали, будто они знаютъ, что айны рассказываютъ русскимъ,

что японцы хотятъ убить ихъ, въ то время, когда они спятъ, но что они и имъ то же рассказываютъ, будто русскіе то же хотятъ сдѣлать. Просили, чтобы я не вѣрилъ аинамъ, говоря, что мы ихъ балуемъ и платимъ слишкомъ дорого за собакъ и рыбу; что за товаръ (1 кус. добы), за который мы покупаемъ одну собаку, можно купить цѣлую нарту собакъ, т.-е. не менѣе 5; что когда мы лучше узнаемъ аиновъ, то увидимъ, какъ они любятъ обманывать. Увѣряли Дьячкова, что они хотятъ дружно жить съ русскими и мѣняться съ ними тѣми вещами, которыя обоюднo нужны, но что весною, когда прїѣдетъ офицеръ ихъ, то все будетъ зависѣть отъ него; но они всѣ желаютъ, чтобы императоръ ихъ прочелъ письмо нашего императора и остался бы друженъ съ русскими, потому что русскіе очень добры; они это знаютъ изъ того, какъ русскіе принимали японцевъ въ Камчаткѣ, съ разбитаго судна. По ихъ словамъ, японцы эти живутъ теперь въ Итурупѣ. Прощаясь съ нимъ, они приглашали его чаще ходить къ нимъ, чтобы учить ихъ по-русски, а они его будутъ учить по-аински и вмѣстѣ съ тѣмъ сказали, что прїѣдутъ ко мнѣ объясниться насчетъ аиновъ. Дѣйствительно, на другой день Маруя-Яма и Яма-Мадо пришли, въ сопровожденіи японца, несшаго рыбу и рисовые алады. Я ихъ ласково принялъ и показалъ видъ, что вѣрю ихъ словамъ. Я вычиталъ имъ изъ сочиненія Головнина нѣсколько словъ и именъ японскихъ, также и изъ словаря, составленнаго японцами, жившими въ Камчаткѣ. Они охотно поправляли слова, невѣрно написанныя. Я объяснилъ имъ, что русскіе, которые здѣсь живутъ, есть солдаты (доссино), а они мнѣ сказали, что они—изъ матросовъ.

Внутреннія наши дѣла также довольно утѣшительны. Помѣщеніе команды достаточно просторное. На 66-ть чловѣкъ три казармы, двѣ въ 5 саж. длины, три сажени ширины и 4 арш. вышины; третья въ 5½ саж. длины, 3 саж. ширины и 4 арш. вышины. Люди спятъ на кроватяхъ, просторно разставленныхъ, хорошо постланныхъ и достаточно высокихъ, чтобы помѣстить подъ ними, въ порядкѣ, всѣ вещи людей. Ружья установлены по стѣнамъ, въ промежуткахъ между кроватями, такъ что прикладъ ружья приходится наравнѣ съ верхомъ спинки кровати. Сумы и сабли висятъ надъ головами. Красиво и удобно. Ружья и сабли я часто самъ осматриваю, и потому они всегда въ порядкѣ. Въ казармахъ 1-го и 3-го капральствъ поставлены кирпичныя печи-голландки. Кирпичъ готовится зимою подъ 10-ти гр. морозомъ. Въ 1-мъ и 2-мъ капральствѣ, кромѣ того, устроены якутскіе чувалы. Въ 2-й казармѣ есть битая печь, по нехорошо сдѣланная и потому тамъ поставлена желѣзная печь;

точно такая же есть желѣзная печь въ 3-й казармѣ, гдѣ нѣтъ чувала. Казармы, съ досчатыми полами и потолокомъ, свѣтлы, просторны и сухи. Воздухъ всегда хорошъ, потому что огонь горитъ постоянно.

Пища нижнихъ чиновъ, къ сожалѣнію, была, въ продолженіи 3-хъ мѣсяцевъ, нездоровая. Супъ изъ солонины, съ густою подболткою изъ муки и ячневой крупы—вотъ постоянный былъ ихъ обѣдъ и ужинъ, кромѣ праздниковъ, когда пеклись пироги съ рисомъ, имѣющимся у насъ въ маломъ количествѣ. Несвѣжая пища эта и неимѣніе огородныхъ овощей имѣли дурное вліяніе на больныхъ безъ того и расположенныхъ къ цынгѣ матросовъ. Съ начала ноября начала появляться эта болѣзнь, и скоро число больныхъ увеличилось до 20-ти человекъ. Число ихъ доходило и до 28-ми чел., когда простуда и порубы присоединились къ цынгѣ. Смерть бѣднаго матроса Сизаго и медленное выздоровленіе больныхъ, показываетъ необходимость присутствія доктора въ экспедиціи. Аптекарьскій ученикъ, Кокоринъ, кромѣ того, что ничего не знаетъ, но еще и малоспособный человекъ. Я заставилъ его учиться по одному лечебнику и хотя видѣлъ, что это приноситъ пользу, но мало успокоиваетъ, потому что, въ важныхъ болѣзняхъ, лечебникъ не много помогаетъ. Мы теперь, съ 28-го декабря, имѣемъ свѣжую рыбу и оленину, и я надѣюсь, что болѣзнь уменьшится ¹⁾).

Люди наши, благодаря русскому характеру, не слишкомъ скучаютъ, да и столько занятій, что нѣтъ времени и скучать. Пока не были выстроены первыя двѣ казармы, шабашовъ не было, но, вставъ подъ крыши, я началъ давать отдыхъ въ праздничные дни. Гарнизонная служба состояла, при началѣ, изъ 4-хъ постовъ, занимаемыхъ днемъ часовыми, безъ особаго караула, ночью же выставлялся караулъ, т.-е. 1 унт.-оф., 12 ряд. и 2 ефрейторовъ должны были быть одѣтыми и всегда готовыми, по вызову часового, выстроиться, съ заряженными ружьями, у орудій. Ночь они проводили въ казармахъ, съ дозволеніемъ спать, конечно, совершенно одѣтыми. Во всякой казармѣ назначается одинъ дневальный. Когда больныхъ почти не было, то служба эта не была слишкомъ тягостна, но съ наступленіемъ сырой погоды появилась простуда. Я уничтожилъ одинъ постъ, поставивъ орудія верхняго городка въ одну баттарею. Когда же была окончена лавка и помѣщены въ ней товары, то, на опо-

¹⁾ Въ концѣ декабря открылась рыбная ловля на р. Сусуѣ, и я началъ скучать отъ вновь свѣжую рыбу. Кромѣ того я, узнавъ, что на р. Поточѣ водятся олени, послалъ 4-хъ камч. каз. на охоту за ними, и они уже убили 3-хъ.

роженное мѣсто въ пакгаузѣ, уложили всѣ бочки и ящики, лежавшіе подъ навѣсомъ. Пакгаузъ заперли на ключъ, и я приказалъ снять и этотъ постъ. Теперь стоятъ двое часовыхъ у нижней и верхней батарей. Но число больныхъ 25, въ расходѣ, въ экспедиціи и въ разныхъ должностяхъ, 15 чел., итого остается, съ унтеръ-офицерами, 24 человѣка, способныхъ къ службѣ, слѣдовательно черезъ два дня въ третій приходится стоять въ караулѣ. Работа, въ настоящее время, не трудная и, по короткости дня, не продолжительная. Въ праздничные дни, какъ, напр., 6-го декабря, три дня Рождества, Новый годъ, я устраивалъ общее веселье, собирая людей вмѣстѣ.

Постройки жилия окончены. Теперь главная работа состоятъ въ доставкѣ лѣса. Я полагаю поставить бревенчатую стѣну, которая должна будетъ связать строенія, и, кромѣ того, поставить вторую башню у кухни, по діагонали отъ моего дома; на все это потребуется около 300 деревъ. Теперь работаютъ 11 человѣкъ и нарта въ 10 собакъ. Люди рубятъ лѣсъ верстахъ въ 4-хъ. На нартѣ привозятъ въ портъ, ежедневно, 6 бревенъ, да люди на себѣ 2 бревна, кромѣ того, что они спускаютъ срубленные деревья къ лайдѣ. Если полагать, что на такую работу будетъ употреблено по 1-е марта 40 дней, то 320 деревъ будетъ доставлено въ портъ. Остальные, слабаго здоровья, рабочіе занимаются работами при портѣ. У меня строятъ сѣни съ чуланами и поставили, внутри дома, перегородки. Когда кончатъ сѣни, примутся достраивать башню. Въ домѣ 3-й казармы есть отдѣльная комната, въ 4 арш. ширины и 3 саж. длины. Два большихъ окна, на S. и W., прекрасно освѣщаютъ ее. Я полагалъ дать эту комнату г. Самарину, вслѣдствіе чего она и припала, между рабочими, названіе конторы. Обстоятельства заставили меня измѣнить свое намѣреніе и отдать эту комнату г. Рудановскому. Самаринъ пока живетъ у меня.

Лавка, помѣщенная въ домѣ 2-го капральства, т.-е. на нижней батарей, очень удобна и красиво убрана товарами, что имѣетъ хорошее вліяніе на аиновъ.

Нравственнымъ поведеніемъ людей я доволенъ, но о военной службѣ и дисциплинѣ они имѣютъ очень плохое понятіе. Военнаго образованія, кромѣ человѣкъ 8-ми, остальные совершенно не имѣютъ. Это просто работники-мужики. Когда я производилъ, во время морского перехода, пальбу изъ ружей, то большая часть людей не знали какъ держать ружье и со страхомъ спускали курокъ. Весною я полагаю производить ученія стрѣльбы въ цѣль и движеній массою и въ разсыпномъ строю, разумѣется, ограничася самыми легкими требованіями и правилами.

Скажу теперь о нашихъ экспедиціяхъ на островѣ. Время года — осень и начало зимы, и невозможность отнимать большое число рукъ отъ работъ, отъ скорого окончанія которыхъ зависѣло сохраненіе здоровья людей, конечно должны были много мѣшать производству изслѣдованія страны въ большомъ размѣрѣ; но, благодаря ревности и готовности къ перенесенію трудовъ г. Рудановскаго, я получилъ возможность предпринять описаніе главныхъ водяныхъ путей части острова, обитаемой аинами и считаемою японцами принадлежностью ихъ земли. Въ этомъ отношеніи я долженъ сдѣлать справедливую похвалу г. Рудановскому, хотя сборы его въ экспедицію и большія требованія въ средствахъ и причиняли мнѣ досаду; но, разъ выѣхавъ изъ порта, онъ предавался работѣ съ увлеченіемъ, переносилъ терпѣливо физическіе труды. Жаль, что этотъ сотрудникъ мой, въ другихъ отношеніяхъ, вызвалъ меня на нерасположеніе къ нему.

Первыя двѣ недѣли нашего пребыванія на Сахалинѣ требовали такой дѣятельности въ приведеніи въ возможный порядокъ и въ установкѣ нашихъ припасовъ и товаровъ и въ началіи необходимыхъ построекъ — какъ пекарни и 1-й казармы, назначенныхъ временно помѣстить всю команду, что и думать не было возможности объ откомандированіи кого-нибудь изъ порта для изслѣдованія страны.

Когда мы немного устроились и я могъ уже сообразить, что лѣсу, купленнаго у японцевъ, не достанетъ для нашихъ построекъ, я рѣшилъ начать отыскивать лѣсъ. Зная изъ карты Крузенштерна, что вблизи отъ насъ, къ сѣверу, должна быть большая рѣка, названіе которой *Сусуя* я узналъ отъ Орлова, ѣздившаго по Сахалину, я былъ увѣренъ, что по берегамъ ея найду лѣсъ, хотя на вопросы мои одни аины отвѣчали, что есть лѣсъ, но дурной, другіе, что совсѣмъ нѣтъ. 4-го октября, въ воскресенье, я поѣхалъ на шлюпкѣ вдоль берега, къ сѣверу. Сѣвъ на мель, противъ селенія Сусуя, я вышелъ на берегъ и пошелъ пѣшкомъ; выйдя на рѣку, я увидѣлъ прекрасный лѣсъ по обоимъ берегамъ ея. Когда вода поднялась съ приливомъ, шлюпка тоже вошла въ устье, и мы прошли еще версты три вверхъ по рѣкѣ, постоянно имѣя по обѣ руки хорошій лѣсъ. На обратномъ пути я убѣдился, что есть и фарватерь отъ 2¹/₂ до 4 футовъ на малой водѣ. 6-го, рано утромъ, я послалъ людей на вырубку лѣса, а за ними командировалъ, на шлюпкѣ, и Л. Рудановскаго для изслѣдованія рѣки и береговъ ея. 10-го, онъ воротился, пройдя вверхъ по рѣкѣ съ 70 верстъ и найдя рѣку, на этомъ пространствѣ, удобною для судоходства, потому что глубина не менѣе 5-ти футовъ, въ малую воду. Почти на семь-

этомъ разстояніи растеть строевой еловый и корабельный листовичный лѣсъ. Онъ не могъ далѣе идти, потому что не было припасовъ. 14-го, я снова отправилъ его на Сусую, съ запасомъ провіанта на 10 сутокъ. Въ этотъ разъ онъ поѣхалъ на японской плоскодонной четырехвесельной лодкѣ. 18-го октября, я отправилъ, на японской же лодкѣ, Самарина съ 5-ю камчатскими казаками и съ порученіемъ осмотрѣть восточный берегъ залива Анивы и сдѣлать описаніе его и айнскихъ и японскихъ поселеній.

25 октября, Рудановскій и Самаринъ возвратились изъ экспедицій. Первый съ большими усиліями прошелъ вверхъ по Сусуѣ до 48° с. ш., по временамъ перетаскивая лодку по берегу или прорубаясь сквозь коры и деревья, запрудившія рѣку во многихъ мѣстахъ. До источника Сусуи ему не удалось пройти, да отъ извѣстности повидимому было бы и немного пользы. Рѣка Сусуя судоходна не болѣе какъ на 70 верстъ по берега ея богаты лѣсами и плодородными полями и лугами, слѣдовательно способны къ заселенію хлѣбопашцевъ. Сусуя, служить для внутренняго сообщенія какъ вверхъ, такъ и внизъ по рѣкѣ до селенія Кой, въ 50-ти в. отъ устья. Изъ селенія этого дорога идетъ сухопутная на р. Найпу. Рудановскій составилъ карту теченія р. Сусуи съ приложеніемъ журнала. Самарина экспедиція оказалась очень полезна. Онъ открылъ гавань у селенія Тотуги, въ верстахъ 10-ти отъ нашего поста, и собралъ свѣдѣнія о населеніи до селенія Сиретоку. Гавань названа имъ моимъ именемъ. Свѣдѣнія, доставленные имъ объ этой гавани, были недостаточны, и потому я командировалъ Рудановскаго осмотрѣть ее и вообще весь восточный берегъ залива. 29-го числа, онъ выѣхалъ на японской лодкѣ, взявъ съ собой продовольствія на 15 сутокъ. Самаринъ сообщилъ мнѣ, что недалеко отъ Сиретоку онъ видѣлъ признаки золотой и серебряной руды и слышалъ отъ айновъ, что золото и серебро дѣйствительно есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ земли. 1-го ноября, я отправилъ Самарина съ прикащикомъ Розановымъ, бывшимъ на сибирскихъ приискахъ, и съ 5-ю матросами, поручивъ ему сдѣлать опыты промывки, для чего и были приготовлены ящики и инструменты, по указанію Розанова. 4-го числа, выпалъ снѣгъ и на другой день онъ шелъ почти цѣлыя сутки.

8-го ноября, Самаринъ воротился. Снѣгъ помѣшалъ ихъ работѣ, и они воротились безъ результатовъ.

12-го ноября, Рудановскій возвратился изъ экспедиціи. Онъ нанесъ на карту весь берегъ до селенія Сиретоку и часть берега Охотскаго моря на высотѣ залива Анивы. Гавань Тотуга тоже изслѣдовалъ, но, по моему мнѣнію, недостаточно употребилъ

на это времени, торопясь продолжать путь впередъ съ надеждою, вѣроятно, что-нибудь открыть новаго. По описанію его, гавань достаточно глубока, чтобы служить для судовъ, сидящихъ до 12-ти и даже до 14-ти ф. въ водѣ. Входъ въ нее узокъ и потому безопасенъ только въ тихую погоду. Мѣста для заселенія много, лѣсу то же.

Имѣя намѣреніе непременно собрать свѣдѣнія о селеніяхъ Нойора, Малки и Тахмака и вообще о ю.-з. берегѣ Сахалина, еще неизслѣдованномъ, я началъ скупать собакъ и въ началу декабря уже имѣлъ ихъ десять. Я послалъ казака Дьячкова съ айномъ Сиребенусъ еще купить восемь собакъ и нанять проводника съ нартою собакъ въ Нойоро; 19-го, они воротились съ купленными 8-ю собаками и нанятымъ въ проводники айномъ. На другой день Рудановскій выѣхалъ. Я ему поручилъ непременно осмотрѣть японскія селенія Малку и Тахмака и доставить объ нихъ свѣдѣнія въ Нойоро не позже 12-го января. Я посылаю г. Самарина съ почтою въ Петровское, тотчасъ послѣ Крещенья и полагаю, что онъ пріѣдетъ въ Нойоро около 12-го числа, тамъ онъ получитъ отъ Рудановскаго свѣдѣнія и вмѣстѣ съ другими бумагами отвезетъ въ Петровское.

Итакъ, въ настоящее время мы имѣемъ уже карты и описанія всего восточнаго берега залива Анивы до р. Туотака, — рѣку Сусую, а къ 12-му января описаніе пути отъ Сусуи на рѣку Найпу, этой рѣки, берега Охотскаго моря до р. Монуи и перевала съ нее на р. Кусуной, и берегъ Татарскаго пролива къ югу отъ этой рѣки до селенія Малки, а можетъ быть и до мыса Крильонъ; то-есть вся страна, обитаемая аинами и считаемая японцами подъ ихъ владычествомъ, будетъ намъ извѣстна. Результатъ этотъ по обстоятельствамъ, въ которыхъ мы находились, можетъ считаться вполне успешнымъ.

VI.

Жизнь, промыслы, торговля и отношенія айновъ къ японцамъ представляютъ не мало интереснаго.

Аины принадлежатъ къ племени курильцевъ, что ясно показываетъ сходство языка ихъ съ языкомъ жителей нашихъ Курильскихъ острововъ, краткій словарь которыхъ находится въ описаніи Крашенинниковымъ Камчатки. Многія изъ обычаевъ курильцевъ, описанныхъ г. Крашенинниковымъ, я видѣлъ между аинами;

жилища ихъ такія же какъ у петровскихъ гиляковъ, т.-е. юрты изъ корбасника, съ окномъ и довольно широкимъ отверстіемъ въ крышѣ. Внутри юрты устланы цыновками, довольно хорошо приготовляемыми аинами. Ростъ айновъ средній, даже малый въ сравненіи съ русскими. Наружностьъ мужчинъ красивая, и женщины не были бы дурны, если бы не красили своихъ губъ синею краскою. Нравъ айновъ повидимому довольно кроткій, хотя, впрочемъ, драги ихъ часто кончаются сильными побоями и даже ударами ножа. Ревности къ женамъ очень мало, а у послѣднихъ о женскомъ стыдѣ почти нѣтъ понятія. Женщины не прячутся отъ чужихъ, но и съ трудомъ вступаютъ въ разговоръ и никогда не садятся прямо противъ чужого, а всегда бокомъ, какъ бы желая спрятаться отъ взглядовъ. Дѣтей айны любятъ и балуютъ. Они всегда лучше одѣты родителей. Необходимую одежду свою айны сами приготовляютъ. Она состоитъ изъ собачьихъ шкуръ и изъ халатовъ, сдѣланныхъ изъ приготовляемой изъ крапивы грубой ткани, похожей на нашу сырмягу или самую грубую парусину. Впрочемъ, я видѣлъ и болѣе тонкіе и бѣлаго цвѣта куски холстины, но они нашиваются только небольшими кусками по краямъ халатовъ, какъ украшеніе. Обувь дѣлается изъ тюленьей шкуры. вмѣсто собачьихъ шубъ употребляютъ иногда и нерпячи, а женщины носятъ тоже изъ рыбьихъ кожъ, подбирая довольно красиво цвѣта; головного убора никакого нѣтъ. Исподнее платьѣ дѣлается то же изъ собачины и очень коротко прикрываетъ ногу, по четверти выше или ниже колѣна. Изъ этого видно, что айны не нуждаются въ приобрѣтеніи мѣною необходимой одежды, потому что собакъ, нерпъ и рыбы они всегда имѣютъ для своихъ нуждъ. Но какъ человѣкъ, какого бы низшаго развитія ни былъ, склоненъ всегда къ улучшенію своего внутренняго быта и всегда одаренъ отъ природы чувствомъ эстетическаго вкуса, съ тою только разницею, что у человѣка образованнаго вкусъ этотъ болѣе правиленъ и утонченъ,—такъ и айны, познакомившись съ манжурами и японцами и видя превосходство одежды ихъ надъ своею, вѣроятно усилили свои промыслы, чтобы имѣть возможность приобрѣтать себѣ вещи и одежду, понравившіяся имъ. Женщины ихъ начали украшать себя и дѣтей своихъ различными бездѣлушками. Такимъ образомъ, мало-по-малу манжурскіе и японскіе халаты изъ дабы, посуда и различныя вещи, служащія для украшенія, сдѣлались потребностями айновъ. Табакъ и вино, служащее вездѣ болѣе образованнымъ народамъ средствомъ, такъ сказать, порабощенія себѣ дикарей, имѣли то же дѣйствіе для японцевъ надъ аинами. Конечно, кромѣ этихъ двухъ вредныхъ двигателей, японцы имѣ-

ли еще и силу оружія, которой малосильные айны не могутъ сопротивляться; но вино и табакъ, доставляемые имъ японцами, дѣлаютъ ихъ болѣе терпѣливыми къ перенесенію своего рабства. Такъ какъ еще не много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ японцы пришли на Сахалинъ и еще много есть стариковъ айновъ, помнящихъ время независимости своей, то идея свободы еще не совсѣмъ погасла въ этомъ несчастномъ народѣ. Они часто говорятъ: «Карафту Айну-Котонъ Сизамъ Котонъ Карафту. Исамъ», т.-е. Сахалинъ земля айновъ—японской земли на Сахалинѣ нѣтъ. Къ сожалѣнію, слова эти въ настоящее время не имѣютъ никакого значенія, и конечно, еслибы японцы остались господствовать на Сахалинѣ еще 50 лѣтъ, то айны совершенно позабыли бы и думать, что они имѣютъ какую-нибудь собственность. Въ настоящее время отношенія ихъ къ японцамъ обусловливаются потребностію послѣднихъ въ работникахъ для необходимыхъ Японіи рыбныхъ промысловъ на остр. Сахалинѣ. Работники эти силою японцевъ сдѣлались не вольными наемщиками, а рабами, работающими подъ страхомъ побоевъ и съ надеждою получить милость отъ господъ своихъ—водку и табакъ. До прихода японцевъ на Сахалинъ, айны уже получали отъ манжуровъ вино, табакъ, оружіе, одежду и домашнюю утварь, не подвергаясь никакимъ насиліямъ отъ послѣднихъ, пріѣзжавшихъ издалека и въ маломъ числѣ. Это обстоятельство еще болѣе показываетъ, что сила оружія и близость большихъ военныхъ средствъ служили почти единственнымъ средствомъ для утвержденія власти и вліянія надъ аинами, и потому только сила и можетъ уничтожить эту власть и это вліяніе. Рисъ есть единственный новый продуктъ для айновъ, который они не получали до прихода японцевъ. Они полюбили его и въ особенности водку, приготовляемую японцами изъ рису; но это не есть потребность, которая могла бы служить для неотвратимаго вліянія посредствомъ торговли. Манжурская водка, да и всякій другой вѣрпкій опьяняющій напитокъ, вотъ все что нужно джарю айну. Мѣна японцевъ съ аинами производится то же насильственнымъ образомъ, и потому въ этой мѣнѣ участвуютъ только тѣ айны, которые кажутся по близости японскихъ заселеній, да и изъ нихъ многіе скрываютъ товаръ и украдкою продаютъ его съ большею выгодною манжурамъ, пріѣзжающимъ въ селеніе Сирабуси.

Японцы, остающіеся зимовать на Сахалинѣ, да и пріѣзжающіе весною, вымѣниваютъ отъ тѣхъ айновъ, у которыхъ они знаютъ, что есть пушные товары, давая имъ произвольною цѣною табакъ, водку и рису и въ такомъ маломъ количествѣ, что айны только изъ

страха соглашаются на мѣну съ ними. Японцы даже бьютъ айновъ, если узнаютъ, что они продали пушной товаръ манжурамъ или гилякамъ. Скупленные, такимъ образомъ, мѣха отдаются всѣ японскому офицеру, и онъ, для своей собственной выгоды, промѣниваетъ ихъ манжурамъ, приѣзжающимъ въ Сирануси, за шелковыя матеріи, моржевые зубы и орлиные хвосты. Мѣна японцевъ съ аинами не можетъ назваться торговлею, а есть только спекуляція японскаго начальства на Сахалинѣ, основанная на силѣ. Я уже выше сказалъ, что аины стараются всегда скрыть свои товары отъ японцевъ и продать ихъ манжурамъ черезъ руки айновъ, живущихъ далѣе отъ японцевъ, или самимъ манжурамъ украдкою, во время приѣзда ихъ въ Сирануси. Изъ всего вышесказаннаго видно, что свободная мѣна существуетъ только въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ бдительнаго корыстолюбія японскаго офицера. Изъ мѣстъ этихъ самое важное есть селеніе Нойоро, находящееся на берегу Татарскаго пролива, сѣвернѣе японскихъ заселеній и въ суточномъ переходѣ отъ послѣдняго ихъ пункта, Тохмака. Селеніе Нойоро—одно изъ самыхъ населенныхъ; старшина его пользуется общимъ уваженіемъ отъ айновъ и считается ими какъ бы старшиною между другими старшинами. Немного сѣвернѣе Нойоро, впадаетъ въ Татарскій проливъ р. Кусуной; сѣвернѣе ея начинаются кочевья ороковъ и жилища сахалинскихъ гиляговъ, племень, совершенно независимыхъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ аины селенія Нойоро то же чувствуютъ себя свободнѣе, чѣмъ живущіе между японскими заселеніями, и поэтому Нойоро сдѣлалось главнымъ пунктомъ мѣны вообще всѣхъ айновъ. Туда приѣзжаютъ гиляки, манжуры и аины залива Анивы, успѣвшіе скрыть отъ японцевъ свои товары. Сирануси есть второй торговый пунктъ, выгодный только для манжуровъ, вымѣнивающихъ отъ японцевъ аинскій пушной товаръ. По моему мнѣнію, селеніе Нойоро есть, такъ сказать, узелъ всѣхъ сношеній народовъ, населяющихъ Сахалинъ, и кромѣ того есть центръ мѣстъ пушного промысла, въ особенности соболя.

Японцы открыли свои заселенія на Сахалинѣ, какъ извѣстно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Головнинъ пишетъ, что мысль занять южную часть Сахалина пришла японскому правительству вслѣдствіе боязни, что русскіе овладѣютъ островомъ, а оттого они и заключили трактатъ съ китайскимъ императоромъ, по которому островъ Сахалинъ былъ раздѣленъ на двѣ, почти равныя, части, — южная должна была принадлежать Японіи, а сѣверная—Китаю. Можетъ быть, причина, предполагаемая Головнинымъ, имѣетъ основаніе, но, конечно, необ-

ходимость увеличить рыбные промыслы, оказавшіеся недостаточными на Итурупѣ, Пунамарѣ и Мацмаѣ для продовольствія возрастающаго населенія Японіи, вынудила японцевъ искать мѣсть богатыхъ рыбою. Сахалинъ представилъ имъ, въ этомъ отношеніи, превосходную колонію, и по близости своей къ Японіи, и по множеству и разнородности породъ рыбъ, такъ сказать, запружающихъ его бухты и берега. Не встрѣтивъ никакого сопротивленія отъ жителей, единоплеменниковъ съ мацмайскими курильцами, японцы оцѣпили все пространство береговъ до 48 град. рыбопромышленными заведеніями. Аины скоро обращены были въ жалкихъ работниковъ, и съ помощью ихъ рыбный промыселъ принялъ огромные размѣры. Въ мартѣ мѣсяцѣ, когда всѣ бухты очищаются отъ льдовъ, множество джоннокъ, разныхъ величинъ (отъ 10 до 30 матросовъ на каждой), собираются къ разнымъ пунктамъ, а именно: Томари, Малгу, Сирануси и другимъ.

Такъ какъ вся промышленность и торговля въ Японіи находится подъ бдительнымъ присмотромъ чиновниковъ отъ правительства, то и на Сахалинѣ рыбные промыслы находятся подъ присмотромъ военного офицера, который для этой цѣли пріѣзжаетъ весною на Сахалинъ и уѣзжаетъ съ послѣдними уходящими джонками (судами). Итакъ, надо предполагать, что лѣтомъ собиралось много японцевъ на о. Сахалинѣ, на зиму же ихъ остается не болѣе 25-ти человекъ, для присмотра за строеніями и промышленными матеріалами. Кромѣ рыбнаго промысла, японцы занимаются на Сахалинѣ, въ большемъ размѣрѣ, вывариваніемъ соли изъ морской воды. Торговля ихъ на Сахалинѣ, какъ уже выше сказано, есть частная спекуляція одного начальника. Японцы считаютъ южную часть Сахалина своею землею; поэтому, законъ ихъ, недопускать иностранцевъ, примѣняется отчасти и здѣсь въ отношеніи тѣхъ народовъ, слабость которыхъ позволяетъ японцамъ, даже и съ малыми средствами, держать въ повиновеніи. Манжурамъ, гилякамъ и орокамъ запрещено ѣздить въ землю айновъ. Для нихъ назначенъ одинъ пунктъ для мѣны, въ селеніи Сирануси. Конечно, на границѣ между жилищами айновъ и другихъ племенъ, ничѣмъ необозначенной и неохраняемой японцами, запрещеніе это не имѣетъ силы, и, какъ выше сказано, въ селеніе Нойоро пріѣзжаютъ гиляки, и японцы знаютъ это и даже сами часто ѣздятъ туда мѣняться съ гиляками; но въ мѣста, гдѣ находятся японскія заведенія, ни одинъ гилякъ не смѣетъ показаться. Принимая во вниманіе трусливую осторожность японцевъ въ защитѣ своихъ владѣній и ограниченность средствъ японскаго правитель-

ства, удивляюсь, что, владѣя югомъ Сахалина уже болѣе 50-ти лѣтъ, они не приняли никакихъ средствъ къ защитѣ на немъ своихъ поселеній. На Итурупѣ и Куканарѣ, подобныхъ же колоніяхъ какъ и Сахалинѣ, они выстроили крѣпости, вооружили ихъ пушками и поставили въ нихъ гарнизоны. На Сахалинѣ этого ничего нѣтъ. Аины рассказываютъ, что у японцевъ есть въ Томари пушки, но они ихъ спрятали, когда русскіе пришли. Можетъ быть, это правда (и я постараюсь отыскать ихъ, чтобы поставить къ себѣ), но для защиты острова недостаточно держать нѣсколько пушекъ на открытомъ мѣстѣ и безъ солдатъ.

VII.

Наши отношенія къ японцамъ и аинамъ были не одинаковы, и приходъ русскихъ на Сахалинъ произвелъ различныя впечатлѣнія на его обитателей. Японцы видѣли въ немъ уничтоженіе своего господства на островѣ и можетъ быть потерю богатыхъ промысловъ. Увѣреніямъ нашимъ, что мы пришли защищать ихъ отъ американцевъ, конечно они не вѣрятъ. Силъ у нихъ не было, чтобы помѣшать нашей высадкѣ; все чтò они могли сдѣлать, это уведомить свое правительство, для чего и послали парусную джонку съ 13-ю япон. матросами на Мацмай. Но аины были рады нашему приходу, такъ какъ надѣялись, что мы прогонимъ японцевъ или перебьемъ ихъ, и тѣмъ освободимъ отъ ненавистнаго для нихъ ига. Устрашенные японцы отдавали намъ все, что отъ нихъ спрашивали, даже посылали свои лодки, чтобы перевозить наши вещи съ корабля, а черезъ трое сутокъ послѣ нашего прихода они всѣ убѣжали. Аины, худо повиновавшіеся оставшемуся старшинѣ своему, преданному японцамъ, начали воровать водку изъ сараевъ и открыто разграбили бы все, если бы не видѣли, что это имъ не нравится. Порядокъ немного установился. Бывшій въ экспедиціи на Сахалинѣ, г. Орловъ, встрѣтилъ у Найпу бѣжавшихъ японцевъ и уговорилъ ихъ возвратиться въ Томари, обѣщая, что русскіе имъ ничего не сдѣлаютъ. Они воротились, когда второе русское судно «Иртышъ», приходившее въ Томари, удалилось отъ береговъ. Увѣрившись, что русскіе не хотятъ ни убивать ихъ, ни брать въ плѣнъ, японцы поселились въ своемъ домѣ. Первоначальныя ихъ дѣйствія противъ насъ были не совсѣмъ дружелюбны. Они подговаривали аиновъ не продавать ничего русскимъ, говоря, что весною японцы ихъ вы-

гонять и тогда убьютъ тѣхъ айновъ, которые приносили что-нибудь или служили русскимъ. Айны, видя, что, несмотря на ихъ просьбы, мы не убиваемъ японцевъ, и приписывая это вѣроятно тому, что мы трусимъ ихъ, начали бояться угрозъ японцевъ, и если продавали намъ, то всегда скрытно, рыбу и другіе предметы, прося не говорить японцамъ, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (въ Сусуѣ и Ричтогѣ) даже не хотѣли принимать Рудановскаго, объѣзжавшаго берегъ для описи, или всѣ убѣгали при его пріѣздѣ. Я нѣсколько разъ строго выговаривалъ японцамъ, но получалъ всегда отвѣтъ, что айны лгутъ. Наконецъ, я объявилъ имъ, что мы звали ихъ придти въ Томари, жить дружно съ нами; если этого они не хотятъ, то лучше пусть уходятъ изъ Томари. Слова мои подѣйствовали на нихъ; старшины ихъ явились ко мнѣ съ подарками и увѣреніемъ въ дружбѣ. Просили, чтобы я не вѣрилъ айнамъ, которые хотятъ нарочно вооружить русскихъ противъ нихъ. Послѣ этого дружескія сношенія возобновились, конечно безъ довѣрія. Казака Дьячковъ, по приказанію моему, ежедневно ходилъ къ японцамъ; они очень полюбили его и просили чтобы онъ ходилъ почаще къ нимъ, обѣщая его выучить айнскому языку. Люди наши сдѣлали японцамъ молитвную машину.

Айны, въ неизвѣстности будущей судьбы своей, остаются въ ожиданіи, кто пересилитъ весною, — русскіе или японцы. Они желаютъ успѣха русскимъ потому, что надѣются, что они все-таки добрѣе японцевъ и не будутъ ихъ бить. Есть конечно и такіе, которые желаютъ успѣха японцамъ,—это живущіе въ ихъ домѣ слугами и любовницы японцевъ изъ айнокъ. Помощи же или нападеній отъ айновъ нельзя и ожидать: ихъ роль чисто пассивная. Конечно, если бы русскіе начали драться съ японцами и одолѣли бы ихъ, то айны рады бы были подоспѣть отмстить, чтобы броситься на побѣжденныхъ японцевъ, и перерѣзать ихъ. Пока они боятся и насъ и японцевъ, но теперь, послѣ моего открытаго выговора японцамъ, съ охотою намъ приносятъ свѣжую рыбу, не скрываясь отъ японцевъ. Японцы то же доставляютъ намъ рыбу, уголь и зелень. Мы, конечно, платимъ хорошую цѣну. Въ виду такихъ нашихъ отношеній на Сахалинѣ, я постараюсь разъяснить вопросъ — какъ слѣдуетъ дѣйствовать намъ, въ настоящемъ нашемъ положеніи, для исполненія предположенной цѣли завладѣть островомъ, не только не возбудивъ неприязни къ намъ японцевъ и айновъ, но и заведя съ ними торговыя сношенія. Мы видѣли выше, что интересы и желанія двухъ этихъ народовъ совершенно различны, — одни хотятъ удержать свое вліяніе и власть

на островѣ для сохраненія выгодъ рыбной промышленности и отчасти мѣны пушныхъ, другіе — сбросить съ себя эту власть и, если можно, отмстить за дурное обращеніе съ ними. Итакъ, чтобы доказать японцамъ, что наше присутствіе на Сахалинѣ нисколько ни повредитъ и не помѣшаетъ ихъ рыбнымъ промысламъ, мы должны оставить айновъ по прежнему въ ихъ рабствѣ и тѣмъ возбудить, хоть и неопасную для насъ, ненависть послѣднихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ признать Сахалинъ принадлежностью японцевъ, а ихъ полными властелинами надъ жителями его. Съ другой стороны—если взять на себя управленіе островомъ и защищать айновъ отъ японцевъ, запретивъ имъ бить ихъ или принуждать ихъ къ работѣ за произвольную плату, то это значитъ отнять отъ нихъ всѣхъ работниковъ, потому что айны изъ одной уже ненависти не пойдутъ наниматься къ японцамъ въ работники, тѣмъ болѣе что онъ имѣетъ другого рода средства пріобрѣтать всѣ нужныя для него вещи отъ манжуровъ. Остается выбрать среднее—не вмѣшиваться пока въ частныя отношенія японцевъ съ аинами, держа только первыхъ въ боязни, что, если они открыто начнутъ дурно поступать съ аинами и бить ихъ понапрасно, то айны придутъ жаловаться къ русскимъ и упросить заступиться за нихъ. Я и старался держаться этого невыгоднаго полусредства, невыгоднаго потому, что айны, несмотря на ласки наши, несмотря на то, что мы съ выгодною для нихъ покупаемъ приносимые ими продукты или мѣха, питаютъ недовѣріе къ намъ и можетъ быть досаду. Чтобы имъ удовлетворить, надо, если не перебить японцевъ, то по крайней мѣрѣ собрать всѣхъ айнскихъ старшинъ и японцевъ и объявить, что островъ Сахалинъ есть не японская, а русская земля, и потому айны объявляются свободнымъ народомъ, и что если японцы прибьютъ кого-нибудь изъ айновъ, или отнимутъ насильно что-нибудь отъ нихъ, или заставятъ безъ условной платы работать, то я накажу японцевъ. Подобное объявленіе есть, какъ я выше объяснялъ, уничтоженіе рыбныхъ промысловъ для японцевъ, а по законамъ ихъ, такъ и полное изгнаніе съ Сахалина, если объявить его русскою землею. Если законы эти измѣнять, то современемъ, разумѣется, японцы могутъ привозить работниковъ съ Мацмая. Но эти слова, «измѣнить законъ», не существуютъ въ словарѣ японскаго правительства. На японцевъ нашъ, такъ сказать, вооруженный нейтралитетъ имѣетъ только въ томъ отношеніи хорошее вліяніе, что они перестали думать, будто мы пришли съ намѣреніемъ ихъ прогнать съ острова и овладѣть имъ. Но въ будущемъ они видятъ неминуемое изгнаніе ихъ, несмотря ни на какія увѣщанія и увѣренія наши. Одинъ изъ нихъ, со слезами на глазахъ говорилъ

нашему казаку, что худое время пришло для японцевъ. Они признають, что русскіе добрый народъ, но понятно, мысль, что имъ придется, или оставить свои промыслы, или производить ихъ подъ присмотромъ, такъ сказать подъ глазами русскихъ, должна быть непріятна для нихъ. Итакъ, вотъ наши настоящія отношенія къ жителямъ Сахалина. Отношенія эти невыгодны и неудобны и потому продолжаться долго не могутъ; но трудно измѣнить ихъ, т.-е. принять рѣшительно чью-нибудь сторону изъ двухъ враждующихъ народовъ, или взять на себя строго дѣйствующую власть надъ обоими и тѣмъ, такъ сказать, сравнять ихъ, не дозволяя между собою рѣзаться; я полагаю, что подобныя дѣйствія наши были бы вредны, потому что они уничтожили бы всякую надежду и въ японцахъ и въ айнахъ на возвращеніе прежняго свободнаго быта. Къ этому я долженъ прибавить, что всѣ 13 японцевъ, живущихъ въ настоящее время въ Томари, — простые работники и, по словамъ айновъ, неимѣющіе права возвращаться на Мацмай, слѣд., вѣроятно они или преступники, или бывшіе по какому-либо случаю на чужой землѣ и за это изгнаны изъ отечества. Нѣкоторые изъ людей нашихъ говорятъ, что одинъ изъ этихъ японцевъ былъ въ Камчаткѣ и знаетъ по-русски; другіе утверждаютъ, что это неправда; сколько я ни старался вырвать отъ него признаніе, но не могъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни сдружились съ этими японцами, мнѣніе ихъ, конечно, слишкомъ мало уважается, чтобы имѣть замѣтное вліяніе на дѣйствія правительства Японіи.)

VIII.

! Запятіе какой-либо страны предполагаетъ какую-нибудь цѣль, и цѣль эта обусловливаетъ средства, необходимыя для достиженія ея. Какая была цѣль правительства нашего при занятіи острова Сахалина, и какимъ путемъ предполагало оно достигнуть ея?—разрѣшеніе этого вопроса, конечно, должно служить правиломъ для дѣйствій Сахалинской экспедиціи. Цѣль занятія Сахалина не была высказана въ предписаніяхъ отъ правительства; было объяснено только, что право владѣнія островомъ предоставляется Р. А. К. *). Средства, назначенныя ей отъ правитель-

*) Т.-е. Росс. Амер. Компаніи.

ства, состояли изъ 100 ч. матросовъ камчатскаго экипажа, якутскихъ, якутскихъ и камчатскихъ казаковъ и 50,000 р. с. денегъ. Компания назначила отъ себя одно судно, матеріалы для построекъ и товару для торговли на 12 т. р. Экспедиція, предписаніемъ генерала-губернатора, подчинена была капитану 1-го ранга г. Невельскому, съ предоставленіемъ ему выбрать пункты для высадки. Насчетъ отношеній къ жителямъ острова, въ этомъ предписаніи, § 2-й, сказано: «Находящихся на южной части Сахалина японскихъ рыбаковъ не только не тревожить, но оказавъ имъ самое дружеское расположеніе, удостовѣрить, что мы занимаемъ островъ Сахалинъ въ огражденіе онаго отъ иностранцевъ и что съ нашею помощью и защитою, они, японцы, могутъ безопасно продолжать тамъ свой промыселъ и торговлю».

Мы стали въ главномъ японскомъ селеніи, между ихъ строеніями. Слѣдствіе выбора этого пункта показано выше, въ описаніи отношеній нашихъ съ японцами и аинами. Постараемся разобрать, какія причины могли побудить выборъ занятаго нами пункта. Я выше сказалъ, что въ предписаніяхъ насчетъ занятія острова, кромѣ выписаннаго выше параграфа, ничего не было сказано, никакой другой инструкціи для дѣйствій и цѣлей не дано; слѣд., начальнику экспедиціи приходилось руководствоваться тѣми данными, которыя ему удастся собрать на мѣстѣ, и такъ какъ дѣло шло о столкновеніи на островѣ съ японцами, то принять во вниманіе ихъ положеніе въ занимаемой странѣ и вообще все, что намъ извѣстно объ этомъ народѣ и его правительствѣ. Кромѣ этого надо было взять въ соображеніе то, что мнѣ могло быть извѣстно о нашихъ политическихъ отношеніяхъ къ Японіи. Данныя эти, сколько я знаю, были слѣдующія. — Сѣверной части Сахалина, гдѣ живутъ гиляки, было сдѣлано краткое описаніе лейтенантомъ Бошнякомъ еще во время зимней экспедиціи его въ этой странѣ для отысканія росыпей каменнаго угля. Далѣе, къ югу отъ гиляковъ, кочуетъ извѣстное намъ только по слуху племя ороковъ; за ними, южнѣе, начинаются жилища айповъ и японцевъ. Отъ гиляковъ извѣстно было, что у японцевъ на Сахалинѣ крѣпости нѣтъ, что ихъ джонки приходятъ съ раннею весною, что ими начальствуетъ офицеръ, и что айны находятся въ работѣ у японцевъ, и поэтому не любятъ ихъ. Для полученія болѣе подробныхъ свѣдѣній былъ посланъ на Сахалинъ, до отправления десанта, офицеръ Орловъ съ предписаніемъ пройти до мыса Крильона и тамъ ожидать нашего судна. Но порученіе это по обстоятельствамъ не было исполнено. Объ Японіи, ея правительствѣ и силахъ извѣстно изъ соч. Головнина и другихъ писателей, — что государство это имѣетъ до

5,000,000 жителей, что управляется императоромъ съ властью неограниченною, что числительныя военныя силы его и матеріальныя средства велики, но что двухсотлѣтнее внутреннее спокойствіе, миръ съ сосѣдами и природная трусость дѣлають Японію несравненно слабѣе даже самаго безсильнаго европейскаго государства и едва способною не только для нападеній, но для обороны своей земли противъ серьезной экспедиціи европейцевъ, и что, наконецъ, японскій флотъ чисто торговый и дурной постройки и потому неспособенъ къ защитѣ противъ нашихъ судовъ. Основной законъ этого государства есть неизмѣняемость, освященная временемъ и религіей государственныхъ постановленій. Главное изъ этихъ постановленій есть недопущеніе иностранцевъ въ Японію и японцевъ на чужую землю.

Это есть основаніе, такъ сказать, существованія государства и власти правительства его. Измѣненіе этого правила должно имѣть слѣдствіемъ коренной и полный переворотъ во внутреннемъ существованіи Японіи. Поэтому надо предполагать, что только сила можетъ заставитьъ правительство Японіи измѣнить вышесказанный законъ. Но мирными средствами европейцы могутъ надѣяться получить дозволеніе присылать условленное количество судовъ въ Нагасаки, подвергаясь всѣмъ притѣснительнымъ мѣрамъ для торговли, которыя японцы наложили на голландцевъ. Вотъ все что можетъ знать и заключать офицеръ начальствующій экспедиціею. Что же касается до политическихъ отношеній Россіи къ Японіи, извѣстно, что дѣлались попытки, по случаю плѣна капитана Головина, завести торговыя сношенія съ Японіею, но безуспѣшно. Въ настоящее же время посланъ въ Японію адмиралъ Путятинъ для переговоровъ съ ея правительствомъ, а американцы хотять силою заставитьъ себѣ открыть порты. Ясно, что мысль занять Сахалинъ имѣеть связь съ послѣдними обстоятельствами, ибо занятіе его полезно въ отношеніи завязанія торговли съ японцами и необходимо для предупрежденія иностранцевъ овладѣть этимъ пунктомъ, находящимся на границѣ японскихъ и нашихъ владѣній. Сверхъ того, островъ этотъ по положенію своему служитъ дополненіемъ При-Амурскаго края, присоединеніе котораго такъ необходимо для Россіи. Рѣшившись занять Сахалинъ, правительство назначило совершить это подъ торговымъ флагомъ Р. А. К. — Это даетъ наружный видъ экспедиціи чисто торговой. Число людей, назначенное для экспедиціи показываетъ, что не предполагалось возможности военныхъ дѣйствій и необходимости защиты острова противъ Японіи или другой какой-либо политической націи. 100 человекъ эти назначались конечно для защиты нашего торговаго поселенія отъ

туземныхъ дикарей или японскихъ рыбаковъ, и число это слишкомъ достаточно для достиженія этой цѣли. Слѣдовательно, при выборѣ пункта слѣдовало руководствоваться не тою мыслью, чтобы силою принудить японское правительство уступить намъ островъ, съ расчетомъ, что необходимость заставить ихъ прїѣзжать на промыслы на русскую землю Сахалина, и слѣд. противъ воли завести съ нами прямыя сношенія. Выборъ пункта съ подобнымъ расчетомъ не соотвѣтствовалъ ни предполагаемымъ намѣреніямъ правительства, ни средствамъ экспедиціи. Если намѣреніе правительства было не возбуждать противъ насъ японскаго правительства, съ которымъ ведутся переговоры, то не слѣдовало становиться въ центрѣ рыбныхъ промысловъ японцевъ и тѣмъ такъ прямо задѣть одинъ изъ самыхъ важныхъ интересовъ ихъ. Если же надо было дѣйствовать рѣшительно и открыто, не заботясь о возможности попытокъ японскаго правительства удержать за собою островъ, пославъ на него военную силу, то тогда средства, которыми располагаетъ экспедиція, конечно недостаточны, какъ бы ни были трусливы японцы, которые, и именно поэтому, если разъ рѣшатся защищать островъ, то постараются замѣнить храбрость многочисленностью.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, въ чемъ состоятъ наши военныя средства,—60 матросовъ и казаковъ, изъ которыхъ большая часть не только не стрѣляли изъ ружья, но даже не держали его въ рукахъ, изъ 8 неподвижныхъ корабельныхъ пушекъ съ сотнею ядеръ и изъ одной четырехвесельной шлюпки. Для постройки жилищъ и укрѣпленія — два осеннихъ мѣсяца да четыре — суровой зимы. Къ этому должно было быть еще принято во вниманіе извѣстное намъ обстоятельство, что правительство Японіи увѣдомлено о нашемъ приходѣ и силахъ, и что суда наши не могутъ предупредить японскихъ — послѣднее обстоятельство не могло и не должно было быть неизвѣстнымъ начальнику экспедиціи. Поэтому, мысль, при выборѣ пунктическаго ключа позиціи, для отнятія острова силою, отъ японцевъ, была завладѣть центромъ ихъ промышленности и главнымъ селеніемъ, служащимъ мѣстопребываніемъ чиновниковъ ихъ правительства. Ключъ позиціи нашей на Сахалинѣ есть тотъ пунктъ, занятіе котораго не могло бы тревожить японскихъ рыбаковъ, но который былъ достаточно близокъ къ нимъ, чтобы дѣйствіемъ торговли и частыхъ сношеній повелъ бы къ неукоснительному распространенію нашего вліянія на весь островъ и на завязаніе торговли съ самими японцами. Пунктъ этотъ есть какое бы то ни было мѣсто, находящееся въ двухъ и трехсуточномъ переходѣ отъ послѣдняго къ сѣверу поселенія японцевъ. Занятіе

селенія Нойоро или устья р. Кусуной повидимому лучше всего повело бы насъ въ предположенной цѣли. Мѣста эти находятся на границѣ трехъ племенъ населяющихъ островъ: гиляковъ, ороковъ и айновъ, и находятся въ 2-хъ или 3-хъ суточныхъ переходахъ отъ Малки, одного изъ главныхъ селеній японцевъ. Пункты эти, поэтому самому, выбраны манжурами и гиляками, какъ мѣста мѣны съ айнами и японцами. Слѣд., ставъ тамъ, мы бы владѣли центромъ торговли, и конечно присутствіе наше имѣло бы рѣшительное вліяніе надъ всѣми туземцами, а частія сношенія съ японцами исподоволь приготовили бы народъ этотъ и правительство къ открытію торговли съ нами. Я не знаю еще мѣстности этихъ пунктовъ. Въ морскомъ отношеніи мы можемъ выбирать только мѣсто, гдѣ суда наши могли бы съ удобностью разгружаться, потому что закрытыхъ гаваней или бухтъ удобныхъ для стоянки большихъ судовъ на Сахалинѣ нѣтъ. Всѣ бухты его осмотрѣны, но обыкновенно онѣ имѣютъ на высотѣ мысовъ глубину достаточную развѣ только для японскихъ джонокъ. Бухта Томари также имѣетъ невыгоду, почему корабль «Николай», несмотря на все стараніе капитана Невельскаго, оставался по крайней мѣрѣ на милю отъ высоты мысовъ. Она открыта южнымъ и Ю + З вѣтрамъ, преимущественно дующимъ здѣсь. Черезъ разспросы казаковъ, бывшихъ въ экспедиціи съ г. Орловымъ и видѣвшихъ мѣста р. Кусуной, я узналъ, что мѣста эти превосходны, весьма богаты и очень удобны для поселенія. Глубина моря противъ устья р. Кусуной приближается настолько къ берегу, что судно можетъ стоять также близко къ нему, какъ и къ берегамъ бухты Томари. Рѣка сама судоходна. Не могу ручаться, чтобъ свѣдѣнія эти были бы вѣрны, но я убѣжденъ, что и въ морскомъ отношеніи, конечно, есть мѣста въ тамошнемъ краѣ, которыя не имѣютъ болѣе неудобствъ, какъ выбранная нами бухта Томари. Выборъ устья Кусуной или другого какого-либо мѣста въ этомъ краю не возбудилъ бы неприязни къ намъ японцевъ, потому что они могли бы продолжать по прежнему производить свои промыслы, не подвергаясь непрерывнымъ столкновеніямъ съ нами по поводу айновъ и вмѣшательства съ нашей стороны во внутреннюю, такъ сказать, жизнь ихъ промысловъ, вмѣшательства, которыя въ настоящемъ нашемъ положеніи невозможно будетъ устранить, когда японскія джонки навезутъ множество людей (по свѣдѣніямъ, оно должно простирается—до 500 человекъ).

Итакъ, по моему мнѣнію, и цѣль и средства наши должны были рѣшить выборъ пункта не въ военномъ отношеніи, а по успѣху мирнаго вліянія нашего, какъ на туземцевъ, такъ и

на японцевъ. Для защиты жителей острова противъ другихъ націй, все равно, какой пунктъ ни займемъ, не сила 60-ти человекъ защититъ его отъ нихъ, а флагъ, находящійся подъ покровительствомъ нашего правительства.

Руководствуясь мыслью овладѣть островомъ чрезъ занятіе ключа обороны острова и командованія японскими промышленными заведеніями, начальникъ экспедиціи при выборѣ мѣста имѣлъ въ виду выгоды и удобства укрѣпленія его тѣми средствами, которыми экспедиція располагала, т.-е. 60-ю ч. и 8-ю орудіями. Для этого назначенія можно занять строеніями нашими вершину и отлогость южнаго мыса бухты Томари слѣдующимъ образомъ: у подошвы мыса течетъ ручей, за нимъ идетъ ровная, гладкая площадь шириною сажень двѣсти и глубиною около версты; площадь эта окружена со всѣхъ сторонъ высокими холмами; отрасль ихъ, противоположная высотамъ мыса южнаго и идущая къ серединѣ бухты, отдѣляетъ описанную площадь отъ другой подобной же площади, ограниченной высотами сѣвернаго мыса. Южный склонъ этихъ холмовъ, раздѣляющихъ всю длину бухты на двѣ почти равныя площади и расположенный къ нашимъ строеніямъ, занять жилищами японскихъ и айскихъ работниковъ и домомъ главнаго ихъ начальника. Отлогость мыса, занимаемаго нами, имѣетъ три искусственныя площадки или ступени, изъ которыхъ двѣ верхнія заняты японскими сараями. Вершина мыса свободна отъ ихъ построекъ, потому что три магазина ихъ, разбросанныя по гребню высокаго берега устья, оставляютъ еще просторную площадку.

Капитанъ Невельской назначилъ поставить одну батарею изъ 4-хъ орудій на первой половинѣ мыса, слѣд., имѣя надъ головами застроенныя двѣ и три площадки и другую на верхней площадкѣ мыса. Разстояніе между батареями до 40 саж. Нижняя площадка составляетъ квадратъ въ 11 сажень. Западная сторона его обращена къ морю, отстоя въ вышину отъ поверхности его на 9 сажень. Лѣвая ограничивается уступомъ второй площадки, имѣющемъ вышины до 4-хъ аршинъ; правая ограничивается довольно крутымъ сходомъ на площадку, у самаго подножія схода течетъ ручей, пробѣгающій изъ отдаленной глубины долины, наконецъ задняя сторона застроена японскими магазинами. Итакъ, площадка эта, командуемая двумя врытыми площадками мыса и кругомъ обстроена магазинами, можетъ быть не иначе укрѣплена какъ будучи соединена непосредственно стѣною съ строеніями верхней батареи, а это потребовало бы огромнаго количества лѣсу, да и протяженіе сторонъ ограды простиралось бы до 170-ти сажень,—линія, которая не можетъ

быть обороняема 65 ч., т.-е. одной бойницей на $3\frac{1}{2}$ саж. длины. Кромѣ того, окруживъ стѣною японскіе магазины мы не могли бы оставить ихъ хозяевамъ—они должны были быть непременно уступлены намъ, значить, еще было бы новое притѣсненіе имъ. Воду единственно можно только доставать изъ небольшого ручья, который можетъ быть всегда легко вдали отъ насъ отведена въ одинъ изъ многихъ ручьевъ текущихъ по долинѣ. Чтобы доставать воду колодезную, для этого надобно выключить въ позицію нашу часть низменной площади, значить еще болѣе растянуть ее. Если предположить, что цѣль батарей единственно состоитъ въ защитѣ входа въ бухту и командованія строеніями селенія Томари, тогда позиція батарей нашихъ хороша. Но къ чему японскимъ судамъ входить въ Томари, когда они могутъ пристать, какъ и дѣлаютъ, въ различныхъ мѣстахъ залива Анивы и берега Татарскаго пролива. Съ какой стати они соберутся въ строенія, находящіяся подъ нашими выстрѣлами, если ихъ строенія разбросаны по двадцати селеніямъ. Итакъ, мѣсто, выбранное для нашего расположенія, не можетъ препятствовать привозу на островъ ни людей, ни оружія, ни пушекъ. Расположеніе это не соотвѣтствуетъ ни числу имѣющихся рукъ для укрѣпленія его, ни для защиты, а наконецъ и самая вода находится не въ расположеніи нашемъ, а только подъ выстрѣлами его, да и всегда можетъ быть отведена. А безопасность поста возможна только при условіи, чтобы крейсерствомъ судовъ нашихъ не допустить японцевъ выдти на берегъ Сахалина въ большихъ силахъ. Но крейсерство это можетъ отправиться не ранѣе конца апрѣля или начала мая, а для японскихъ судовъ Сахалинъ открытъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ. < Слѣдовательно, успѣхъ нашего поселенія можетъ только разсчитывать на нерѣшительность и трусость японскаго правительства отнять у 90-ти ч. русскихъ главный источникъ продовольствія всего государства. Я не знаю характера японскаго правительства и потому не берусь судить о томъ, какъ оно будетъ дѣйствовать въ настоящемъ обстоятельствѣ. Что же касается до сравненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ занятіе на Сахалинѣ селенія Томари, и заселеній, дѣланныхъ въ земляхъ гиляковъ и другихъ племенъ Приамурскаго края, то должно признать, что обстоятельства эти совершенно различны. Тамъ прибытіе русскихъ не влечетъ за собою никакой существенной перемѣны; чтобы вооружить противъ нихъ даже и тѣхъ, которые теряютъ какія-нибудь ничтожныя выгоды. Торговля русскихъ въ Приамурскомъ краѣ выгодна вообще для населенія, и только нѣсколько манжурскихъ торговцевъ, пріѣзжающихъ туда, терпятъ можетъ быть отъ соревно-

ванія съ русскими. Но потеря барышей нѣсколькихъ мелкихъ манжурскихъ купцовъ не можетъ возбудить опасенія для Китая въ такой степени, чтобы шаткое правительство его рѣшилось противоѣствовать. На Сахалинѣ мы отняли отъ Японіи одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ продовольствія цѣлаго населенія ея, и потому потеря береговъ залива Анивы важнѣе для Японіи, чѣмъ потеря всего Приамурскаго края для Китая.

Выше я описалъ характеръ торговли туземцевъ Сахалина и пріѣзжающихъ туда манжурско-амурскихъ гиляковъ. Я признаюсь, что о подробности и выгодахъ этой торговли я еще не могъ собрать достовѣрныхъ свѣдѣній. Многіе же айны и японцы видимо обманываютъ насъ; при отвѣтахъ ихъ столько противорѣчій, что трудно узнать кто говоритъ истину. Но вотъ что можно утвердительно сказать объ этой торговлѣ.

Взаимная мѣна производится въ южной части Сахалина между японцами, аинами, манжурами и гиляками. Японцы отбираютъ пушной товаръ отъ айновъ, произвольно платя за него, преимущественно выдръ и лисицъ, и вымѣниваютъ ихъ манжурамъ, пріѣзжающимъ лѣтомъ въ Сирануси, за шелковыя матеріи, моржевые зубы и орлиные хвосты. Японская торговля есть, какъ я выше сказалъ, спекуляція ихъ начальника и потому вѣроятно производится въ маломъ размѣрѣ. Они берутъ отъ айновъ также и соболей для мѣны съ манжурами, а бѣлокъ скупаютъ собственно для себя. Манжуры — главные торговцы на Сахалинѣ. Они снабжаютъ жителей халатами изъ дабы, различныхъ цѣтвовъ, ножами, деревянною и мѣдною посудою, трубками, различными украшениями изъ серебра, стекла и камней, и наконецъ соболями, такъ дорого цѣнимыми аинами. Вино и табакъ ихъ, покупаемые прежде всѣми аинами, какъ кажется, расходятся теперь только между сѣверными аинами, южные же получаютъ эти предметы отъ японцевъ, точно также и часть одежды и посуды. Манжуры берутъ отъ айновъ за свои товары выдръ, соболей, лисицъ и бѣлокъ. Относительная цѣна ихъ слѣдующая: за выдру даютъ 10 ручныхъ саженой синей дабы, т.-е. около 25-ти аршинъ. Всякая четверть по длинѣ выдры стоитъ одного соболя, т.-е. если выдра въ 5 четвертей длины, то она равна въ цѣнѣ 5-ти соболямъ и потому за соболя аинъ получаетъ отъ манжура 2 саж. дабы и никогда болѣе 3-хъ. Цѣнъ лисицамъ я не знаю, но 3 бѣлки цѣнятся японцами равными 1 соболю. Изъ этого видно, что самая выгодная мѣна для русскихъ есть мѣна на соболей, и потому очень легко будетъ соблюдать выгоды, не нарушивъ интересовъ манжуровъ и японцевъ, предпочтительно покупающихъ выдръ и бѣлокъ. Какъ велика промышленность ту-

земцевъ на Сахалинѣ, трудно еще опредѣлить, тѣмъ болѣе что мы находимся въ край наименѣе изобилующемъ пушными звѣрями, да и айны еще и не рѣшаются открыто начать съ нами мѣну, что показываетъ малое число пушныхъ промѣненныхъ имъ намъ, — 20 соболей, 9 выдръ, 3 лисицы и нѣсколько бѣлокъ. За соболей мы платили значительно дороже манжуръ, но за выдръ и бѣлокъ дешевле; о качествахъ пушныхъ звѣрей я не смѣю судить, но по словамъ якутскихъ казаковъ есть между соболями такіе, которые цѣнятся до 25 р. и даже до 30-ти на ярмаркѣ въ Якутскѣ. За то есть и такіе, которые мало отличаются отъ буницъ. Гиляки, привозящіе на мѣну съ айнами, такіе же торгоши, какъ и манжуры; съ тою разницею только, что они дѣлаютъ двойной оборотъ, скупая мѣха за товары, купленные ими или отъ самихъ манжуръ, или отъ русскихъ въ Петровскѣ; впрочемъ я не берусь разъяснить обороты ихъ, но я думаю, что это такъ, и потому, что айны часто говорятъ: «Сумера и Сати у непоти»; т.-е. манжуру и гиляку все равно. Бобровъ ни морскихъ, ни рѣчныхъ въ мѣнѣ никогда нѣтъ. Можетъ быть звѣрь этотъ существуетъ, въ особенности рѣчной, потому что айны, видя мой бобровый воротникъ, на вопросъ, какъ называется этотъ мѣхъ, назвали его *тусъ*; но вмѣстѣ съ тѣмъ одни говорятъ, что онъ есть на Сахалинѣ, другіе говорятъ противное. Мой воротникъ старъ и нехорошъ, потому вѣроятно видъ его сбиваетъ ихъ насчетъ мѣха. >

IX.

7-го января, пріѣхалъ джанчи селенія Нойора, Сетокуреро. Его пріѣздъ и поведеніе въ селеніи нашемъ съ нами и японцами еще болѣе разъяснило мнѣ справедливость нѣкоторыхъ мыслей, выраженныхъ выше. Письмо, привезенное имъ отъ Рудановскаго съ р. Мануи объяснило цѣль поѣздки Сетокуреро (имя джанчина). Цѣль эта одна у всѣхъ пріѣзжавшихъ ко мнѣ гостей айновъ — получить подарки. Сетокуреро отличался только тѣмъ, что имѣлъ претензію на богатые подарки, на что онъ конечно имѣлъ основаніе болѣе надѣяться, чѣмъ другіе джанчины, потому что оказалъ русскимъ услуги, да и считается какъ бы старшимъ изъ всѣхъ старшинъ. Съ нимъ пріѣхало около 20-ти айновъ разныхъ сѣверныхъ селеній, на 10-ти нартахъ. Одинъ гилякъ, оставленный въ селеніи Нойора известнымъ въ Петровскѣ

торгашомъ Позвейномъ, по болѣзни своей, пріѣхаль тоже въ Томари. Японцы сказали намъ, что это еще первый гилякъ, который пріѣхаль въ мѣста занятія ими. Присутствіе русскихъ уже начинается производить переворотъ, котораго конецъ легко предвидѣть, какъ я уже доказываль выше. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, Сетокуреро спросилъ у Дьячкова, можетъ ли онъ посѣтить русскаго джанчина, и получивъ утвердительный отвѣтъ, явился ко мнѣ въ сопровожденіи всѣхъ, пріѣхавшихъ съ нимъ аиновъ и гиляка. Я принялъ джанчина съ почетомъ, усадивъ его на медвѣжьей шкурѣ. Вся комната моя наполнилась аинами. Снявъ обувь, они усѣлись на полъ: старшіе по бокамъ джанчина, младшіе сзади его. Я сѣлъ противъ гостей моихъ на столбикѣ.

Сцена эта очень похожа была на картины, представляющія прибытіе европейцевъ въ Америку. Разсматривая лица и выраженія черныхъ глазъ пріѣхавшихъ ко мнѣ аиновъ, я невольно замѣтилъ большую разность между ними и аинами окружающихъ насъ селеній. Красивыя здоровыя лица, густыя волосы, прямые, открытые взоры, ясно отличали болѣе независимыхъ аиновъ сѣверныхъ селеній отъ ихъ единоплеменниковъ сосѣдей нашихъ, болѣзненные лица которыхъ, изуродованныя золотушными и венерическими ранами и потерю волосъ, носятъ отпечатокъ на себѣ близкаго сношенія съ японцами, деспотизмъ которыхъ пріучилъ рабовъ своихъ къ лукаво-раболѣпной услужливости, которая такъ ясно выражается въ глазахъ, старающихся всегда избѣгать взглядовъ вашихъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, состоящихъ, какъ извѣстно, изъ наклоненія головъ и подыманія рукъ, началось угощеніе рисомъ, рыбою, изюмомъ, виномъ и чаемъ. Джанчинъ произнесъ длинную рѣчь, послѣ него другой аицъ началъ, и не смотря на то, что, какъ казалось, нѣкоторые не были довольны его рѣчью, онъ продолжалъ ее. Изъ рѣчей этихъ я и переводчикъ мой, казаясь Дьячковъ, могли только понять, что дѣло идетъ о японцахъ, о пріѣздѣ ихъ джанчина и приходѣ русскихъ на Сахалинъ. Жаль, что я не могъ понять рѣчи Сетокуреро. Судя по умнымъ глазамъ его и живости жестовъ, рѣчь эта должна быть интересная и умная. Послѣ рѣчей наступила минута общаго молчанія, и замѣтно было, что чего-то ожидаютъ мои гости. Мнѣ не трудно было отгадать, что цѣль ожиданія были подарки. Я приказалъ принести ихъ и началъ раздачу. Сетокуреро получилъ ручную сажень краснаго тонкаго сукна и большую шерстяную шаль, другіе старшины получили по одѣялу и шелковому небольшому платку, и наконецъ аины, неимѣющіе претензіи на джанчиновъ, по матроской байковой синей рубашкѣ. Кончивъ раздачу, я сказалъ Сетокурерѣ, что очень радъ его видѣть и

что мнѣ пріятно знать, что онъ любитъ русскихъ, что мы пришли въ землю айновъ съ намѣреніемъ дружно жить съ ними, но что не желаемъ ссориться и съ японцами, съ императоромъ которыхъ ведемъ теперь переговоры, и что потому, пока я не получу отвѣта съ Мацмай, я не желалъ бы вмѣшиваться въ дѣла японцевъ съ айнами и прошу поэтому айновъ по прежнему работать для японцевъ. Потомъ сказалъ ему, что такъ какъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ гости, то я желаю ему дать все нужное для ихъ пищи. Мы простились и я послалъ въ юрту, занятую пріѣхавшими айнами— рису, яшной крупы, табаку, чаю и сахару. Сетокуреро былъ принятъ японцами то же съ большимъ уваженіемъ. Дьячковъ, присутствовавшій при этомъ пріемѣ, рассказываетъ, что посадивъ Сетокуреро на почетное мѣсто и угостивъ его виномъ, японцы съ знаками уваженія выслушали рѣчь его, въ которой онъ совѣтовалъ имъ не обращаться теперь худо съ айнами, когда русскіе пришли въ землю ихъ. Японцы то же дали аинамъ рису и водки. Итакъ, пріемъ, сдѣланный Сетокурерѣ казался долженъ былъ бы удовлетворить его, но къ сожалѣнію пріемъ этотъ возбудилъ въ дикарѣ смѣлость на безпрестанныя выпрашиванія подарковъ и припасовъ отъ насъ и на грубое обращеніе съ японцами. Въ ежедневныхъ посѣщеніяхъ его, онъ всякій разъ выпрашивалъ что-нибудь, такъ что уже на 80 р. было выдано ему и свитѣ его. Къ японцамъ же онъ ходилъ собственно для того, чтобы требовать вина отъ нихъ, къ которому онъ, повидимому, имѣетъ большую страсть. Разъ онъ привелъ съ собою къ намъ гилеа и посадилъ его подлѣ себя. Японцы, которымъ не позволено принимать къ себѣ гилековъ, просили меня, чтобы я запретилъ гилеа ходить къ нимъ.

Пріѣздъ гилеа въ Томари былъ очень полезенъ для насъ; я нашелъ въ немъ проводника для почты до самаго Петровскаго зимовья. Онъ, конечно, былъ радъ случаю воротиться домой къ себѣ на готовой пищѣ и нашихъ собакахъ и получить еще плату. Я имѣлъ только одну нарту въ 10 собакъ, предполагая вторую нарту нанять вмѣстѣ съ проводникомъ. Но теперь, когда проводникомъ былъ сдѣланъ гилеа, неизмѣнчивой собственной нарты, я принужденъ былъ купить еще 8 собакъ съ помощью Сетокуреры, который приказалъ своимъ аинамъ отдать отъ всякой нарты по одной собакѣ. Почтѣ назначено было выѣхать 10-го января, въ субботу, но какъ я ни старался приготовить письма и бумаги къ этому дню, многое еще не было кончено, благодаря частымъ посѣщеніямъ айновъ. Наконецъ въ воскресенье, скрывшись изъ моего дому въ квартиру Рудановскаго, я тамъ

кончилъ на скорую руку письменныя дѣла и послѣ обѣда отправилъ Самарина съ матросами Ларионовымъ и Носовымъ и съ проводникомъ гилякомъ по дорогѣ къ р. Сусуѣ. Японцы, которые навѣрно не знали куда ѣдетъ Самаринъ, вышли посмотреть на его поѣздъ. Сетокуреро пришелъ вечеромъ ко мнѣ, чтобы сказать, что онъ самъ хочетъ на другой день ѣхать въ Нойоро. Я радовался этому потому, что надѣялся, онъ догонитъ Самарина, и такъ какъ послѣднему приказано непременно заѣхать въ Нойоро, чтобы взять тамъ описи Ю-З. берега отъ Рудановскаго, то значить Сетокуреро можетъ ему служить хорошимъ помощникомъ до своего селенія. На другой день Сетокуреро пришелъ рано утромъ проститься со мною. Мы простились и я еще далъ кое-какія бездѣлицы его сыновьямъ и купилъ нѣсколько соболей. Конечно, на прощанье я угостилъ виномъ айновъ. Отъ меня Сетокуреро, снабженный нашими припасами на дорогу, отправился къ японцамъ. Японцы тотчасъ поднесли ему чашку вина. Онъ выпилъ, спросилъ другую, а потомъ и третью. Опьянѣвъ совершенно, онъ началъ ругать Мару-Яму, старшаго изъ японцевъ. Тотъ въ отвѣтъ на брань ударилъ его желѣзными щипцами по головѣ и ранилъ его до крови. Узнавъ объ этой ссорѣ, казакъ Дьячковъ тотчасъ побѣжалъ къ японцамъ и засталъ у нихъ многихъ айновъ. Разспросивъ о случившемся, онъ совѣтовалъ японцамъ, чтобы они подарили что-нибудь Сетокурерѣ, уговоривъ его не жаловаться мнѣ. Мару-Яма тотчасъ же пошелъ къ Сетокурерѣ въ домъ и подарилъ ему японскую рубашку, два буля рису и боченокъ водки, прося его не идти жаловаться къ русскому джанчину. Но уже мнѣ дали знать. Разспросивъ Дьячкова, какъ было дѣло, и узнавъ, что Сетокуреро пьянъ и что Мару-Яма не совсѣмъ трезвъ, я послалъ сказать разсорившимся, чтобы они легли выспаться и чтобы на другое утро пришли оба ко мнѣ для объясненій. Сетокуреро кое-какъ его сыновья уложили. На другой день явился ко мнѣ любимецъ мой Асануя съ однимъ японцемъ и Сетокуреро съ старшинами селеній Кусуной и Сежерани и съ своими 4-мя сыновьями. Голова его была подвязана. Усадивъ ихъ, я сказала имъ черезъ Дьячкова, что я желала бы не вмѣшиваться въ дѣла японцевъ съ аинами, но могу это исполнить только тогда, когда японцы не будутъ притѣснять послѣднихъ, въ особенности тѣхъ, которые расположены и служатъ русскимъ; что въ Нойорѣ джанче оказалъ русскимъ услугу и что онъ пріѣхалъ въ гости къ нимъ, и потому кто обидеть его, тотъ обидитъ и русскихъ; и поэтому, когда я узналъ, что Мару-Яма ударилъ Сетокуреро, я хотѣлъ тотчасъ же строго разобрать дѣло, но узнавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Сетокуреро

былъ пьянъ, что его хорошо и съ особымъ уваженіемъ принимали японцы и что онъ напившись пьянъ началъ ругать Мару-Яму — поэтому я считаю Сетокуреро виновнымъ; но все-таки считаю, что Мару-Яма дурно поступилъ, ударивъ его вмѣсто того, чтобы пожаловаться мнѣ, и потому назначаю ему заплатить Сетокурерѣ столько, чтобы послѣдній самъ пришелъ бы сказать мнѣ, что онъ доволенъ и забываетъ обиду. Съ этимъ я ихъ выпроводилъ отъ себя, сказавъ еще наединѣ Асануѣ, что мнѣ непріятно вмѣшиваться въ дѣла ихъ съ аинами, но что я не могу терпѣть, чтобы японцы били айновъ, пользующихся уваженіемъ и въ особенности тѣхъ, которые пріѣзжаютъ къ русскимъ, и что поэтому я непремѣнно требую, чтобы плата была дана Мару-Ямой хорошая, и что если этого не будетъ или подобное дѣло еще разъ случится, прибавилъ я строгимъ голосомъ, то чтобы японцы знали, что между нами мирныя и дружелюбныя отношенія тотчасъ кончатся.

Черезъ часъ ко мнѣ явился Сетокуреро, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ айновъ, объявить, что онъ удовлетворенъ. Онъ получилъ еще боченокъ вина, два куля рису и много табаку, и, какъ мнѣ передалъ Дьячковъ, сказалъ при этомъ, что ударъ по головѣ пришелся выгоднымъ ему. Мы снова простились и я взялъ обѣщаніе съ него, что онъ постарается догнать Самарина и поможетъ ему если нужно. Я послалъ съ нимъ на всякій случай письмо къ Рудановскому и Самарину. Такъ кончилось посѣщеніе Сетокурера, посѣщеніе, ясно показавшее, что айны будутъ всегда причиною раздора съ японцами.

14-го января, я отправился на лыжахъ съ Дьячковымъ осматривать наши окрестности. Спустившись отъ моего дома на ю.-в., я увидѣлъ, что недалеко отъ нашихъ строеній возвышенность, на которой они стоятъ, круто спускается параллельно берегу. У подошвы этого спуска бѣжитъ ручеекъ, впадающій въ нашу рѣчку. По другую сторону ручейка опять крутой всходъ на параллельную берегу вѣтвь горы, но которая выше нашей площадки. По другую сторону этой вѣтви находится еще другая, такая же лощина съ ручьемъ и горы противоположнаго берега его еще выше описанной вѣтви.

На югѣ лощины эти ограничиваются хребтомъ, идущимъ перпендикулярно берегу. Глубина лощинъ этихъ, отъ рѣчки омывающей нашу нижнюю батарею и принимающую ручьи ихъ, менѣе версты. Всѣ горы покрыты густымъ мелкимъ лѣсомъ, начинающимся отъ строеній нашихъ въ сажняхъ 15-ти. Надо будетъ вырубить лѣсъ этотъ до половины спуска; я уже началъ

вырубку по направленію къ югу, но теперь нѣтъ рабочихъ рукъ на эту работу.

15-го числа, я уходилъ далеко на лыжахъ съ Дьячковымъ, по направленію къ востоку. Предполагая еще разъ посѣтить тѣ окрестности, чтобы открыть выходъ во внутреннія долины, я оставилъ описаніе этого до будущаго времени.

17-го числа. Сегодня пришелъ ко мнѣ, въ 1-мъ часу утра, японецъ Асануя и аинъ Испонку приглашать на праздникъ, къ которому японцы уже давно готовились, часто повторяя мнѣ: — «Сизамъ анъ поро-итзинѣ» (у японцевъ будетъ большой праздникъ). Не надѣясь на японскую кухню и не желая сидѣть у нихъ голоднымъ, я предложилъ Асануѣ, чтобы онъ пошелъ сказать Мару-Ямѣ, что черезъ часъ я приду къ нему; Асануя, бывший уже немного навеселѣ, никакъ не хотѣлъ вернуться на праздникъ безъ меня. Я приказалъ подавать обѣдъ и угостивъ своихъ гостей, отправился съ ними къ японскій домъ, взявъ съ собою Теленова и Дьячкова. Входъ въ него былъ обсаженъ елками. Войдя во внутренность, я увидѣлъ, что и тамъ все было убрано по праздничному. Посрединѣ пріемной залы поставлено было большое дерево, обвѣшанное продолговатыми бумажками съ надписями. Ширмы угловой комнаты, принадлежащей Мару-Ямѣ, были сняты, такъ что она была открыта во всю ширину свою. У задней стѣны сидѣлъ Мару-Яма. Я вошелъ къ нему въ комнату. Поздоровавшись съ нимъ и усѣвшись на полъ подлѣ очага я съ любопытствомъ и удовольствіемъ разсматривалъ украшенія комнаты. Удивительная чистота ея поразительна. Стѣны покрыты обоями съ золотистымъ отблескомъ. У задней стѣны поставлены бумажныя ширмы съ рисунками, правда, искусственными, но за то чисто отдѣланными. Свѣтъ проходитъ въ комнату черезъ бумажныя окна, задвигающіяся снизу вверхъ. Бумага наклеена на тонкомъ и частомъ переплетѣ изъ дерева. Полъ устланъ соломенными циновками удивительной бѣлизны и чистоты. Каждая циновка обшита по краямъ синею матеріею. По стѣнамъ на полкахъ, на высотѣ аршинъ 4-хъ отъ полу, разложены были куличи изъ рисоваго тѣста. Куличи эти круглые, составлены изъ нѣсколькихъ слоевъ, правильно уменьшающіяся къ вершинѣ. Надъ каждымъ куличемъ прибита была бумажка съ надписью. Я спросилъ, что именно написано на этихъ бумажкахъ, и узналъ отъ Мару-Ямы, что всѣ куличи эти назначены патронамъ всѣхъ селеній, занимаемыхъ японцами на Сахалинѣ, и что на бумажкахъ написаны названія селеній. Въ правомъ углу сдѣлано углубленіе въ стѣнѣ, въ которомъ помѣщенъ жертвенникъ изъ випариснаго дерева, на подобіе нашихъ кіотовъ.

Передъ жертвенникомъ стояло множество куличей и на большомъ блюдѣ двѣ рыбы съ выгнутыми вверхъ головами и хвостами.

Мару-Яма сидѣлъ въ лѣвомъ углу, по обыкновенію на полу, поджавъ подъ себя ноги колѣнами впередъ. Передъ нимъ стоялъ четвероугольный деревянный ящикъ, вышиною около аршина, насыпанный до полна мелкимъ пескомъ. На немъ наложены были горячіе угли. У входа въ комнату поставленъ былъ такой же ящикъ для пришедшихъ со мною Теленова и Дьячкова. Всѣ японцы были одѣты по праздничному, т.-е. имѣли на себѣ отъ 5-ти до 7-ми халатовъ изъ темныхъ бумажныхъ матерій на шелковой подкладкѣ. Эта роскошь, въ простыхъ рыбакахъ, можетъ объясниться только особенными выгодами, которыя они могутъ извлекать отъ сношеній съ аинами, и, можетъ быть, хорошею платою за промыслы въ отдаленномъ краѣ отъ любимаго ихъ главнаго острова Нипона. Нижняго платья, кромѣ чулковъ, а иногда узкихъ нанковыхъ панталонновъ, японцы не носятъ, такъ что развязавъ поясъ, опоясывающій халаты, японецъ въ одну минуту представится въ одеждѣ праотца Адама. Поясы у нѣкоторыхъ изъ шелковой матеріи, у другихъ изъ бумажной. Одинъ японецъ имѣлъ поясъ изъ чернаго сукна, который мы ему подарили. Сверхъ халатовъ надѣвается кофточка съ широкими рукавами, сшитыми напередъ до половины, такъ что отъ мѣста, гдѣ выходитъ рука, рукавъ виситъ на подобіе мѣшка. Японцы, выходя изъ дому, всовываютъ руки въ эти мѣшки, подавая локти назадъ, и это даетъ имъ довольно смѣшной видъ. Вообще одежда ихъ не мужественна и очень неудобна для холодной сахалинской зимы. Шея и часть груди совершенно ничѣмъ не прикрыты. Бритыя головы свои они тоже рѣдко прикрываютъ.

Когда я усѣлся у очага, началось угощеніе. При приходѣ моемъ, толстый Мару-Яма уже сидѣлъ посерединѣ множества чашекъ, бутылокъ, подносовъ и проч., наполненныхъ различными кушаньями и напитками. Чтобы достойно угостить меня, нанесли еще различныхъ сластей и конфетъ. Красивая лаковая посуда и необыкновенная чистота и порядокъ можетъ возбудить аппетитъ и въ сытомъ человѣкѣ. Мнѣ подали на деревянномъ подносицѣ, покрытомъ краснымъ лакомъ, блестящамъ какъ зеркало, пять такихъ чашекъ, имѣющихъ видъ полоскательныхъ чайныхъ чашекъ, только меньшей формы, вмѣщающихъ въ себя не болѣе полутора стакана. Чашечки эти были прикрыты крышками. Они наполнены были различными кушаньями, приготовленными съ большимъ вкусомъ изъ рыбы, раковинъ, китовины, зелени и рису. Еслибы я не былъ сытъ, то конечно я охотно бы все съѣлъ, что мнѣ подали. Теленову и Дьячкову подали такіе же подносы,

но только черного цвѣта. Вино теплое и холодное подавали въ лаковыхъ же чашечкахъ съ золотыми рисунками деревьевъ и цвѣтовъ. Чашечки эти вкладываются одна въ другую и потомъ вставляются въ четырехугольную подставку съ углубленіемъ на верхней сторонѣ для помѣщенія ихъ. Подставка эта то же покрыта блестящимъ лакомъ. Подаютъ вино въ фарфоровыхъ маленькихъ чашечкахъ. Сладости и конфеты подаются въ неглубокихъ четырехугольныхъ лаковыхъ ящичкахъ, вставляющихся одинъ въ другой. Вся эта посуда отличной работы. Японцы очень любить угощать. Я, чтобы не обидѣть ихъ, попробовалъ всѣ кушанья и выпилъ нѣсколько чашекъ вина рисоваго и одну чашку чаю безъ сахару. Японскій чай хуже китайскаго; но впрочемъ, можетъ быть, здѣшніе японцы пьютъ дурной сортъ его. Во время обѣда нашего произошла въ передней комнатѣ драка между айномъ Испонку и японскимъ поваромъ Ичюю. Мару-Яма, казалось, былъ очень пристыженъ этимъ и просилъ меня, чтобы я не смотрѣлъ на эту драку. Я ему объяснилъ, что я нахожу очень обыкновеннымъ, что простые люди, выпивъ вина, дерутся, и что это вездѣ случается. Просидѣвъ часа два, я воротился домой. Бесѣда моя съ японцами была очень дружественна. Они сказали мнѣ, что хотятъ ѣхать «ору-торо», т.-е. на другой берегъ, чтобы сзывать айновъ къ весеннимъ работамъ, и просили меня, чтобы въ отсутствіе ихъ я приказалъ русскимъ присматривать, чтобы айны не воровали изъ магазиновъ, говоря, что айны уже много украли у нихъ. Я обѣщалъ имъ это и изъявилъ желаніе, чтобы айны охотно и скоро собирались на ихъ работы. Я подарилъ Мару-Ямѣ двѣ утки, которыя служатъ лучшимъ кушаньемъ для японцевъ. При этомъ подарокѣ я замѣтилъ, что японцамъ очень хотѣлось, чтобы я самъ отдалъ утокъ Мару-Ямѣ. Когда я сѣлъ подлѣ очага, они положили принесенныя Дьячковымъ утки на подносѣ подлѣ меня и нѣсколько разъ обращались къ Мару-Ямѣ съ словами, что я дарю ему утки; онъ кланялся и утки оставались на подносѣ подлѣ меня. Понявъ въ чемъ дѣло, я взялъ подносъ и передалъ его Мару-Ямѣ; онъ съ большою радостью принялъ его и поставилъ подлѣ себя, видя въ этомъ, вѣроятно, знавъ особаго уваженія къ нему.

Возвратясь домой, я надѣлъ лыжи и отправился съ Дьячковымъ осматривать окрестности. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда я вернулся домой, гдѣ и узналъ, что Рудановскій пріѣхалъ изъ экспедиціи. Я очень былъ радъ этому извѣстію, потому что съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстій о заливахъ Татарскаго берега, да и прибавка 16-ти собакъ для возки лѣса меня тоже радовала. Скоро пришелъ и Рудановскій ко мнѣ, изъ новой квар-

тиры своей. Мы съели пить чай и я сталъ разспрашивать его объ экспедиціи. Онъ выѣхалъ въ Сирараро на берегъ Татарскаго пролива, спустился съ большимъ трудомъ на югъ и осмотрѣлъ къ 8-му числу 22 залива, изъ которыхъ заливы Тохмака и Маука — хорошія гавани для зимовки небольшого числа судовъ. Гавань Тохмака наиболѣе выгодна для насъ, потому что она занята только тремя магазинами японцевъ и послѣдніе не такъ дорожатъ ею, потому что она не богата рыбою. Мѣстность Тохмака для поселенія удобна. Лѣсъ находится въ изобиліи на горахъ, окаймляющихъ берегъ. Тохмака находится въ 10-ти верстахъ отъ Мауки. Сѣвернѣе ея хотя и находятся нѣсколько японскихъ сараевъ, но по безрыбію бухтъ, у которыхъ они поставлены, дѣлаютъ ихъ малоцѣнными для японцевъ, такъ что можно считать селеніе Мауку граничнымъ пунктомъ ихъ рыбныхъ промысловъ. Нойоро находится въ суточномъ переходѣ отъ Тохмака. Итакъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, выгоднѣйшій пунктъ для нашего заселенія на Сахалинѣ есть селеніе Тохмака, находящееся въ краѣ, пользу занятія котораго я старался доказать выше. Близость «Императорской гавани» еще болѣе увеличиваетъ значеніе гавани Тохмака. Опись ея и вообще юг.-з. береговъ, до селенія Сирабуси, доставлена въ селеніе Нойоро, куда по предписанію моему Самаринъ долженъ заѣхать для того, чтобы взять описи и доставить ихъ вмѣстѣ съ другими бумагами въ Петровское зимовье. Рудановскій по отсылкѣ описанія бухтъ продолжалъ путь свой къ селенію Сирабуси. Селеніе это самое богатое между японскими заселеніями. Въ немъ находится главный домъ начальника японцевъ. Домъ этотъ, по описанію Рудановскаго, очень обширный и хорошо выстроенный. Полы покрыты лакомъ во всѣхъ комнатахъ, которыхъ очень много. Военной защиты въ селеніи нѣтъ, и слѣдовательно можно уже увѣренно сказать, что на Сахалинѣ японцы не имѣютъ совершенно никакихъ укрѣпленій. Изъ всѣхъ селеній Сахалина, Маука есть наиболѣе населенное. Рудановскій предполагаетъ въ немъ около 300 однихъ взрослыхъ мужчинъ. Изъ Сирабуси онъ спустился еще къ югу до перевала черезъ горы къ заливу Анива. Перевалъ этотъ находится вблизи отъ мыса Крильона. Приѣхавъ къ берегу Анива, онъ продолжалъ свой путь вокругъ него, къ нашему посту. Аины принимали его на всемъ пути съ большимъ гостепрѣимствомъ, исключая селенія Сирабуси, гдѣ онъ едва могъ достать проводника.

Мнѣ очень пріятно, что въ настоящее время г. Рудановскій не живетъ у меня. Обѣдъ и чай мы продолжали держать общіе, но, конечно, и это я послѣ уничтожу, если найду, что

полезнѣе будетъ совершенно прекратить между нами частныя отношенія, могущія быть причиною или неумѣстныхъ разсужденій, или фамиллярности.

Свою квартиру я привелъ въ нѣкоторый порядокъ. Поставивъ досчатыя перегородки, я раздѣлилъ избу на переднюю, лакейскую и собственно мою комнату. Послѣднюю обилъ японскими циновками, прикрывъ швы полосами синей дабы. Эти импровизованныя обои дали чистый и порядочный видъ комнатѣ. Диванъ, письменный столъ и табуреты, обитые синею матеріею, представляютъ, если не изящность, то, по крайней мѣрѣ, удобство. Казакъ Дьячковъ составляетъ единственную прислугу мою, потому что Кожинъ постоянно боленъ. Кухня моя очень хороша для Сахалина. Свѣжее мясо, рыба и кое-какіе продукты, съ усерднымъ приготовленіемъ Дьячкова, составляли почти всегда довольно вкусный обѣдъ. Жаль только, что я раздѣляю его съ человѣкомъ, общество котораго, даже и на безлюдномъ Сахалинѣ, для меня неприятно.

29-го января. — Какъ я предвидѣлъ, такъ и случилось. Г. Рудановскій, наконецъ, совершенно вывелъ меня изъ терпѣнія. Вотъ какъ это случилось: Рудановскій, по своему обыкновенію будучи всѣмъ недоволенъ, потому что ему не позволяютъ распоряжаться такъ, какъ бы ему хотѣлось, безпрестанно намекалъ мнѣ своимъ рѣзкимъ тономъ, что ему худо служатъ наши люди, что дурно и медленно дѣлаютъ для него мебель и проч. Я мало обращалъ вниманія на эти намеки, потому что зналъ, что причина ихъ есть неугомонность и нетерпѣливость характера Рудановскаго. Наконецъ, онъ объявилъ мнѣ, что казакъ Березкинъ, данный ему въ вѣстовые, очень лѣнивъ и что онъ просить, чтобы я не бралъ отъ него матроса Максимова, данного ему на время, для приведенія въ порядокъ квартиры. Я отвѣчалъ, что согласенъ дать ему въ вѣстовые, вмѣсто Березкина, Максимова, но что обоихъ оставить не могу, потому что въ посту и безъ того недостаетъ рукъ для необходимыхъ работъ. Выслушавъ отказъ съ обыкновеннымъ своимъ выраженіемъ неудовольствія, онъ высказалъ желаніе оставить при себѣ Максимова, бывшаго уже у него на вѣстяхъ въ Камчаткѣ. Разговоръ этотъ былъ 26-го вечеромъ. На другое утро Максимовъ пришелъ къ Рудановскому съ окровавленными деснами и просилъ, чтобы онъ его удалилъ, потому что онъ боленъ цынгою. Рудановскій позвалъ Теленова и сказавъ ему, что Максимовъ боленъ цынгою, спросилъ у него, кто есть изъ здоровыхъ матросовъ. Теленовъ отвѣчалъ, что почти всѣ немного больны и что Максимовъ притворяется и нарочно натеръ десны, и при

этомъ онъ раскрылъ ему ротъ. Рудановскій ударилъ Теленова въ лицо и выгналъ его прочь. Тотъ тотчасъ пришелъ ко мнѣ и передалъ то, что случилось, прибавивъ, что ему извѣстно, что Максимовъ уже прежде говорилъ, что онъ нарочно не пойдетъ служить къ Рудановскому. Погрозивъ Теленову, что я накажу его другой разъ, если онъ позволитъ себѣ дѣлать подобную невѣжливость передъ офицеромъ, какъ открыть ротъ солдату, но будучи самъ увѣренъ, что Максимовъ притворяется, я послалъ Теленова сказать Рудановскому, что, мнѣ извѣстно, Максимовъ здоровъ и что я накажу его розгами за то, что онъ отговаривается отъ службы. Призвавъ къ себѣ Максимова, я ясно увидѣлъ, что кровь потому такъ сильно текла у него изъ десенъ, что онъ ихъ растеръ. Объяснивъ ему, что я его высѣку, я приказалъ ему явиться къ лейтенанту на службу. Скоро и самъ Рудановскій пришелъ ко мнѣ съ наморщеннымъ лицомъ. Я его спросилъ, что ему нужно. Онъ началъ жаловаться на то, что Теленовъ нагрубилъ ему. Зная изъ обращенія Рудановскаго съ людьми, что значитъ у него слово нагрубить, я, признаюсь, не далъ вѣры его жалобѣ и потому отвѣтилъ ему, что если Теленовъ дѣйствительно былъ невѣжливъ, то за это слѣдуетъ наказать его, но что, къ сожалѣнью, онъ самъ, Рудановскій, уже исполнилъ это, ударивъ Теленова вопреки запрещенію моему. Онъ извинился, что это сдѣлалъ, говоря, что онъ оттолкнулъ Теленова изъ чувства самохраненія, потому что тотъ полѣзъ на него....

2-го февраля, я поѣхалъ съ Дьячковымъ на двухъ нартахъ, по 5-ти собакамъ, осматривать заливъ Буссе. Погода стояла прекрасная. До селенія Хукуй-Когнонь мы ѣхали довольно быстро. Въ этомъ селеніи мы остановились пить чай. Я уже осенью былъ въ этихъ мѣстахъ съ Невельскимъ, но не зналъ названія ихъ. Выѣхавъ изъ Хукуй-Когнона я скоро обогнулъ мысъ, закрывающій бухту Втосомъ. Вблизи этой бухты есть небольшое озеро и рѣчка, которыя мы осматривали съ Невельскимъ, предполагая занять мѣсто это для поселенія, но сильный прибой заставилъ насъ отказаться отъ этого намѣренія. Скоро приѣхали мы къ бухтѣ Иноскамоной, гдѣ и остановились обѣдать. Въ селеніи Хукуй-Когнонь я взялъ у айна Жаске собаку, а на дорогѣ къ Иноскамоной перемѣнилъ у встрѣтившагося знакомаго айна нашу большую собаку на здоровую; но не долго служила намъ она—въ Иноскамоной она сбѣжала, сорвавшись съ алька. Обѣдъ нашъ, состоявшій изъ куска оленины и чаю, мы раздѣлили съ семействомъ хозяина юрты, въ которой остановились. Семейство это состоитъ изъ одного старика, жены его, безоб-

разной старухи, какъ и всѣ аинки, перешедшія за вторую половину жизни, двухъ дочерей и одного мальчика лѣтъ 8-ми. Мальчишка этотъ замѣчательный ребенокъ. Живые черные глаза исполнены умомъ, движенія ловки и живы. Волосы у него были подстрижены ровно, по всей головѣ довольно коротко. Казалъ Дьячковъ разсказалъ при мальчишкѣ этомъ его отцу, что онъ видѣлъ какъ тотъ вынулъ ножъ и замахнулся на большого аина за то, что тотъ хотѣлъ его заставить что-то сдѣлать. При этомъ разсказѣ мальчишка лукаво улыбался, поглядывая на всѣхъ. Когда я вышелъ изъ юрты, чтобы ѣхать далѣе, аины окружили мою нарту, и между ними я увидѣлъ одну молодую, довольно красивую женщину, которая держала за плечами годовалого ребенка совершенно голаго, а морозу было градуса четыре. Я началъ уговаривать ее пойти въ юрту и одѣть ребенка. Она смѣясь показывала, что ребенку не холодно, но видя, что я не вѣрю этому, она сняла съ плечъ шубу свою и обнаживъ себя совершенно, посадила ребенка къ себѣ на спину и уже сверхъ его снова надѣла шубу. Неудивительно, что аины легко переносятъ стужу въ своей одеждѣ, которая прикрываетъ только нѣкоторыя части тѣла. Физическое воспитаніе, даваемое имъ своимъ дѣтямъ, можетъ закалить натуру на всевозможныя непогоды, но вѣроятно многіе изъ дѣтей ихъ умираютъ, будучи не въ состояніи переносить слишкомъ нечеловѣческое воспитаніе.

Изъ Иноскамоной я выѣхалъ въ 3-мъ часу; дорога шла все по берегу моря, или по льду. Берегъ этотъ, на всемъ разстояніи, которое я проѣхалъ, гористъ. Горы — частью изъ плитняка, частью изъ толстыхъ слоевъ гранита, покрыты лѣсомъ по верхней окраинѣ; къ морю онѣ спускаются круглыми обвалами, оставляя между подошвою своею и моремъ узкую въ сажени 2 и 3 полосу песку, наз. вообще по Охотскому морю — лайдою. Отъ Иноскамоной берегъ принимаетъ еще болѣе суровый характеръ, но въ верстахъ пяти отъ этого селенія онъ вдругъ понижается и идетъ довольно правильною, невысокою стѣною, покрытою на верху лѣсомъ. Когда я ѣхалъ вдоль этой стѣны, два большихъ орла плавали надъ головою моею. Одинъ изъ нихъ спустился къ стѣнѣ и сѣлъ на дерево. Онъ былъ отъ меня на близкій ружейный выстрѣлъ, но къ сожалѣнію, у меня не было съ собою ружья. Вдругъ собаки мои понесли меня съ такою быстротою, что я едва успѣвалъ отталкиваться отъ глыбъ льда, между которыми вьется дорога. Скоро я увидѣлъ на берегу лисицу, возбужившую такую горячность въ собакахъ. Она вбѣжала на отлогость берега и спокойно смотрѣла на бѣгъ

собагъ. Я насилу удержалъ послѣднихъ. Онѣ хотѣли броситься на гору за лисою.

Начинало смеркаться, когда я пріѣхалъ къ селенію Читсани. Узнавъ, что въ селеніи этомъ нѣтъ землянокъ (той-тисе), я рѣшился ѣхать въ селеніе Хорахпуни, находящееся въ верстахъ 4-хъ отъ Читсани. Когда мы отъѣхали съ версту отъ Читсани, уже совершенно стемнѣло. Дорога шла по низменному берегу. Параллельно ему и недалѣе $\frac{1}{4}$ версты течетъ рѣка, по ней-то и ѣздятъ айны въ Хорахпуни. Не зная этого, мы съ трудомъ пробирались по неумятому снѣгу. Наконецъ увидѣли мы строенія—это было нѣсколько японскихъ рыбныхъ сараевъ. Селеніе Хорахпуни было еще далѣе. Подъѣзжая къ нему, я былъ удивленъ, что не слышно лая собакъ, но скоро узналъ причину этому: лѣтнія юрты, стоящія на берегу моря, были оставлены аинами, перебравшимися въ лѣсъ въ землянки. Но гдѣ эти землянки—вотъ что нужно было намъ узнать. Тропинки расходились во всѣ стороны. Вдругъ послышался съ правой стороны отъ насъ лай собакъ; мы тотчасъ повернули въ ту сторону. Собаки наши живо нашли дорогу, и почуя жильѣ, понеслись во всю скачь. На самой дорогѣ стоялъ столбъ. Я счастливо пронесся мимо его, но казака моего, Дьячкова, нарта ударила объ него и разлетѣлась; сорвавшіяся собаки начали меня догонять и я вмѣстѣ съ ними подѣхалъ къ землянкамъ. Оторвавшихся собакъ переловили, а скоро и Дьячковъ пришелъ. Онъ не ушибся и потому я, оставивъ ему озаботиться починкою разбитой нарты, самъ вошелъ въ ближайшую землянку. Послѣ скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ устроиваются аинскія землянки.

Аины не даютъ мнѣ покою цѣлый день; только что сяду что-нибудь дѣлать, непременно кто-нибудь изъ нихъ явится. Теперь пришелъ старикъ, усѣлся на полу у моего стола и сто разъ повторяетъ—«пори-джончи пирика», надѣясь получить за это рюмку рому. Я продолжаю писать, отвѣчая по временамъ: «пирика, пирика». — Такъ вотъ какъ устраиваются аинскія юрты: выкапывается квадратная яма аршина въ два глубины. Для составленія стѣнъ устанавливается корбасникъ (тонкій лѣсъ). Наклонъ стѣнъ довольно пологій, и потому крыша складывается изъ особыхъ деревьевъ, склоняющихся со всѣхъ сторонъ къ серединѣ; въ правой сторонѣ крыши оставляется отверстіе для дневного свѣта, остальное, кромѣ входа, засыпается все землею, такъ что зимою, когда нападеть много снѣгу, можно подойти къ отверстію служащему овошкюмъ, и оттуда смотрѣть внизъ во внутрь землянки. Передъ входомъ, или лучше сказать, спускомъ въ землянку устроиваются сѣни; входъ прикрывается досчатою

дверью, аршина $1\frac{1}{2}$ вышины и столько же ширины; дверь эта отодвигается, и сходятъ въ землянку по маленькому трапу. Внутри, стѣны юрты покрыты травяными циновками. Подлѣ дверей устроены каминъ, труба котораго выходитъ полого въ стѣну, не поднимаясь изъ-подъ крыши; для прохода дыма въ крышѣ надъ стѣнами оставлено отверстіе. Каминъ этотъ, сложенный изъ глины, достаточно большой, чтобы надвѣшивать надъ огнемъ большіе котлы. Тяга очень сильна, такъ что хотя дрова часто вытаскиваютъ совершенно почти изъ камина, дымъ все-таки почти весь выносится въ трубу. Впрочемъ, если бы и оставался дымъ въ юртѣ, то аиновъ онъ не можетъ беспокоить, потому что они сидятъ на полу, слѣд. всегда ниже полосы дыма. Земляная юрта (той тисе) обыкновенно строится нѣсколькими семьями вмѣстѣ. Всякій хозяинъ имѣетъ свой очагъ. Очаги эти фута въ $1\frac{1}{2}$ въ \square , устраиваются между столбами, поддерживающими крышу. На нихъ не кладутъ дровъ въ землянкахъ, а угли, и они служатъ не для согрѣванія, а для закуриванія трубокъ, которыя аины почти не выпускаютъ изъ рта. Въ землянкахъ довольно тепло, но за то духота невыносимая, въ особенности вечеромъ, когда отверстіе въ крышѣ закрывается. Меня усадили въ угловое отдѣленіе. Юрта, въ которой я остановился почевать, была одна изъ самыхъ большихъ. Мнѣ очень жаль было, что я не проѣхалъ къ юртѣ джанчина Хоракпунина: юрта его находилась еще версты $1\frac{1}{2}$ далѣе въ лѣсу. Усталость, разбитая парта и неизвѣстность, какъ именно близко находится жилище джанчина, принудили меня избрать первую попавшуюся юрту. Утѣшительный въ дорогѣ чай скоро былъ подавъ мнѣ, и я, разлегшись у очага на медвѣжьей шкурѣ, съ удовольствіемъ принялся за усладительный напитокъ для прозябшаго и усталаго путешественника. Ъзда на собакахъ, когда самъ каюришь (правишь), почти также утомительна какъ верховая. Легкая низенькая нарта прыгаетъ черезъ бугры и неровности дороги и даетъ непрерывно очень беспокойные толчки. Къ тому еще надо внимательно управлять ногами, чтобы неопрокинуться, да и смотреть за собаками, которыхъ каждая птица возбуждаетъ къ погонѣ. Аины окружили меня, съ любопытствомъ разсматривая весь мой дорожный препаратъ. Пріемъ же ихъ былъ вообще очень гостепріименъ. Гостепріимство есть необходимая черта быта народа, находящагося еще на низшей степени развитія. Невозможность брать съ собою достаточно пищи ни для себя, ни для собакъ, или какого-либо товару для платы за продовольствіе, заставляетъ дикарей, по необходимости, принять общепользительный обычай, по которому они находятъ вездѣ домъ и пищу. И такъ какъ аины

для ловли рыбы, промысловъ морскихъ звѣрей и проч. — постоянно всѣ находятся въ разбѣздахъ, то взаимное угощеніе никому не приходится въ ущербъ, а женщины остаются по всѣмъ куртамъ, управляютъ всѣ какъ бы общимъ хозяйствомъ. Во время чая пришелъ знакомый аинъ Сирибенусъ. Я тотчасъ угостилъ его виномъ и чаемъ, точно также какъ и всѣхъ аиновъ находившихся въ юртѣ. Сирибенусъ предложилъ мнѣ провожать меня до Тоопуги и обратно въ Томари. Я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе, и мы рѣшили рано утромъ выѣхать въ дорогу.

Напившись чаю, я легъ спать. Утромъ рано Сирибенусъ снова явился и привелъ двухъ своихъ собакъ, чтобы впречь въ наши нарты для ускоренія ѣзды, и сверхъ того взялъ часть нашего груза. Тотчасъ послѣ чая мы выѣхали. Сирибенусъ ѣхалъ на своихъ 5-ти собакахъ, которыя рвались, чтобы перегнать мою нарту. Я сказалъ ему, чтобы онъ ѣхалъ вперёдъ, и онъ понесся съ такою быстротою, что уставшія собаки мои скоро отстали отъ него на большое разстояніе. Дорога шла по рѣкѣ, названной Рудановскимъ Паратункю; она впадаетъ въ заливъ Тоопуги, цѣль моей поѣздки. Рѣка эта шириною сажень 15, течетъ параллельно морскому берегу. Къ устью она расширяется, образуя небольшое озеро соединяющееся съ заливомъ широкимъ, но мелкимъ каналомъ. Выѣхавъ изъ этого канала, мы направились поперекъ залива къ селенію Тоопуги. Заливъ былъ покрытъ довольно толстымъ льдомъ. Карта, сдѣланная Рудановскимъ заливу Тоопуги, кажется, вѣрнѣе картъ другихъ мѣстъ берега Анивы. Заливъ Тоопуги обширный и составляетъ почти вѣрный кругъ. Діаметръ его будетъ, по моему мнѣнію, около 4-хъ верстъ, южные берега гористы, сѣверные къ сторонѣ устья Паратунки низменны, такъ же и глубина увеличивается къ болѣе высокому берегу и уменьшается къ низменному. На горахъ южнаго берега есть хорошій лѣсъ. Въ заливъ впадаетъ, кромѣ Паратунки, еще одна рѣка у селенія Найкуру и нѣсколько маленькихъ рѣчекъ. По берегу находятся 4 селенія аиновъ — Тоопуги, Найкуру-Котанъ, Найпуру-Котанъ и Ёкуси. Первое и послѣднее я видѣлъ, къ другимъ же не подѣзжалъ.

Японцы имѣютъ на кошкѣ, ограничивающей съ сѣвера входъ въ заливъ, нѣсколько рыбныхъ сараевъ. Одна джонка ихъ, хотѣвшая войти въ заливъ, была выброшена на кошку и теперь тамъ лежитъ на боку. Съ тѣхъ поръ японскіе суда не входятъ въ заливъ и останавливаются въ морѣ сѣвернѣе входа. Переѣхавъ черезъ заливъ, мы выѣхали на берегъ и направились къ лѣсу, гдѣ находились аинскіе землянки. Оставивъ Дьячкова

въ юртѣ у джанчина готовить обѣдъ, я пошелъ съ проводникомъ айномъ осмотрѣть входъ въ заливъ съ моря. У самаго того мѣста, гдѣ заливъ суживается, чтобы влиться каналомъ въ море, стоятъ лѣтнія юрты селенія Тоопуги; ихъ кажется не болѣе 4-хъ, какъ и вообще во всѣхъ селеніяхъ айнскихъ. Пройдя юрты, я вышелъ къ самому каналу и, пробираясь по наносному льду, прошелъ до низменнаго мыса, отъ котораго низменный берегъ поворачиваетъ на югъ, и составляющаго окончность канала. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по каналу теченіе не дало установиться льду, оставивъ большіе промоины, покрытыя стадами утокъ. Теченіе такъ быстро, что видно было какъ утки съ трудомъ плыли противъ него. Я полагаю, что каналъ этотъ могутъ только пароходы проходить безопасно. Море у Тоопуги не замерзаетъ, только отдѣльныя льдины носятся по немъ. На одну изъ этихъ льдинъ спустился довольно большой орелъ, грозный врагъ морскихъ птицъ. На обратномъ пути я встрѣтилъ двухъ лисицъ. Онѣ отбѣгали отъ насъ, но не въ дальнемъ разстояніи спокойно сажались и безбоязненно смотрѣли на насъ.

Возвратясь въ юрту, я нашелъ тамъ походный обѣдъ мой готовымъ. Юрта была полна народомъ. Угостивъ всѣхъ чаемъ, давъ въ подарокъ джанчину одинъ шерстяной узорчатый платокъ, я поѣхалъ обратно въ Хорахпуни, захавъ по дорогѣ въ селеніе Ёбуси къ знакомому мнѣ айну. Когда мы пріѣхали въ Хорахпуни въ юрту джанчина, было еще свѣтло. Джанчинъ, красивый и важный старикъ съ длинною сѣдою бородою и греческимъ носомъ — принялъ меня съ выраженіемъ радости. Мнѣ отвели уголь подлѣ мѣста джанчина, но у особаго очага. Въ юртѣ этой не было такъ тѣсно, а потому и воздухъ былъ немножко почище. Вечеромъ всѣ айны собрались въ юрту, и мы начали пить чай. Женщины не участвуютъ въ угощеніи. На нихъ лежитъ обязанность готовить кушанье, подавать его, подкладывая безпрестанно угли на очаги и заниматься дѣтьми. Между послѣдними былъ одинъ преинтересный мальчикъ лѣтъ 2-хъ. Онъ, по обыкновенію, былъ совершенно голый. Я заставилъ мальчишку лѣтъ 10-ти играть на инструментѣ, похожемъ на нашу гитару. Голый ребенокъ, услышавъ музыку, началъ танцовать, прихлопывая тактъ маленькими рученками своими. Музыкантъ мой наигрывалъ довольно однообразную мелодію. Инструментъ его, какъ я сказалъ, похожъ на гитару, только сверху до низу ровную, верхка въ 3, безъ расширенія книзу, какъ у гитары. Пять струнъ натянуты какъ на гитарѣ, но такъ далеко отъ дерева, что нажимать ихъ нельзя для возвышенія тоновъ и

потому на инструментѣ этомъ играютъ какъ на арфѣ,—одною рукою снизу, другою сверху.

Намѣреваясь выѣхать на слѣдующій день съ разсвѣтомъ, я рано улегся спать. На другой день, при прощаньи, я роздалъ подарки, давъ джанчину Хорахпуни кусокъ дабы. Знакомому джанчину Найтуни, къ которому я, проѣхавъ его домъ, не заѣхалъ, не зная что онъ ему принадлежитъ, а за которымъ я изъ Хорахпуни посылалъ нарту, чтобы привезти его, я далъ хорошій большой шерстяной платокъ. Остальнымъ аинамъ и аинкамъ я роздалъ пуговицы и ножи. Между аинками я уже прежде замѣтилъ одну молоденькую красивую дѣвушку лѣтъ 15-ти. Подойдя къ ней, чтобы отдать ей пуговицу, я засталъ ее съ накинутою только на плечи шубою, такъ что вся передняя часть тѣла отъ головы до ногъ была открыта. Она, нисколько не закрываясь, протянула руку, чтобы принять пуговицу. На возвратномъ пути я заѣзжалъ завтракать и обѣдать въ селенія Иноскамоной и Хувуй-Котанъ. Въ послѣднемъ я встрѣтилъ 2-хъ японцевъ, ѣхавшихъ въ Читсани. Къ 4-мъ часамъ я приѣхалъ въ Томари.

7-го числа, воротились охотники наши въ постъ. Олени перешли черезъ хребты, гдѣ нѣтъ никакого жилья, и потому охоту пришлось прекратить. Мы имѣли теперь свѣжаго мяса до половины мая. Казака Томскій, бывший старшимъ надъ охотниками, принесъ мнѣ книжку изъ японской бумаги, исписанную японцемъ русскою азбукою и нѣсколькими фразами. Томскій полагаетъ, что такихъ книгъ можно нѣсколько найти въ японскомъ домѣ въ Туотогѣ. Слышалъ уже разъ отъ аина, что какое-то судно было разбито у береговъ Сахалина, противъ селенія Сиретоку, и что трое изъ матросовъ спаслись и что онъ полагаетъ, что это были русскіе. Ихъ отправили, по словамъ его, на Мацмай. Попавшаяся Томскому азбука ясно показывала, что она была составлена подъ руководствомъ русскаго. Надѣясь что-нибудь открыть о судьбѣ спасшихся матросовъ и о томъ, что можетъ быть они дѣйствительно были русскіе, я хочу сдѣлать всевозможные розыски. При этомъ случаѣ надо тайно дѣйствовать отъ японцевъ, потому что если попавшіеся къ нимъ русскіе оставлены въ плѣну, то конечно они постараются помѣшать мнѣ въ моихъ розыскахъ. Поэтому я, ничего не говоря имъ, хочу съѣздить въ Туотогу и разсмотрѣть находящіяся тамъ бумаги. Болѣе внимательно разспрашивая аиновъ, я услышалъ отъ нихъ слѣдующій разговоръ.

Шесть лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, большое трехмачтовое судно подошло къ селенію Сиретоку и высадило трехъ

человѣкъ. Люди эти вошли въ лѣсъ и долго не возвращались. Съ корабля палили изъ пушекъ. Прождавъ одинъ день, корабль ушелъ, а трое матросовъ остались на Сахалинѣ. Одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ какъ русскій матросъ и имѣлъ бѣлье изъ холста, двое другихъ не были похожи на него ни лицомъ, ни одеждою, и имѣли вязанные подштанники. Волосы перваго были чернаго цвѣта и такъ же подстрижены какъ у нашихъ матросовъ, у другого — длинные и въ кружокъ, а у третьяго — курчавые, съ приборомъ на боку, и довольно коротко подстриженные. Возвратясь въ селеніе Сиретоку, они остались жить въ юртѣ у джанчина. Японцы, находившіеся въ Тоопуги, услышали о случившемся и дали знать въ Томари, къ своему джанчину. Тотъ пріѣхалъ въ Сиретоку на лодкѣ и взялъ пришлецовъ къ себѣ въ лодку и отвезъ въ Томари. Оттуда они были отправлены въ Сирануси и жили у тамошняго старшины. Одинъ японецъ учился языку у матроса, у котораго была дудка. Люди эти были въ то же лѣто увезены японцами на Мацмай, а японецъ, учившійся языку, остался на Сахалинѣ и жилъ въ Лютогѣ. Когда нашъ десантъ началъ входить въ Томари, то онъ, съ другими японцами, уѣхалъ на Мацмай. По словамъ аина, у котораго жилъ казакъ Томскій, русская азбука писана была этимъ же японцемъ. Итакъ, надо полагать, что изъ оставшихся на Сахалинѣ трехъ человѣкъ съ корабля одинъ былъ навѣрно русскій, а вѣроятно и двое другихъ были изъ нашихъ. Нужно будетъ заставить нѣсколько аиновъ рассказать этотъ случай, чтобы убѣдиться въ справедливости подробностей его.

Сегодня приходитъ ко мнѣ японецъ Асануя. Мы напились съ нимъ чаю, разговаривая про приходъ судовъ. Онъ меня спросилъ, въ которомъ мѣсяцѣ придутъ суда русскія. Я отвѣчала, что не знаю, что суда наши придутъ тогда, когда очистится заливъ отъ льда; что я слышала, что въ апрѣлѣ (Кіучно) нѣтъ льдовъ совсѣмъ, что тогда въ этомъ мѣсяцѣ придутъ и тѣ суда наши, которыя зимуютъ близъ Японіи, на Бонѣ-Симѣ. Онъ спрашивалъ то же, далеко ли поѣхалъ Самаринъ. Я сказала, что если дорога хороша, то онъ поѣдетъ въ русскую землю отвести карты Сахалина и другія бумаги.

Завтра, рано утромъ отправлюсь непременно въ экспедицію въ Туотогу развѣдать о русскихъ, попавшихся въ плѣнъ въ японцамъ.

X.

10-го февраля.—Третьяго дня, въ 6-ть часовъ утра, я поѣхалъ въ Туотогу, находящуюся отъ нашего поста (Муравьевскаго) верстахъ въ 25-ти. Я отдѣлилъ отъ рабочихъ собакъ семь лучшихъ для легковой ѣзды. Изъ нихъ 6-ть собакъ запрягли въ мою нарту, а одну отдали айну (туземцу), который провожалъ меня и везъ урядника Томскаго, назначеннаго мною сопровождать меня. Они выѣхали на 10-ти собакахъ. Я взялъ съ собою провизіи на двое сутокъ, такъ что почти все уложилось въ мой погребецъ. Какъ жаль, что мнѣ не удалось вывезти изъ Петербурга погребецъ, подаренный мнѣ Карломъ. Я хоть не видалъ его, но увѣренъ, что онъ устроенъ съ большими удобствами. Духовая подушка, подаренная мнѣ Иваномъ Богдановичемъ (?) сопровождаетъ меня во всѣхъ моихъ путешествіяхъ. Этотъ разъ, въ отношеніи скорости ѣзды, моя поѣздка была очень удачна. Я понесся съ необычайною быстротою, такъ что, пріѣхавъ въ селеніе Сусую, находящееся отъ насъ верстахъ въ 10-ти, я остановился, привязалъ собакъ и зашелъ въ юрту дожидаться отставшихъ отъ меня проводниковъ. Отдохнувшія собаки мои прекрасно везутъ, и я надѣюсь болѣе не отставать отъ айновъ. Отъ селенія Сусуи дорога идетъ по замерзшему заливу. Подѣхавъ къ устью рѣки, я увидѣлъ множество айновъ, ловащихъ камбалу. Я остановился посмотреть. Для ловли этой прорубаются небольшія проруби въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, вливаясь въ заливъ, имѣетъ отмели. Ловецъ имѣетъ свою особенную прорубь и палку, у которой въ одинъ конецъ вбиты два гвоздя, въ расходящемся направленіи. Эту палку онъ опускаетъ въ прорубь и, закрывшись отъ свѣта ивовыми вѣтками, пристально смотритъ въ воду. Скоро глазъ, привыкнувъ къ темнотѣ, различаетъ ясно плавающихъ рыбъ; когда широкая и плоская камбала подойдетъ подъ прорубь, ловецъ пронзаетъ ее гвоздями, придавливая къ дну рѣки. Расходящіеся гвозди крѣпко удерживаютъ рыбу въ то время, когда ее вытаскиваютъ на ледъ. Въ настоящее время все населеніе Анивы питается камбалою, добываемою на Сусуѣ. Проѣхавъ далѣе версты двѣ, я выѣхалъ на берегъ, потому что заливъ отъ Сусуи до мыса Крильона не покрывается льдомъ. Берегъ отъ рѣки Сусуи до Туотоги низкій и покрытъ небольшимъ лѣсомъ; низкій берегъ продолжается и далѣе Туотоги, не знаю только до которыхъ мѣстъ. Пріѣхавъ въ селеніе Туотогу, я остановился въ куртѣ проводника моего, называющагося джанчиномъ Туотоги.

Селеніе это, какъ я увидѣлъ, состоитъ изъ трехъ юртъ. Юрта моего проводника принадлежитъ къ числу самыхъ небольшихъ и потому наиболѣе удобныхъ, потому что маленькія юрты всегда менѣ дымны. Ъзда на собакахъ прекрасно возбуждаетъ аппетитъ, и потому я тотчасъ же по прїѣздѣ велѣлъ сготовить на скорую руку мой дорожный обѣдъ — кусокъ оленины, рисъ и чай. Кончивъ обѣдъ, я пошелъ, въ сопровожденіи казака Томскаго и хозяина аина, осматривать рѣку Туотогу. Дойдя по берегу залива до устья рѣки, мы надѣли лыжи. Я довольно хорошо научился ходить на лыжахъ. Рѣка была покрыта льдомъ до самаго устья, но заливъ былъ чистъ отъ льда. Одинъ аинъ прїѣхалъ на лодкѣ изъ селенія Мауки на Татарскомъ берегу, вѣругъ мыса Крыльона до самой рѣки Сиретоки. Это пространство всегда чисто, рѣдко только отдѣльныя льдины приносятся къ нему на короткое время. Поэтому судно, въ особенности паровое, зимую въ Маукѣ или Тахмакѣ, можетъ имѣть круглый годъ открытую навигацію. — Мы пошли вверхъ по рѣкѣ. Я имѣлъ съ собою карманный компасъ, съ помощью котораго и обозначалъ направленіе теченія. Мы поднялись верстъ 6-ть по рѣкѣ, когда солнце уже стало низко опускаться. Мы пошли обратно въ селеніе, но уже не по рѣкѣ, а по кратчайшему пути, черезъ лѣсъ. Рѣка Туотога имѣетъ въ устьѣ сажень до 70-ти ширины, но скоро она суживается и на протяженіи, которое я прошелъ, ширину ея можно положить въ разныхъ мѣстахъ отъ 15 до 30 сажень. По словамъ аина, глубина фарватера моря при устьѣ рѣки до 4-хъ сажень (ручныхъ), устье рѣки 3 сажени, выше — отъ 2-хъ до 3-хъ саж. Итакъ, рѣка эта вполне удобна для судоходства судовъ малаго ранга. Японскія джонки входятъ въ рѣку для ловли рыбы. Но къ сожалѣнію теченіе рѣки очень извилисто. Правда, что это неудобство уменьшается тѣмъ, что сильныхъ вѣтровъ почти никогда не бываетъ въ этой части острова, что видно по прямизнѣ деревьевъ, верхушки которыхъ даже при устьѣ рѣки нисколько не склонились, какъ это бываетъ на деревьяхъ, растущихъ по берегамъ моря въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуютъ сильныя вѣтры. Наши охотники, жившіе полтора мѣсяца на Туотогѣ, сказывали, что у нихъ почти не было вѣтряной погоды, между тѣмъ какъ у насъ, въ Томари, не проходило трехъ дней безъ вѣтру. Берега Туотоги не высоки и покрыты хорошимъ лѣсомъ (кромѣ устья). Дубъ, береза, кедръ, ель и пихта составляютъ главнѣйшіе роды его. На одномъ мысу, образуемомъ колѣномъ рѣки, я видѣлъ сплошную рощу дуба, но нельзя сказать, чтобы ростъ его былъ хорошъ, Хребетъ горъ, тянущійся нѣсколько верстъ вдоль берега Анивы

отъ мыса Крильона, поворачиваетъ, не доходя до рѣки Туотоги, во внутрь острова, куда онъ тянется сопровождая Туотогу, то приближаясь къ ней версты на три, то опять отходя. Во время осмотра рѣки, мнѣ удалось съ одного мѣста ея ясно усмотрѣть, что хребетъ этотъ очень близко подходитъ къ хребту, тянущемуся по лѣвому берегу рѣки Сусуи, отъ устья ея съ берега залива, точно такъ же какъ и горы западнаго берега Анивы и р. Туотоги, такъ что двѣ эти рѣки, находясь въ равнинѣ между двумя хребтами, какъ я сказалъ, близко сходящимися, должны непремѣнно, тоже въ одномъ мѣстѣ, течь въ очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга. На разпросы мои у аина, онъ подтвердилъ мое убѣжденіе, сказавъ, что у ближайшаго селенія есть короткій перевозъ по Сусую. Во время ходьбы нашей по Туотогѣ, разгоряченные уже сильно нагрѣвающимъ солнцемъ и скоростью ходьбы, мы почувствовали всѣ трое большую жажду. Аинъ намъ сказалъ, что близко находится ручей, впадающій въ рѣку, вода котораго считается японцами цѣлительною. Придя къ этому ручью, мы напились изъ него. Не знаю, цѣлительна ли вода, но очень хороша на вкусъ, и чиста. Мы воротились въ юрту порядочно усталые. Аинъ намъ все повторялъ: русскій много ходитъ! Вообще, любящіе покой, аины очень удивляются нашимъ обычаямъ и образу жизни. Поѣздки въ дурную погоду, по дурнымъ дорогамъ большими разстояніями, безъ отдыховъ, во время осмотра страны, всегда казались имъ удивительными. Напившись чаю съ невыразимымъ удовольствіемъ, я началъ свои наблюденія надъ собравшимся обществомъ аиновъ. Хозяинъ юрты—трудолюбивый аинъ (значить рѣдкій); жена его, молодая женщина довольно пріятнаго лица и очень веселаго нрава. Познакомившись хорошо съ казакомъ Томскимъ, она шутила съ нимъ и много смѣялась, когда онъ, отвѣчая ей, дѣлалъ ошибки въ словахъ. Въ этой же куртѣ живетъ старуха, должно быть мать жены хозяина, или его самого. Аины почему-то не объясняютъ охотно родство свое и потому имъ нельзя въ этомъ вѣрить. Впрочемъ, и во всемъ они безсовѣстно лгутъ. Старуха очень уродлива, въ особенности отвисшія толстыя губы, намазанныя синею краскою, даютъ ей страшное и отвратительное выраженіе. Я недавно узналъ, какъ аинки даютъ губамъ своимъ синій цвѣтъ. Онѣ надрѣзаютъ ихъ ножемъ во многихъ мѣстахъ, а потомъ натираютъ углемъ или сажею. Кожа принимаетъ тотчасъ синій цвѣтъ. Когда помазаны собственно однѣ только губы, то это еще не такъ гадко, но большею частью и часть лицевой кожи, окружающей губы, тоже окрашена, и очень неровно и неправильно. Старуха эта удив-

ляла меня стоическимъ молчаніемъ и неподвижностью, и что удивительно, что при отсутствіи всякаго движенія она могла почти все время ѣсть. Это есть общая привычка айновъ, — они вдругъ не ѣдятъ много, но почти каждый часъ возобновляютъ ѣду. При способѣ ихъ жизни, т.-е. бездѣйствіи, подобная привычка есть необходимость имѣть какое-нибудь занятіе, оттого и непрерывное куреніе табуку такъ распространено между ними.

Я легъ спать очень рано, и потому проснулся ночью и не могъ болѣе заснуть. Поправивъ костеръ, я придвинулся къ нему, чтобы согрѣться. Не имѣя часовъ, я не зналъ, сколько осталось времени до разсвѣта. Наскучивъ сидѣть ничего не дѣлая, я разбудилъ своего казака и велѣлъ готовить чай. Аинъ то же проснулся. Мы напились чаю, но разсвѣтать не начинало. Томкій спросилъ аина, сколько осталось до разсвѣта; тотъ вышелъ изъ юрты посмотреть небо, и возвратившись показалъ руками семь сажень, какъ они мѣряютъ дабу и проч. Меня очень позабавилъ этотъ способъ измѣренія времени, въ которомъ я конечно ничего ни понялъ. Послѣ чаю сонъ началъ клонить меня, и я снова уснулъ. Скоро послѣ разсвѣта, я всталъ и тотчасъ снарядился въ дорогу. Въ 10-мъ часу утра я пріѣхалъ въ Томари. Во время пребыванія моего въ Туотогъ, я снова разспрашивалъ про русскихъ, бывшихъ на Сахалинѣ. Аинъ разсказалъ мнѣ, что передъ прошедшее лѣто пріѣхали на лодкѣ четверо русскихъ, такъ же одѣтыхъ, какъ наши матросы, что никто не знаетъ, откуда они пріѣхали, что японцы ихъ отвезли на Мацмай. Этотъ разсказъ навелъ меня на мысль, что можетъ быть это были матросы, бѣжавшіе изъ Петровскаго; постараюсь разъяснить это дѣло.

Еще разсказалъ мнѣ тотъ же аинъ про дурной поступокъ съ нимъ Хойры (также аинъ). Когда онъ пріѣхалъ въ Томари съ тѣмъ, чтобы на другое утро ѣхать со мною въ Туотогу, онъ остановился, какъ и прежде дѣлывалъ, ночевать у насъ въ 3-й казармѣ. Хойра тѣмъ же спалъ. Послѣдній легъ спать, а пріѣхавшій аинъ разговоривалъ еще съ казакомъ Крупенинымъ. Увидѣвъ на стѣнѣ казацкія сабли, онъ попросилъ показать ихъ и спросилъ, когда и какъ Крупенинъ надѣваетъ ее на себя. Тотъ довольно глупо привелъ въ примѣръ, что если бы джанчинъ приказалъ воевать съ японцами, то онъ бы надѣлъ саблю и пошелъ бы сражаться. На другой день Хойра пошелъ въ домъ японцевъ и разсказалъ, что аинъ изъ Туотоги говорилъ въ русской казармѣ, что хорошо бы ихъ саблями перебить японцевъ. Японцы, всегда принимавшіе хорошо этого трудолюбиваго аина, услыхавъ этотъ разсказъ, приняли его холодно, когда онъ за-

шелъ къ нимъ; онъ спросилъ айновъ, не знаютъ ли они причину, и тѣ передали ему, что Хойра виновникъ этому. Рассказавъ мнѣ это, онъ просилъ меня, чтобы я принялъ участіе въ его дѣлѣ. Возвратившись домой, я тотчасъ послалъ Дьячкова къ японцамъ рассказать какъ было дѣло, а Хойру, сознавшася въ своей винѣ, выгналъ изъ своего дома, не велѣвъ приходить ко мнѣ, но давъ впрочемъ ему въ видѣ жалованья за февраль мѣсяцъ (онъ ежемѣсячно получалъ отъ меня одинъ рубль серебр., кромѣ гривенниковъ, которые выпрашиваетъ у меня какъ увидитъ) табаку. Японцы, казалось, повѣрили Дьячкову и относясь съ похвалами объ аинѣ, обѣщали по прежнему хорошо принимать его. Аинъ этотъ мнѣ нравится тѣмъ, что онъ прямо высказываетъ, что онъ желаетъ работать и служить и русскимъ и японцамъ, что дѣйствительно и дѣлаетъ.

18-го числа, я далъ шабашъ людямъ по случаю масляницы. Самъ же я въ этотъ день отправился прогуляться на рѣку Пуруанку, впадающую въ сосѣднюю бухту Пуруанъ-Томари. Я отправился на лыжахъ съ Томскимъ, съ полнымъ охотничьимъ приборомъ и съ подрастающей моею собакою Соболькою. Мы пошли прямо черезъ горы и послѣ крутыхъ и высокихъ спусковъ и подъемовъ, гдѣ я нѣсколько разъ упалъ, достигли наконецъ рѣки и пошли вверхъ по ней. Она течетъ по долинѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открытой отъ лѣсу, около версты шириною. Въ верстахъ 4-хъ отъ устья она такъ суживается, что образуетъ только ручей. По долинѣ растетъ лѣсъ довольно хорошій. Направленіе долины къ NO. Слѣды лисицъ, росомахъ, кабарги, бѣлокъ, зайцевъ видны по всѣмъ направленіямъ. Во 2-мъ часу я воротился домой. Послѣ обѣда я вспомнилъ, что наканунѣ былъ день рожденія брата Владиміра. Да проститъ меня онъ, что, не имѣя интереса слѣдить за временемъ и числами, я позабылъ и о днѣ его рожденія. Вспомнивъ это, я велѣлъ подать вино, выпилъ за здоровье его рюмку вина, и выдалъ по рюмкѣ вина служащимъ у меня въ домѣ.

19-го. — Сегодня пріѣхали въ Томари 5 самогировъ. Они привезли изъ Петровскаго зимовья отъ Г. И. Невельскаго записку въ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ сказано, чтобы принять ихъ хорошо и угостить. Вотъ все, что я получилъ съ такъ нетерпѣливо ожидаемою почтою, которую мнѣ Невельской обѣщала непременно послать изъ Петровскаго зимовья. Кромѣ Невельскаго, никто не писалъ. Самогирь эти встрѣтили въ Сарѣ-Моуѣ Самарина, который благополучно выѣхалъ оттуда далѣе и не далъ о себѣ никакого письменнаго извѣстія. Самогирь, судя по ихъ наружности, должны принадлежать къ монгольскому племе-

ни. Живутъ они по Амуру и его притокамъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ немного по-аински. Они прѣзжаютъ обыкновенно торговать въ Сирануси. Въ Кусунъ-Катанѣ (берегъ Анивы) они, разумѣется, въ первый разъ, потому что сюда имъ не позволено было ѣздить. Самогиры заплетаютъ волосы въ косы, какъ гиляки; носятъ серьги и манжурскіе кафтаны. Одинъ только изъ нихъ былъ одѣтъ въ собачью шубу. Они прѣехали на 45-ти собакахъ. Я ихъ помѣстилъ жить въ казармѣ, расположивъ ихъ около чувала у огня, ихъ божества. Кормить ихъ не затруднительно, но съ собаками ихъ не знаю, что дѣлать. Они ходили къ японцамъ, которые сначала-было очень недружелюбно приняли ихъ, имѣя запрещеніе принимать вообще ихъ; но прочитавъ письмо отъ японца Яма-Мадо, встрѣтившагося на дорогѣ съ самогирами, Мару-Яма выслалъ къ нимъ Асаную, и тотъ обласкалъ ихъ и сказалъ въ извиненіе, что джанчинъ японцевъ не приказываетъ принимать ихъ зимою въ Кусунъ-Катанѣ для того, чтобы они ѣздили лѣтомъ въ Сирануси торговать съ нимъ.

23-го. — Вчера уѣхали самогиры обратно въ Петровское. Я послалъ съ ними карты всѣхъ осмотрѣнныхъ береговъ и карту залива Невельского-Идунка и письмо на имя Невельского. Я спрашивалъ самогировъ о времени очищенія отъ льда «Императорской гавани». Они говорятъ, что въ 1-й половинѣ марта уже гавань будетъ чиста, только по берегамъ останутся промой. Если это правда, то суда стоящія тамъ могутъ придти въ одно время съ японскими, если капитаны ихъ не упустятъ времени, что было бы непростительно. Но я думаю, что показаніе самогировъ несправедливо — не можетъ быть, чтобы подъ 49 град. и на азиатскомъ восточномъ берегу ледъ расходился въ одно время какъ въ бухтѣ залива Анивы. У насъ уже началась весна. Солнце сильно грѣетъ и снѣгъ быстро сходитъ.

Когда я пишу эти строки—6 час., изъ моего окошка видно, какъ блестящее, яркое солнце тихо спускается за горы западнаго берега залива, освѣтивъ тысячью цвѣтами тихія неподвижныя воды моря. Прекрасное зрѣлище!

24 числа уѣхалъ Рудановскій для осмотра Ю.-В. берега Сахалина. Если погода позволитъ ему составить хорошую карту тѣхъ береговъ, то это будетъ очень пріятно, потому что мы тогда будемъ имѣть большую карту всего Аину-Катана. Но какъ эту новую опись уже я не успѣю сообщить къ Невельскому, то ее можно бы было безвредно оставить до прихода судовъ, когда у насъ будетъ болѣе средствъ, и даже это сдѣлать было бы полезно, потому что тогда у насъ было бы еще 8 собакъ свободныхъ, которыхъ хоть я назначилъ собственно для развѣздовъ

и легкой ѣзды, но при необходимости поспѣшить работами, въ особенности доставкой льда, я конечно употребилъ бы ихъ въ работу.

На конецъ я получилъ письма отъ Самарина и даже три вдругъ. Онъ благополучно доѣхалъ до гилакского селенія Тамо, откуда по переѣздѣ черезъ Татарскій проливъ осталось только 5 сутокъ ѣзды. Изъ Тамо онъ писалъ отъ 5-го февраля и потому надо полагать, что въ половинѣ февраля онъ пріѣдетъ въ Петровское, а если его тамъ не задержатъ, то онъ еще можетъ возвратиться по зимнему пути.

Посѣщенія айновъ рѣшительно вывели меня изъ терпѣнія; съ ранняго утра до вечера, одинъ за другимъ приходятъ ко мнѣ, и для чего—для того, чтобы сѣсть на полу и глазѣть на меня и на комнату. Не умѣя обращаться съ дверьми, они оставляютъ ихъ растворенными, не понимая того, что простудить комнату есть какое-нибудь неудобство. Двери у перегородки сдѣланы съ ручками и задвижками. Не умѣя открыть ихъ, они долго возятся, наконецъ волею неволею приходится вставать, чтобы открыть дверь. Прошу покорно заняться чѣмъ-нибудь. Вотъ и теперь два дурака сидятъ на полу и глазѣютъ. Я, конечно, не обращаю вниманія на нихъ, потому что если со всякимъ разговаривать, такъ не достанетъ ни силъ, ни терпѣнія. Единственное средство отдаляться отъ нихъ, это уходить изъ дому и бродить безъ цѣли по двору. Необходимо надо имѣть домъ въ нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ одну назначить собственно для этихъ несносныхъ гостей, устроивъ въ ней каминъ, которые бы вытягивали вонъ махорки.

Сетокуреро провожалъ Самарина до Тарайки и теперь пріѣхалъ сюда, чтобы получить подарки и привезти письмо. Въ этотъ разъ съ нимъ пріѣхало менѣе айновъ. Но за то ихъ много собралось для работъ у японцевъ; ихъ-то визиты и докучаютъ мнѣ.

4-е марта. — Вчерашній день опять прошелъ въ приемѣ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ айновъ. Первые являются съ словами: «чокой огнанъ, чокой котанъ, орики джанче мевура!» вторые—«чокой танто арики, джанче нукура, чокой орики джанче сарамна!» Эти прощанія и поклоны имѣютъ всегда одну и ту же цѣль, — выпросить рюмку вина или папушу табаку. Скоро ли Богъ поможетъ мнѣ оставить отечество несноснѣйшихъ айновъ.

5-го или 6-го числа Рудановскій возвратился съ поѣздки на берегъ Охотскаго моря (Арутора). Онъ рассказываетъ, что въ селеніяхъ въ Аруторо у айновъ голодъ. Отъ японцевъ я узналъ, что въ Сирануси и Малѣ то же голодъ. Японцы отправили

туда своего эконома для выдачи айнамъ рису изъ маукинскихъ магазиновъ. Когда разойдется ледъ, они хотятъ послать изъ Томари на лодкахъ *ероки* (сушеная рыба) и рисъ. Въ Аруторо поѣхалъ аинъ Испонку разузнать о состояніи тамошнихъ селеній. Я приказалъ ему сказать айнамъ, которые не имѣютъ пищи, пріѣхать къ русскимъ, и что мы имъ даромъ выдадимъ крупы и гороху. Аины говорятъ, что у нихъ бываетъ ежегодно голодъ потому, что лѣтомъ японцы ихъ сгоняютъ на работы, такъ какъ для собственнаго запаса рыбы на зиму некому работать. А платы же за лѣтнюю работу даютъ только по одному халату, по двѣ малыхъ чашки рису и 2 папуши табаку да боченокъ водки. Зимой же, табакъ и вино они покупаютъ отъ японцевъ за пушной товаръ. Если это справедливо, то обращеніе японцевъ безчеловѣчно. Къ сожалѣнію, нельзя положиться на слова айновъ, и потому узнать вполне, какъ именно японцы дѣйствуютъ, можно только изъ собственныхъ наблюденій. Сирибенусъ говорилъ мнѣ, что когда японцевъ еще не было на Сахалинѣ, то аины промышляли китовъ, но что теперь японцы считаютъ китовъ своею собственностью и не даютъ промышлять ихъ лѣтомъ айнамъ; осенью, когда выбрасываетъ иногда убитыхъ китобоями китовъ, они берутъ все себѣ, ничего не давая айнамъ.)

Съ японцами мы теперь все болѣе и болѣе сближаемся. Они совершенно убѣдились въ томъ, что мы не хотимъ отпимать у нихъ ихъ промышленности на Сахалинѣ и что присутствіе наше только имѣетъ вліяніе на ихъ отношенія къ айнамъ. Еслибы правительство ихъ не вмѣшалось въ дѣйствія японцевъ на Сахалинѣ, то вѣроятно они скоро сдружились бы съ русскими и оставили въ покоѣ айновъ, производя работы только своими работниками съ Мацмая. Конечно, имъ было бы жаль потерять свое господство надъ землею и жителями, но выгоды торговли съ русскими вознаградили бы позже эту потерю. Я полагаю, что еслибы русскіе пришли въ качествѣ рыболововъ на Сахалинъ, объявивъ японцамъ, что, имѣя нужду въ рыбѣ и считая Сахалинъ непринадлежащимъ Японіи, они будутъ заниматься рыбными промыслами такъ же, какъ японцы, то это не такъ испугало бы ихъ правительство. Но занятіе военной страны, угрожая ихъ другимъ колоніямъ на Итурунѣ и Кунамарѣ, уже должно быть для Японіи слишкомъ важнымъ происшествіемъ, чтобы правительство ея не припало серьезно участія въ немъ. — На этихъ дняхъ у меня былъ въ гостяхъ Яма-Мадо и Асануя и мы рассказывали другъ другу объ обычаяхъ нашихъ краевъ. Я спросилъ ихъ, видѣли ли они своего императора, они отвѣтили, что нѣтъ, что если простой че-

ловѣкъ на него посмотреть, то потеряетъ зрѣніе. Императора носятъ въ закрытыхъ носилкахъ, окружаютъ стражами, которые разгоняютъ народъ. Вельможи имѣютъ доступъ къ императору. Императоръ имѣетъ нѣсколько женъ. Въ жены онъ беретъ дочерей вельможь своихъ. Сыновья его женятся на дочеряхъ то же знатныхъ людей, а дочери выходятъ замужъ за владѣтельныхъ князей. — На этихъ же дняхъ я опять выслушалъ разсказъ о русскихъ пришельцахъ на Сахалинъ и о разбившемся американскомъ китоловномъ суднѣ около Сирануси, въ 1848-мъ году. Съ послѣдняго спаслись десять человекъ, между которыми были и негры. Нужно будетъ сообщить объ этомъ американцамъ, чтобы они выручили своихъ соотечественниковъ, которыхъ, по словамъ айновъ, японцы увезли на Мацмай. Про русскихъ, кажется, можно вѣрно сказать, что они пришли на Сахалинъ лѣтомъ, въ 1849-мъ году. Въ которомъ году пропалъ безъ вѣсти «Курилъ» — можетъ быть, это были спасшіеся съ него люди.

8-го марта. — Сегодня утромъ, въ 9-мъ часу, произошелъ несчастный случай у насъ на работахъ. При установкѣ тына между моимъ домомъ и 3-ей казармой, упало четыре бревна на урядника Томскаго и сильно ушибло его. Благодаря Бога, кажется ушибъ не опасенъ. Я хотѣлъ во вторникъ уѣхать въ Тунойчу посмотреть па озеро, но отложилъ до среды, чтобы выждать первыя слѣдствія ушиба Томскаго. Ему лучше и потому я выѣхалъ въ среду, въ 5-мъ часу утра. Я взялъ съ собою Дьячкова. Въ двѣ наши нарты запрягли мы десять собакъ, по пяти въ каждую. Моя нарта, составленная изъ выбранныхъ лучшихъ собакъ, неслась съ необычайною быстротою. Дьячковъ постоянно отставалъ. Въ Кусунъ-Катанѣ я зашелъ къ знакомому айну Омаска. Выкуривъ сигару, поѣхалъ далѣе. Дорога отъ Кусунъ-Катана до Гинесота очень дурна; она идетъ по разломавшемуся льду на взморьѣ. Приходится безпрестанно перепрыгивать съ нартою съ льдины на льдину. Длинна нарть очень способствуетъ къ этого рода ѣздѣ. Въ Гинесотѣ пріѣхалъ въ 11-мъ часу. Остановился обѣдать въ юртѣ у слѣпого старика. Пообѣдавъ, выѣхалъ далѣе въ сопровожденіи айна, напросившагося провозжать меня. Дорога поворачиваетъ у Гинесота къ сѣверу и идетъ сначала черезъ лѣсъ, а потомъ выходитъ къ озеру Гинесото; переѣхавъ его, мы опять въѣхали въ лѣсъ, а изъ него снова на озеро, которое гораздо болѣе озера Гинесота; за этимъ озеромъ дорога опять углубляется въ лѣсъ, изъ котораго уже выходитъ на большое озеро Тунайго. Это озеро имѣетъ версть 40 въ окружности и лѣтомъ должно быть чрезвычайно живописно. Высокія горы, небольшія долины лѣса

окружаютъ его цѣпью прекрасныхъ видовъ; переѣздъ съ озера къ берегу моря очень короткій. Я подѣхалъ къ юртамъ селенія Тунайго при закатѣ солнца. Сдѣлавъ переѣздъ около 70-ти верстъ, я порядочно замучилъ и себя и собакъ. Ъзда на собачьей нартѣ, по дурной дорогѣ, не многимъ спокойнѣе верховой. Землянка, въ которой я остановился, очень душная и дымная, расположена въ лѣсу. Тутъ я узналъ, что по всему охотскому берегу айны голодуютъ, но однако голодъ не такъ силенъ, какъ въ Сирануси; тутъ, по крайней мѣрѣ, еще есть немного собачьяго корму, который айны ѣдятъ вмѣстѣ съ собаками. Я велѣлъ сварить каши и чаю на всѣхъ айновъ, бывшихъ въ юртѣ. На другой день, рано утромъ, пока запрягали собакъ, я вышелъ на берегъ моря. Все пространство его, какое обниметъ глазъ, покрыто было льдомъ. Селеніе Тунайго расположено у Мордвинова залива. Вообще климатъ восточнаго берега Сахалина гораздо холоднѣе западнаго и, разумѣется, южнаго. Къ вечеру я воротился домой.

17-го марта.—Сегодня пришли ко мнѣ японцы Мару-Яма, Яма-Мадо и Асануя, чтобы сказать мнѣ, что они хотятъ послать большую лодку (конкасъ) на Мацмай, въ Сою, съ бумагами и письмами, но что если это мнѣ не нравится, то они не пошлютъ. Я имъ объяснилъ, что ни теперь, ни послѣ русскіе никогда не будутъ мѣшаться въ подобныя распоряженія японцевъ, что они могутъ свободно посылать лодки свои куда хотятъ. Я угостилъ ихъ любимую ими сато-саки (экстрактъ-пуншъ) и чаемъ. Я полагаю, что намъ очень полезно, что на Мацмаѣ получаютъ извѣстія о нашихъ дѣйствіяхъ на Сахалинѣ: такъ, ужъ тамъ знаютъ съ осени о прибытіи русскихъ и числѣ ихъ.

23-го марта.—Сегодня ушла японская лодка въ Сою, на Мацмай, съ двумя японцами и 15-ю аянами. Въ прошедшую субботу я послалъ съ Хойро и другимъ айномъ собачій кормъ на встрѣчу Самарину. Я поручилъ имъ развезти его по селеніямъ гдѣ придется ночевать Самарину, оставляя во всякомъ такомъ селеніи на 35 собакъ корму. Я велѣлъ Хойрѣ проѣхать далѣе.

Цынга опять усилилась. Невыходящихъ на работу больныхъ цынгою 19 чел., считающихся здоровыми, но тоже подверженныхъ цынгѣ трое. Всего же больныхъ, съ другими болѣзнями, 37 чел., изъ нихъ 9 человекъ трудно больныхъ, которые не могутъ подняться съ кровати. На работу выходятъ 20 человекъ.

Вторая башня еще не кончена, соломенные крыши еще не сняты, досокъ не напилено. Если японцы захотятъ насъ застать врасплохъ, то это имъ не трудно будетъ сдѣлать.

7-го апрѣля.—Японцы прислали мнѣ сказать, что пять ихъ

судовъ пришли въ Сирануси и что завтра они будутъ въ Томари. На нихъ пріѣхали рабочіе для промысловъ. Итакъ, вѣжется, японцы рѣшились продолжать свои промыслы; желательно, чтобы это было такъ. Число больныхъ достигло до 40 человекъ. Хорошо, что не много осталось работы: башня и крыши на 1-й и 3-й казармахъ окончены, остается покрыть кухню крышею. >

9-го апрѣля. ← Вчера пріѣхалъ на лодѣхъ изъ Сирануси одинъ изъ японцевъ, прибывшихъ съ Мацмай. Японецъ этотъ считается старше Мару-Ямы. Онъ говорилъ рѣчь собравшимся айнамъ, убѣждая ихъ по прежнему продолжать работать для японцевъ, объясняя, что приходъ русскихъ не касается до нихъ, что японцы не знаютъ, зачѣмъ пришли они, и что ни японцы, ни айны ничего не имѣютъ общаго съ этимъ народомъ. Казаке Дьячковъ присутствовалъ при этой рѣчи. Сегодня, вновь пріѣхавшій японецъ пришелъ ко мнѣ съ Мару-Яма и Асануей. Я принялъ ихъ ласково и угостилъ. Изъ поведенія этого японца надо полагать, что японцы думаютъ несовсѣмъ дружно повести дѣла съ нами. Въ настоящее время пришло 1 большое судно и 5 малыхъ въ Сирануси. Въ Соѣ, по словамъ айновъ, собралось много солдатъ и офицеровъ. Я перевелъ ночевать два капральства въ крѣпость и усилилъ карауль. Днемъ дѣлалъ тревогу для указанія мѣстъ людямъ. Орудія заряжены картечью. По почамъ я поочереды чередуюсь дежурствомъ по крѣпости съ Рудановскимъ. >

XI.

13-го апрѣля. — Наконецъ, наступило время, когда ясно должны были выказаться всѣ предсказанныя мною невыгоды занятія японскаго селенія Томари. Вотъ уже 9-я сутки, какъ японцы высадились въ Сирануси, и давно должны были бы у нихъ начаться работы приготавительныя для рыбныхъ промысловъ съ помощью айновъ. Но японцы нейдутъ, айны разбѣжались — несмотря на всѣ ласки наши и уговариванія тѣхъ и другихъ, чтобы безбоязненно начинали свои работы.

Сколько дѣйствительно пріѣхало судовъ и японцевъ, съ какими намѣреніями они пріѣхали — мы рѣшительно не можемъ узнать. Айны говорятъ розно — японцы говорятъ розно — отъ Березкина, посланнаго разузнавать, нѣтъ извѣстій. Одни говорятъ, что пришло однихъ джанчиновъ 15 ч., другіе говорятъ — трое, третьи — одинъ. Айны толкуютъ, что пушки привезены, японцы

отрицають это. Обращеніе съ нами какъ японцевъ, такъ и айновъ оставшихся при нихъ, тоже измѣнилось. Японцы приходятъ къ намъ, но во всѣхъ ихъ словахъ видно, что они что-то скрываютъ. Айны рѣдко показываются, можетъ быть потому, что японцы настращали ихъ. Я хотѣлъ послать записку къ Березкину, но не нашлось ни одного айна, который бы согласился доставить ее. Видя необходимость выйти изъ этого положенія, я призвалъ къ себѣ японца Асануя и сказалъ ему обо всемъ, что я замѣтилъ и что я изъ этого вывожу — или японцы, не довѣряя русскимъ, нейдутъ на работы, боясь, что мы ихъ встрѣтимъ враждебно, или японцы хотятъ драться съ нами, и поэтому скрываютъ въ какомъ числѣ пришли. Въ первомъ случаѣ они худо дѣлають, потому что должны были убѣдиться изъ обращенія русскихъ съ ними, какъ мы хотимъ дружно жить съ ними. Если же хотятъ драться съ нами, то пусть идутъ, мы готовы, а обманывать насъ и лгать не къ чему, потому что это нисколько не поможетъ имъ. Бѣдный Асануя совершенно былъ ошеломленъ моею рѣчью и началъ говорить, что японцы не хотятъ драться съ русскими, потому что драться худо. Я на это ему замѣтилъ, что дѣйствительно это худо, потому что тогда навѣрно японцамъ придется уходить съ Сахалина, между тѣмъ если они будутъ дружны съ нами, то будутъ по прежнему свободно продолжать рыбные промыслы. Потомъ я ему сказалъ, что я слышалъ, какъ японцы худо обратились съ Березкинымъ, и хотя я знаю, что айны много врутъ, но такъ какъ и японцы послѣднее время рожо говорили, то чтобы увѣриться, что Березкинъ свободенъ, я требую, чтобы японцы свезли ему письмо отъ меня и чтобы онъ не позже какъ черезъ шесть сутокъ или пріѣхалъ самъ или написалъ записку. Асануя съ робостью взялся исполнить мое порученіе. Съ тѣмъ мы разстались. >

На другой день утромъ въ 5 часовъ онъ пришелъ ко мнѣ въ сопровожденіи айновъ Пенкуфнари и Испонку и сказалъ мнѣ, что послѣдній былъ посланъ отвезти Березкину мою записку и встрѣтилъ на пути Пенкуфнари, ѣхавшаго изъ Тіотомари отъ японскаго начальника съ извѣстіемъ ко мнѣ, что онъ упрямилъ Березкина ѣхать съ нимъ на суднѣ въ Томари, чтобы быть увѣреннымъ, что русскіе не будутъ стрѣлять въ ихъ суда, что суда эти въ этотъ же день надѣются прибыть къ нашему селенію. Какъ ни странно было это объясненіе, но я рѣшился удовольствоваться имъ, такъ какъ развязка дѣла должна была скоро наступить. Въ часъ пополудни, когда я обѣдалъ, часовые дали знать, что въ направленіи къ Тіотомари показалось четыре

паруса. Я взошелъ на башню и довольно ясно разсмотрѣлъ въ подзорную трубу одинъ большой и три малыхъ конкася. Конкась, это—большая палубная лодка, въ родѣ тѣхъ, на которыхъ финляндскіе крестьяне привозятъ дрова въ Петербургъ. Ясно было, что на подобныхъ четырехъ судахъ (одно изъ нихъ немногимъ болѣе было другихъ) нельзя перевезти больше 200 или 250-ти человѣкъ; а еще яснѣе, что японцамъ и въ голову не можетъ придти, чтобы съ подобнымъ числомъ можно было атаковать 60 русскихъ матросовъ съ 8-ю пушками. Поэтому приказавъ дать мнѣ знать, когда можно будетъ различать людей на судахъ, я пошелъ отдохнуть. Въ 5 часовъ мнѣ дали знать, что видны люди на судахъ. Я поднялся на башню съ Рудановскимъ и принялся разсматривать пріѣхавшихъ гостей. Съ башни намъ былъ видѣнъ и пріемъ приготовленный японцамъ на берегу. Храмы ихъ были разцвѣчены флагами съ надписями. Отъ того мѣста, гдѣ должны пристать суда, была огорожена съ двухъ сторонъ аллея посредствомъ матовъ, поддерживаемыхъ колыями. Человѣкъ 30 айновъ помѣстились на колѣняхъ;— до прихода русскихъ, по 300 человѣкъ встрѣчало японскаго джанчина, но теперь айны разбѣжались, боясь, что будетъ сраженіе. Я приказалъ выйти пѣсенникамъ, чтобы встрѣтить японцевъ не пушками, какъ они полагали, а веселою русскою пѣсней. Суда приблизились, такъ что видно было людей простымъ глазомъ. Тогда отчалила гребная лодка съ 2-мя японцами и 12-ю или 14-ю аинами гребцами. Большой конкась обогналъ другихъ и первымъ прошелъ мимо нашей крѣпости. Пѣсенники взошли на нижнюю башню—и «Ахъ вы, сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои» раздалось по заливу. Видно было, какъ на конкасѣ японцы съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на насъ. Ихъ было на суднѣ не болѣе 20-ти человѣкъ, а на маленькихъ конкасяхъ человѣкъ по 10-ти. На первомъ изъ малыхъ конкасей пріѣхалъ младшій офицеръ. Когда онъ сошелъ на берегъ, всѣ айны и японцы встали на колѣни и преклонили головы; онъ отвѣчалъ на ходу легкимъ поднятіемъ рукъ. За нимъ шло пять человѣкъ, изъ которыхъ только трое, кажется, были солдаты—и изъ нихъ двое держали ружья вольно на правомъ плечѣ, въ чехлахъ, а третій несъ высокую пикю; остальные двое, кажется, имѣли за поясами сабли,—я хорошенъко не могъ разсмотрѣть въ зрительную трубу. На слѣдующемъ конкасѣ пріѣхалъ старшій офицеръ—сѣдой старичокъ. За нимъ шло 8 человѣкъ—двое съ ружьями, одинъ съ пикой, одинъ со щитомъ, одинъ съ подушкой и трое съ саблями. Прежде вышедшій на берегъ джанчинъ пошелъ на встрѣчу къ старику и потомъ направился къ дому впереди его,

какъ бы указывая дорогу. Оба они вошли через особенный входъ въ домъ, которымъ никто кромѣ ихъ не имѣетъ права входить. Только конвой слѣдовалъ тоже за ними. На послѣднемъ конкасѣ пріѣхали казаки (Березкинъ и матросъ Алексѣевъ). Второю по старшинству джанчинъ тотчасъ же пошелъ съ ними ко мнѣ, взявъ съ собою двухъ японскихъ солдатъ, японца Яма-Мадо и одного работника тоже японца, который несъ за нимъ ящикъ, а также и айна Пенкуфнари. Я спустился съ башни въ свою комнату, чтобы принять японцевъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій усѣлись и начались увѣренія во взаимной дружбѣ. Въ это время изъ принесеннаго ящика они вынули чайникъ и чашки и начали готовить чай. Странное обыкновеніе ходить въ гости съ своимъ чаемъ. Я велѣлъ подать нашего чаю, черносливиъ и экстрактъ пуншу, единственныя угощенія, которыя мы имѣемъ на Сахалинѣ. Японскій офицеръ объяснилъ по-айнски, что онъ здѣшній мѣстный начальникъ надъ промышленными заведеніями. Онъ былъ одѣтъ въ довольно богатую шелковую одежду и имѣлъ за поясомъ двѣ сабли, одну большую, другую малую, обѣ заткнутыми у лѣваго бедра. Отъ меня онъ зашелъ къ Рудановскому. Простившись съ нами, онъ сказалъ, что старшій начальникъ еще не пріѣхалъ, а когда пріѣдетъ, то придетъ ко мнѣ. Онъ насъ обманывалъ, но для какой цѣли? Можетъ быть, онъ хотѣлъ завзвать меня къ себѣ отдать визитъ и завести къ старшему офицеру, заставивъ меня такимъ образомъ сдѣлать первымъ ему визитъ. Мнѣ не хотѣлось даться въ обманъ, потому, что мое поведеніе въ настоящемъ случаѣ имѣло бы большое значеніе и для японцевъ и для айновъ. Въ шесть часовъ вечера я послалъ съ гостинцами къ посѣтившему меня офицеру—фельдфебеля Телепова и казака Дьячкова. Они отнесли голову сахару и нѣсколько фунтовъ черносливиу и изюму. Ихъ приняли съ большими ласками и угощали чаемъ. Гостинцы отнесли въ комнату офицера. Бывшій у меня офицеръ вышелъ и сказалъ, что его начальникъ (онъ вѣроятно уже рѣшился признаться, что онъ здѣсь) еще не видѣлъ русскаго начальника и потому не можетъ принять гостинецъ. Сидѣвшій тутъ Мару-Яма что-то сказалъ ему, и онъ возвратился опять въ комнату, откуда вышелъ снова, объявивъ, что джанчинъ принялъ гостинецъ и благодарить. Телеповъ и Дьячковъ возвратились домой. Между тѣмъ я разспросилъ казака Березкина про встрѣчу его съ японцами на зап. берегу Анивы. Казакъ Березкинъ и матросъ Алексѣевъ были посланы мною къ мысу Сирануси съ приказаніемъ караулить приходъ японскихъ судовъ и нашихъ, съ тѣмъ, что если японцы придутъ въ силахъ и съ оружіемъ, то тотчасъ же возвратиться самимъ

съ извѣстіемъ объ этомъ; если же придуть на Сахалинъ собственно только рабочіе и въ небольшомъ числѣ, то оставаться тамъ, не обращая вниманія на японцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они были мною предупреждены, что такъ какъ неизвѣстно, съ какимъ намѣреніемъ придуть японцы на Сахалинъ, то чтобы они были осторожны и въ случаѣ нужды пошли бы обратно горами, нисколько не полагаясь на айновъ.

XII.

Вотъ разсказъ Березкина о случившемся съ нимъ:

«5-го апрѣля, я и матросъ Алексѣевъ вышли изъ Муравьевскаго поста съ провизіей на 10 сутокъ и съ ружьями. Того же числа мы дошли до р. Туотоги, гдѣ и ночевали въ айнской юртѣ. На другой день пошли далѣе на нанятой лодкѣ съ двумя аинами и встрѣтили у села Тананай одного японца съ 7-ю аинами на лодкѣ, ѣхавшихъ въ Томари. Отъ нихъ мы услышали, что пришло 4 япон. судна съ 50-ю чел. рабочихъ, изъ которыхъ десять ушли въ Мауну, а прочіе остались въ Сирануси. Написавъ извѣстіе это, мы поѣхали далѣе и дошли до р. Песуторо, гдѣ и остановились ночевать въ пустой айнской юртѣ. Аины, провожавшіе насъ, хотѣли оставить насъ, боясь провожать русскихъ къ мѣсту высадки японцевъ. Мы уговорили ихъ перевезти еще насъ черезъ небольшую рѣчку, которую намъ иначе пришлось бы переходить въ бродъ. Они согласились. На другой день, только что мы выѣхали, встрѣтили 2-хъ японцевъ съ 7-ю аинами, ѣхавшими на лодкѣ въ Томари. Одинъ изъ японцевъ былъ нашъ знакомый Яма-Мадо. Онъ спросилъ меня, зачѣмъ я иду въ Сирануси, я отвѣчалъ что меня послали стеречь русскія суда. На это онъ мнѣ сказалъ, чтобы я воротился, потому что японцы пріѣхали съ Мацмая, и чтобы мнѣ не было худо повстрѣчаться съ ними. На это я отвѣчалъ, что не знаю, будетъ ли мнѣ худо или хорошо, но что воротиться не могу, потому что мой начальникъ приказалъ идти. Яма-Мадо не переставалъ уговаривать меня воротиться, говоря, что онъ вмѣстѣ придетъ со мною къ вамъ, чтобы объяснить, почему вернулись и что тогда вы не будете на меня сердиться. Я не соглашался. Онъ погрозилъ, что возьметъ силою насъ; тогда мы съ Алексѣевымъ взяли за ружья и сказали ему, что пусть попробуетъ.

— «Такъ вы не боитесь идти въ Сирануси, гдѣ теперь много японцевъ и гдѣ они могутъ васъ убить». — Не боимся, отвѣчалъ я. — «Ну такъ я съ вами поѣду, чтобы поговорить объ васъ съ джанчиномъ». Мы поѣхали; товарищъ же Яма-Мадо продолжалъ путь въ Томари. Къ ночи мы пріѣхали въ Тіатомари, гдѣ застали одного японца, работавшаго въ японскомъ домѣ. Яма-Мадо звалъ меня ночевать въ этотъ домъ, но я отказался, сказавъ, что мнѣ не приказано занимать подъ ночлеги японскіе дома. Утромъ мы пошли пѣшкомъ далѣе и послѣ двухъ часовъ пути, у небольшой рѣчки встрѣтили 3-хъ японцевъ шедшихъ пѣшкомъ (на заливѣ былъ ледъ). Двое изъ нихъ молодые — имѣли за поясомъ по одной саблѣ и по одному кинжалу, — третій былъ работникъ. Встрѣтившіе насъ японцы, изъ которыхъ одинъ отозвался сыномъ японскаго начальника, тоже стали уговаривать насъ воротиться хотя до Тіатомари, говоря, что туда придутъ въ тотъ же день ихъ суда и старшій начальникъ. Услышавъ это, мы согласились вернуться въ Тіатомари. Пришедъ туда, я пошелъ въ аинскую юрту. Японцы тоже вошли туда и мы сѣли у огня. Когда стало смеркаться, послышался шумъ, и мы узнали отъ аина, что суда подошли къ берегу. Японцы ушли изъ юрты. Я тоже вышелъ. Пришло два судна. Изъ нихъ японцы стали выходить поодиночкѣ, спускаясь по доскѣ. Я пересчиталъ: ихъ 94 чел.; изъ нихъ человѣкъ 15 были съ саблями, а другіе безъ оружія. Черезъ четверть часа времени прибѣжалъ Яма-Мадо съ коврами, а нѣсколько японцевъ съ чайнымъ приборомъ, и за ними вошелъ младшій* японскій офицеръ. Онъ началъ угощать насъ; потомъ сказалъ намъ, что старшій начальникъ еще не пріѣхалъ изъ Сирануси, и чтобы мы лучше воротились обратно. Мы отвѣчали, что нашъ начальникъ будетъ сердиться, если мы воротимся безъ причины. Онъ сказалъ тогда намъ, что японцевъ пришло много и что мы должны бояться, а потому лучше вернуться. Мы на это ему сказали, что начальникъ нашъ не приметъ эту отговорку, да мы и не боимся японцевъ. Онъ тогда сталъ просить еще подождать въ Тіатомари, пока не пріѣдетъ старшій офицеръ. Мы согласились; тогда онъ ушелъ. Аинъ, который былъ проводникомъ у меня отъ Туотоги, зашелъ ко мнѣ и сказалъ, что японцы приказали ему остаться въ Тіатомари, но что онъ хочетъ убѣжать. Когда наступила ночь, ко мнѣ пришелъ аинъ, служащій при кухнѣ японской и понимающій немного японскій языкъ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я не боялся, потому что японцы сами боятся русскихъ; что онъ слышалъ, какъ они говорили, что у русскихъ поставлены такъ пушки, что откуда ни по-

дойдешь, всюду они смотрятъ; пушки эти такія сердитыя, что какъ изъ нихъ выстрѣляютъ, то они кувиркаются назадъ ¹⁾, а когда изъ ружей стрѣляютъ, то они тоже такъ сердито бьютъ, что отталкиваютъ плечо у солдата. Узнавъ, что онъ поставленъ караулить пришедшіе суда, я попросилъ его повести меня показать ихъ. Онъ сначала отговаривался, но потомъ согласился.

«Мы пошли къ судамъ; ихъ было три. Зажегши фонарь, я осмотрѣлъ ихъ и увидѣлъ, что въ нихъ, кромѣ кулей съ рисомъ и съ табакомъ, ничего нѣтъ. Когда мы хотѣли уже вернуться, изъ-за послѣдняго судна аинъ увидѣлъ шедшаго къ судамъ японца. Тогда онъ тотчасъ погасилъ фонарь и сказалъ мнѣ, чтобы я убѣжалъ. Я соскочилъ съ судна и побѣжалъ по берегу къ юртѣ. Японецъ же подошелъ къ аину и спросилъ, кто приходилъ къ судну; тотъ отвѣчалъ, что аинъ; но японецъ велѣлъ ему идти съ нимъ. Они вошли въ юрту, гдѣ я уже успѣлъ усѣсться у огня и закурить трубку; японецъ посидѣлъ немного и потомъ ушелъ. Аинъ передъ утромъ опять пришелъ и сказалъ, что четвертое судно пришло, что теперь собралось всѣхъ 15 джанчиновъ. Въ то время, когда онъ мнѣ рассказывалъ объ этомъ, другой аинъ прибѣжалъ сказать, что японцы идутъ въ юрту. Аинъ спрятался подъ кипу роговъ. Японцы вошли, спросили, не видѣли ли мы его, но мы отвѣчали, что нѣтъ; они начали звать его около юрты. Когда они отошли далеко отъ нашей юрты, мы выпустили его, и онъ убѣжалъ. Скоро опять поднялся шумъ — пришло еще два судна, и аины намъ сказали, что самый старшій джанчинъ пріѣхалъ. Солнце уже взошло. Послѣ того прошло около часу времени, когда къ намъ пришелъ младшій офицеръ и сказалъ по-аински, что старшій начальникъ зоветъ насъ, чтобы мы съ нимъ пошли, оставивъ ружья въ юртѣ. Я отвѣчалъ, что къ джанчину я готовъ пойти, но что ружья не оставляю; онъ сталъ просить, я отказалъ, и мы пошли съ ружьями за нимъ. У входа въ домъ было поставлено много значковъ и флаговъ и посланы были соломенные маты. Мы вошли въ длинную залу. Вдоль ея сидѣли въ два ряда, одинъ противъ другого около 40 ка японцевъ съ саблями, за ними стояло множество другихъ безъ сабель. На концѣ ряда сидѣвшихъ японцевъ стояло три кресла, а противъ нихъ два ставчика, выкрашенные подъ чернѣйшій лакъ. Мы остановились, поднявшись на

¹⁾ Зимой я дѣлалъ пробу боевымъ зарядамъ. Орудіе не было приготовлено. Порохъ у насъ винтовочный, и потому дѣйствительно отъ такого заряда орудіе перевернулось. Вслѣдствіе этого я уменьшилъ заряды, рассчитанные на силу пушечнаго пороха. Не думалъ я, что неудобство это такъ устрашить японцевъ.

ступеньку пола, на которомъ сидѣли японцы. Офицеръ, приведшій насъ, прошелъ въ комнату въ концѣ залы. Оттуда скоро вышло съ нимъ двое стариковъ въ богатыхъ одеждахъ, имѣя по двѣ сабли за поясомъ. Посреди шедшій старикъ и былъ старшій начальникъ; по правую его руку, старичокъ офицеръ, и по лѣвую младшій, говорящій по-аински; за нимъ шель еще одинъ офицеръ и нѣсколько солдатъ съ пиками и саблями. Они подошли къ кресламъ — всѣ бывшіе въ залѣ японцы наклонили головы и положили руки на колѣни, а начальникъ осмотрѣлъ насъ и приложилъ руку къ головѣ, какъ наши офицеры берутъ подъ козырекъ. Мы стоимъ и смотримъ, что будетъ, и не знаемъ, что намъ дѣлать; японецъ не перестаетъ руку держать у головы. Наконецъ, Яма-Мадо подбѣгаетъ къ намъ и говоритъ, чтобы мы подошли къ ставчикамъ, мы и подошли; — Яма-Мадо говоритъ намъ по-русски: «Говорить садись, здравствуй». Я понялъ, что японецъ ждетъ, чтобы я поздоровался съ нимъ; я и сказалъ ему: здравствуй, садись; онъ сѣлъ, а съ нимъ сѣли и другіе. Мы тоже помѣстились на ставчикахъ, опершись на ружья. Тогда японецъ началъ по-своему говорить долго, а другіе еще болѣе наклонили головы и слушаютъ. Потомъ всѣ распрямились, значило, что онъ пересталъ и все сказалъ что было нужно. Офицеръ, говорившій по-аински, объяснилъ намъ, что его начальникъ объясняетъ намъ, что насъ встрѣтилъ на дорогѣ японецъ Яма-Мадо и сказалъ намъ, что японцевъ съ Мацмая пришло много, и чтобы мы воротились; но мы не побоялись и вдвоемъ пошли навстрѣчу къ нимъ; что мы въ этомъ послушались своего начальника, и что видно, что я не простой человекъ. Я на это сказалъ, что я и Алексѣевъ оба солдаты простые. Японецъ отвѣчалъ, что нѣтъ, потому что меня постоянно видѣли ѣздившимъ при джанчинѣ, а Алексѣевъ работаетъ простую работу. Потомъ онъ сказалъ, что начальникъ еще объявилъ, что потомъ онъ послалъ къ намъ на встрѣчу сына офицера просить насъ воротиться, но что мы и его не хотѣли слушаться, а только тогда воротились, какъ намъ сказали, что ихъ суда придутъ въ Тіатомари. Потомъ онъ послалъ офицера сказать намъ, чтобы пришли безъ ружей, но мы не хотѣли этого сдѣлать; значитъ, нашъ начальникъ приказалъ намъ такъ поступить, а своего начальника надо слушать, слѣд., мы хорошо поступали. Но теперь онъ насъ проситъ ѣхать въ Томари вмѣстѣ съ японцами на судахъ. Онъ слышалъ, что у русскихъ стоятъ сердитыя пушки, которыя, когда изъ нихъ выстрѣлятъ, отбрасываются назадъ, а ихъ суда маленькія и потому, если начальникъ прикажетъ стрѣлать, то съ разу можетъ перевер-

нуть ихъ судно, а когда русскій начальникъ узнаеть, что мы оба вмѣстѣ съ японцами ѣдемъ, то не будетъ стрѣлять. Выслушавъ это, я отвѣчалъ, что мы согласны ѣхать съ ними. Японцы очень обрадовались, и тотчасъ поднесли намъ въ подарокъ табаку, чаю, японскую трубку; джанчинъ просилъ насъ принять это, говоря, что онъ будетъ просить васъ не сердиться за это на насъ, потому, сказалъ, что русскіе добро обращались съ японцами зимою, и что онъ надѣется, что и теперь они ласково ихъ примутъ. Мы на это сказали, что нашъ начальникъ любитъ японцевъ, и что русскіе хотятъ быть съ ними друзьями. Японскій начальникъ поклонился и ушелъ въ свою комнату, мы пошли къ себѣ въ юрту. Вѣтеръ въ тотъ день былъ противный, и потому остались ожидать попутнаго. На другой день задулъ западный. Четыре конкасы пошли на Мацмай съ большимъ числомъ японцевъ. Я спросилъ, куда они идутъ—джанчинъ мнѣ отвѣтилъ, что много людей для настоящихъ работъ не надо, и потому онъ возвращаетъ лишнихъ обратно. Мы тоже стали усаживаться. Старшій начальникъ не поѣхалъ съ нами, сказавъ, что онъ послѣ пріѣдетъ. Когда конкасы начали подходить къ крѣпости, то японцы опять стали бояться, чтобы русскій джанчинъ не приказалъ стрѣлять. Я имъ сказалъ, что джанчинъ русскій смотритъ въ трубу, которая далеко видитъ, и теперь видитъ насъ, а потому онъ навѣрно уже не станетъ стрѣлять. Скоро услышали мы, какъ наши пѣли пѣсни на башнѣ. Между пѣсенниками стоялъ часовой съ ружьемъ. Японцы спрашивали меня, что это значитъ, что русскіе кричатъ и что они съ ружьями. Я объяснилъ имъ, что русскіе встрѣчаютъ ихъ пѣснями, значитъ, рады приходу ихъ, а съ ружьемъ стоитъ только одинъ солдатъ — часовой. Японцы очень обрадовались, что русскіе поютъ и сами стали пѣть и хлопать въ ладоши. Выйдя на берегъ, мы увидѣли, что младшій офицеръ ждетъ насъ съ ящичками. Мы и повели его къ вашему высокobleгородію.»

ХІІІ.

Слушая рассказъ этотъ, я невольно вспоминалъ описанія у Головнина его плѣна у японцевъ. Безъ всякаго сомнѣнія, мы должны теперь болѣе всего совѣтоваться съ этими описаніями, для успѣшной завязки дружескихъ сношеній съ японцами.

На другой день, 15-го апрѣля, Яма-Мадо прибѣжалъ ко мнѣ въ 9-мъ часу, въ праздничной одеждѣ, спросить, могу ли я принять старшаго начальника. Я отвѣчалъ, что съ охотою приму его. Попросивъ меня, чтобы я призвалъ Рудановскаго присутствовать при свиданіи, онъ убѣждалъ. Я надѣлъ сюртукъ и послалъ за Рудановскимъ. Отворились ворота крѣпости, и мы увидѣли черезъ окошко шествіе джанчина. Впереди шелъ младшій офицеръ, за нимъ двое и наконецъ старшій. Сзади шли солдаты съ пиками и саблями, всего человѣкъ 12-ть съ двумя аянами, Испонку и Пенуфнари, одѣтыми въ пестрые халаты. Я вышелъ на крыльцо принять гостей, и помогъ рукой взойти на лѣстницу сѣдому старику, который и былъ старшій офицеръ. Войдя въ комнату, я посадилъ его на диванъ и хотѣлъ было сѣсть подлѣ него у другого угла, но второй офицеръ, впрочемъ также пожилой человѣкъ, очень торопливо сѣлъ тоже на диванъ,—я взялъ табуретъ и сѣлъ подлѣ дивана. Солдаты размѣстились, кто гдѣ могъ въ моей тѣсной избѣ. Аины сѣли на полу. Старикъ подозвалъ Яма-Мадо, долженствовавшего служить переводчикомъ. Тотъ всталъ на колѣни, преклонилъ голову и положилъ руки на колѣни. Старикъ сказалъ ему нѣсколько словъ; тотъ всталъ, отошелъ шага два назадъ, опустился на колѣни, и обратившись къ казаку Дьячкову, моему переводчику, сказалъ ему, что японскій начальникъ благодаритъ русскаго начальника за то, что онъ дружески принялъ ихъ. Я велѣлъ Дьячкову отвѣтить, что я съ своей стороны благодарю его, что онъ довѣрился моей дружбѣ и пріѣхалъ съ рабочими промышлять рыбу, и я надѣюсь, что когда мы проживемъ немного вмѣстѣ, то полюбимъ другъ друга. Выслушавъ мой отвѣтъ, онъ поклонился. Потомъ сказалъ нѣсколько словъ, и мнѣ поднесли въ двухъ чисто отдѣланныхъ ящикахъ гостинцы. Яма-Мадо раскрылъ ихъ—въ одномъ были конфекты, въ другомъ—пастила. То и другое довольно хорошо приготовлено, только въ конфектахъ было положено много муки. Я приказалъ подать экстрактъ пуншъ, кофе, черносливъ и изюмъ. Экстрактъ пунша очень имъ понравился. Рюмки ходили по рукамъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ. Не могу довольно надивиться въжливости и благородному обращенію солдатъ японскихъ—конечно, всякаго изъ нихъ можно ввести въ любую гостинную. Видно, съ какимъ любопытствомъ японцы разсматривали различныя вещи, находившіяся у меня; я началъ съ Рудановскимъ имъ показывать часы, зрительныя трубки и разныя картинки изъ книгъ. Осторожность и ловкость, съ какою они осматривали вещи, замѣчательны въ людяхъ, посящихъ званіе солдатъ. Большая часть изъ нихъ бы-

ли молодые и многие очень красивые и статные, но роста вообще ниже среднего. Разсматривая часы и другія вещи, они, обращаясь ко мнѣ, часто повторяли — «пороторика» (очень хорошо), болѣе изъ вѣжливости, чѣмъ изъ удивленія, потому что вещи наши были простой работы и не должны были удивлять японцевъ.

Просидѣвъ часа полтора у меня, джанчинъ простился со мною и пошелъ въ казарму. Копьеносцы провожали его, но при входѣ поставили свои прекрасно обдѣланныя пики. Изъ казармы онъ пошелъ въ квартиру Рудановскаго, и просидѣвъ у него съ четверть часа, пошелъ обратно домой. Я приказалъ Дьячкову сказать Яма-Мадо, что я на другой день полагаю отдать визитъ японскимъ начальникамъ. Яма-Мадо просилъ дать знать передъ тѣмъ, что я выйду изъ дому. Утромъ я всталъ съ сильно распушею вѣкою надъ правымъ глазомъ. Наканунѣ я чувствовалъ нарываніе ячменя, который я вѣроятно застудилъ во время приема японцевъ. Я послалъ тотчасъ за Яма-Мадо и поручилъ ему передать своему начальнику, что я не могу придти къ нему, но что дня черезъ три я надѣюсь выздоровѣть и тогда тотчасъ же посѣщу его. Послѣ обѣда пришелъ младшій офицеръ и опять со всѣмъ чайнымъ препаратомъ. Вѣроятно, ему хотѣлось убѣдиться, дѣйствительно ли я боленъ. Въ этотъ визитъ онъ мнѣ сказалъ, что при первомъ попутномъ вѣтрѣ пойдутъ три канкасы въ Тіа-томари за старшимъ джанчиномъ. На другой день, 17-го апрѣля, я послалъ Дьячкова съ матросомъ Ефимовымъ искать удобной земли подъ огороды, въ сосѣднемъ селеніи Поруонъ-Томари. Возвращаясь, онъ встрѣтился съ молодыми офицерами, и они вмѣстѣ пошли къ нашему посту. На дорогѣ они разговаривали на счетъ настоящихъ обстоятельствъ, и японецъ разсказалъ ему, что онъ знаетъ, что Путятинъ адъютантъ государя, показалъ, какъ русскіе дѣлаютъ приемы ружьемъ, и прибавилъ, будто Путятинъ не знаетъ, что русскіе пришли на Сахалинъ и что онъ хотѣлъ послать два судна туда и что эти суда придутъ раньше японцевъ, но японцы безболзненно шли, увѣренные, что русскіе ихъ не тронутъ. Когда пришло время рабочимъ ѣхать, то они спросили губернатора Мацмаю, можно ли отправляться на Сахалинъ, и губернаторъ послалъ приказаніе ѣхать, а если они боятся, то приказалъ имъ взять солдатъ. Приѣхавъ въ Сирануси, они узнали, что суда отъ Путятина не пришли, и потому не зная, какъ приметъ ихъ русскій начальникъ, боялись идти. Разсказъ этотъ имѣетъ много правдоподобія. Какое-то вліяніе имѣло занятіе Томари на переговоры Путятина съ японскимъ правительствомъ, но какое приказаніе онъ дастъ намъ? Я все

полагаю, что хорошаго тутъ ничего нѣтъ, и что мы должны будемъ оставить Аниву. Офицеръ японскій между прочимъ сказалъ фамилии своихъ офицеровъ, но просилъ Дьячкова, чтобы не говорилъ объ этомъ его начальнику;—старика зовутъ Мива-Сама, второго офицера Уди-Сама, а его самого—Сумеди-Сама.

Разсказъ Дьячкова объ этомъ свиданіи съ японскимъ офицеромъ невольно заставилъ меня подумать: «Счастливъ Невельской!» и дѣйствительно — насъ 60 человѣкъ очутилось въ главномъ японскомъ селеніи, безъ увѣренности, что суда придутъ во-время къ намъ на помощь въ случаѣ нужды, и въ настоящее время онъ долженъ быть въ большомъ безпокойствѣ. Но дѣла наши съ японцами идутъ пока какъ нельзя лучше при сложныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся. Это еще не значитъ, чтобы я оправдывалъ или находилъ бы полезнымъ занятіе Томари; я по прежнему увѣренъ, что послѣдствія покажутъ справедливость моихъ доводовъ по этому предмету. Я никакъ не могу согласиться съ мыслью, что японцы пришли сюда по одному дозволенію промышлять рыбу, живя вмѣстѣ съ русскими. Вліяніе Путятина ясно — но какъ онъ уговорился съ японскимъ правительствомъ на счетъ занятія Сахалина русскими, трудно отгадать; во всякомъ случаѣ мы обязаны Путятину, что не дошло у насъ дѣло до пушекъ. Въ этомъ случаѣ, я не могу сказать, чтобы шансы успѣха были на нашей сторонѣ.)

Когда получено было извѣстіе о приходѣ японскихъ судовъ, я принялъ всѣ нужныя мѣры къ защитѣ поста. Второе капральство перешло ночевать въ ограду. Орудія заряжены были картечью. Кромѣ часовыхъ, стоявшихъ на башняхъ, поставлены были внутри башенъ при орудіяхъ. Ограда освѣщалась на почъ фонарями. Людямъ указаны были мѣста въ случаѣ тревоги, которая должна была даваться выстрѣлами часовыхъ. Но все это недостаточно было бы для сопротивленія нѣсколькимъ тысячамъ японцевъ, которыхъ правительство ихъ могло, конечно не затрудняясь, прислать на Сахалинъ. Въ особенности ночное нападеніе могло быть опасно, потому что ограда окружена въ 15-ти шагахъ разстоянія съ трехъ сторонъ закрытыми мѣстами, и потому мы не успѣли бы еще встать къ орудіямъ, когда бы уже непріятель могъ быть у стѣнъ. Нападенія малаго числа японцевъ нельзя было ожидать, — они слишкомъ трусливы для этого. У насъ въ настоящее время изъ 64-хъ человѣкъ 47 большихъ — большая часть цынгою.

18-ое число.—Я сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія для визита японцамъ, т.е. сварили кофе и налили его въ самоваръ,

наложили на тарелки и блюда—сахару, черносливу и изюму и завернули все это въ шелковые платки. Когда все это было готово, я послалъ казака Березкина спросить японскаго старшаго офицера, можетъ ли онъ меня принять. Къ сожалѣнію Дьячковъ былъ усланъ мною на р. Лютогу съ 4-мя матросами за травами для больныхъ цынгою. Березкинъ воротился съ отвѣтомъ, что младшій офицеръ уѣхалъ на р. Сусую, и что такимъ образомъ старикъ лишень теперь своего переводчика, и не зная о моемъ приходѣ, онъ не приготовилъ ничего для моего приѣма; вслѣдствіе сихъ важныхъ для японцевъ обстоятельствъ онъ проситъ меня пожаловать на другой день. Очень досадно было получить этотъ отвѣтъ, потому что я зналъ, что три конкасы ушло въ Тіатомари, чтобы перевезти оттуда японскаго начальника старшаго между всѣми, которые пріѣхали на Сахалинь. Этотъ начальникъ далъ знать, что онъ не можетъ посѣтить русскаго начальника, на что я отвѣчалъ, что это его добрая воля знакомиться со мною или нѣтъ; но зная, какъ японцы считаютъ важнымъ всѣ наружныя церемоніи, и что они готовы употребить всевозможныя хитрости, чтобы заставить меня первымъ явиться къ ихъ старшему офицеру, я боялся, что дѣлая визитъ знакомымъ уже мнѣ японскимъ офицерамъ тогда, когда уже старшій пріѣдетъ изъ Тіатомари, они устроятъ такъ дѣло, что меня приметъ онъ.

Дѣйствительно, во 2-мъ часу мнѣ дали знать что показалось три паруса — это были конкасы, посланныя наканунѣ въ Тіатомари. Яма-Мадо пришелъ сказать, что идутъ японскія суда. Я спросилъ его, что это, идетъ ли старшій ихъ офицеръ; онъ отвѣчалъ, что нѣтъ: понъ-джанче такой же, какъ уже пріѣхавшій сюда старикъ. Съ этимъ я его отпустилъ, сказавъ, что когда суда подойдутъ ближе, я посмотрю съ башни на пріѣздъ новаго офицера. Часа въ три пополудни мнѣ дали знать, что конкасы подходятъ къ берегу и что младшій офицеръ и Яма-Мадо идутъ ко мнѣ съ чайнымъ приборомъ. Ясно было, что они хотѣли удержать меня дома, пока будутъ выходить японцы съ судомъ. Я тотчасъ же вышелъ съ трубою на башню. Суда еще были въ саженьяхъ 200 отъ берега, когда мнѣ доложили, что японскій офицеръ пришелъ въ комнату и проситъ видѣться со мною. Я сошелъ внизъ, поздоровался съ Сумэди-Сама и Яма-Мадо, и сказалъ имъ, что я хочу видѣть встрѣчу японскаго начальника, и пригласилъ ихъ выйти вмѣстѣ со мною на башню. Отказываться было нельзя; лукавые японцы видѣли, что я ихъ понимаю. Взошедъ на башню, я началъ разсматривать суда, а бѣдные японцы въ своихъ легкихъ одеждахъ не знали

куда скрыться от холоднаго вѣтра, который сильно дулъ на высотѣ башни. Наконецъ, они спустились внизъ, приглашая и меня пойти съ ними въ комнату, — я обѣщался тотчасъ придти, какъ кончится церемонія приѣзда офицера ихъ. Съ двухъ первыхъ конкасей, подошедшихъ къ берегу, вышло человекъ 15 солдатъ и встали толпою на берегу. Третій конкасъ сталъ подходить и потомъ вдругъ убралъ парусъ и остановился: къ нему подошли лодки съ двумя японцами, которые стали переговариваться съ находящимися на конкасѣ. Замѣтно было какое-то смятеніе, причиною которому, разумѣется, была зрительная труба, наведенная мною на нихъ. Наконецъ начали притягивать конкасъ къ берегу, но не у того мѣста, гдѣ приготовлена была сходня и огорожено мѣсто, а далѣе къ средней высотѣ бухты. Аины наскоро набрасывали мостки на избранномъ мѣстѣ для схода на берегъ офицера. На конкасѣ я насчиталъ до 20-ти чел. японцевъ въ разныхъ одеждахъ, съ саблями, съ ружьями, съ пиками. Всѣ они поднялись на берегъ и стали въ кучу. Кое-гдѣ сидѣли на землѣ, склонивъ голову, японскіе и аинскіе работники. Наконецъ вышелъ старшій, всѣ преклонились и потомъ начали строиться для шествія, которое и двинулось въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди два японца о двухъ сабляхъ, одинъ за другимъ; за ними, два японца несли на плечахъ полосатый выкрашенный шестъ, длиною въ двѣ сажени; за ними, одинъ японецъ о двухъ сабляхъ, далѣе японецъ въ остроконечной черной шапкѣ съ круглыми полями; за нимъ шесть солдатъ въ два ряда по три; съ правой и лѣвой руки японцы въ шляпѣ, за ними, 2 офицера въ шляпкахъ, далѣе солдаты въ томъ же порядкѣ какъ предыдущіе. За солдатами опять офицеры, потомъ солдаты, сзади ихъ одинъ офицеръ, а за нимъ двое офицеровъ безъ шляпъ. Офицеры въ шляпахъ имѣли на спинѣ мѣдныя выточенныя бляхи съ чайное блюдечко величиною и разныхъ формъ. Солдаты имѣли за плечами ружья, а нѣкоторые пики. Гдѣ именно шель старшій офицеръ, я не могъ разобрать. Процессія эта, пройдя нижній японскій домъ, начала подниматься по аллеѣ къ дому выстроенному на горѣ, гдѣ скоро она и скрылась за воротами. Я спустился внизъ и сказалъ Сумэди-Сама, что удивляюсь, какъ приѣхало такъ много офицеровъ, вмѣсто одного, о которомъ они мнѣ говорили прежде. Онъ отвѣчалъ, что это младшіе все офицеры. Напившись чаю, они ушли.

Въ сумерки возвратился Дьячковъ съ Лютоги, не доставъ травъ. Я его послалъ къ японцамъ сказать Сумэди-Самѣ, что хочу на другой день придти къ нимъ, но я желаю, чтобы меня приняли только тѣ офицеры, которые были у меня съ

визитомъ. Дьячковъ воротился, пробывъ болѣе часа у японцевъ. Онъ передалъ мнѣ, что Сумэди-Сама, принявъ дружески его, сказалъ ему, что они такъ и хотѣли сдѣлать, какъ я желаю. Во время ихъ разговора собралось много айновъ. Старшины ихъ сѣли на возвышенномъ полу въ ряды, остальные на земляномъ полу. Сумэди сѣлъ на табуретъ лицомъ къ айнамъ, посадивъ на другой табуретъ Дьячкова. Усѣвшись и поклонившись айнамъ, Сумэди началъ говорить рѣчь, время отъ времени будучи прерываемъ стукомъ палочекъ, по которому онъ тотчасъ уходилъ въ комнату старика для полученія приказанія. Вотъ содержаніе его рѣчи.

«Прошедшую осень русское судно пришло къ здѣшней землѣ, высадило на берегъ офицеровъ, солдатъ и пушки. Русскіе начали строить дома. Японцы изъ боязни разбѣжались, половина ихъ ушла на Мацмай объявить о происшедшемъ и оплакивать оставшихся японцевъ, которые разбѣжались по разнымъ японскимъ селеніямъ на Сахалинѣ; въ это время айны себя худо вели, воровали изъ амбаровъ крупу и пьянствовали. Но это еще простиительно, а худо то, что и зимою айны вели себя дурно. Японцы, убѣжавшіе, по счастью своему встрѣтили русскихъ, шедшихъ изъ земли гиляковъ. Эти русскіе успокоили ихъ, сказавъ имъ, что русскіе хотятъ дружно жить съ ними и просятъ воротиться въ Томари. Японцы возвратились, были ласково приняты русскимъ начальникомъ и его солдатами. Стали они дружно жить, но тутъ-то айны и начали стараться поссорить ихъ. Къ русскимъ вы приходили говорить, что японцы хотятъ перерѣзать русскихъ, когда тѣ будутъ спать. Японцамъ вы говорили, что русскіе хотятъ японцевъ убить. Несмотря на это русскіе жили съ японцами дружно и теперь они также будутъ жить дружно. Останутся ли русскіе жить здѣсь или уйдутъ, я не могу вамъ сказать, потому что не знаю. Отъ ихъ большого начальника, бывшаго въ Нангасаки, будетъ бумага, и тогда будетъ извѣстно объ этомъ. Пока же вы работайте, какъ работали прежде, за что по прежнему получите плату. Прошедшіе года пріѣзжало мало солдатъ сюда, этотъ годъ ихъ пріѣхало много,—но не думайте что это для сраженія съ русскими, это только для охраненія нашихъ офицеровъ». Кончивъ рѣчь, онъ поклонился, айны преклонили головы и подняли руки ему, а потомъ и Дьячкову. Прощаясь съ Сумэди-Сами, Дьячковъ спросилъ, сколько офицеровъ пріѣхало. Сумэди-Сама отвѣчалъ—6 старшихъ и 4 младшихъ, и въ Тіатомари осталось еще 12. Дьячковъ высказалъ удивленіе, почему такъ много пріѣхало офицеровъ съ Мацмая. Сумэди отвѣчалъ, что такъ приказалъ мацмайскій губернаторъ.»

Выслушавъ этотъ разсказъ, я приказалъ Дьячкову сходить на другой день къ Сумэди-Сама и попросить его придти ко мнѣ. Я намѣренъ былъ съ нимъ поговорить на счетъ наѣзда офицеровъ и солдатъ на Сахалинъ. Наѣздъ этотъ можетъ имѣть одну изъ трехъ цѣлей. Первое — если мацмайскому губернатору дано знать, что русскій посланникъ Путятинъ пріѣдетъ на Сахалинъ по дѣлу занятія нами селенія Томари, и тогда мацмайскій губернаторъ почелъ нужнымъ устроить обычный церемоніаль пріема, для котораго и понадобилось собрать на Сахалинѣ большое число офицеровъ. Второе — что японцы, просто труся русскихъ, не рѣшались жить безъ прикрытія солдатъ, но тогда странно, зачѣмъ пріѣхало такъ много офицеровъ — развѣ только для того, чтобы подъ видомъ свиты ихъ собрать большое число солдатъ, не давая подозрѣнія намъ. Наконецъ — дѣйствительно японцы, можетъ быть по случаю льдовъ не имѣя достаточнаго количества судовъ въ Соѣ для перевозки, рѣшились мало-по-малу собрать столько войска на Сахалинѣ, чтобы поддержать въ случаѣ нужды свои требованія силою. Но правду сказать послѣднее предположеніе очень невѣроятно. Какъ бы они рѣшились, придя съ мыслью воевать, жить подъ нашими выстрѣлами въ такомъ маломъ числѣ? Надо постараться разъяснить это дѣло.

На другой день, 20-го апрѣля, во 2-мъ часу я послалъ казака Березкина сказать, что иду съ визитомъ къ Мивѣ-Самѣ. Онъ отвѣчалъ, что меня ожидаютъ. Я и Рудаповскій одѣли новые сюртуки безъ шпагъ. Людямъ, назначеннымъ нести гостинцы, я приказалъ надѣть мундиры: ихъ было пять. Войдя въ японскій домъ, мы увидѣли, что насъ примутъ въ входной же залѣ, потому что возвышенное мѣсто съ очагомъ, находившееся у оконъ, было застановлено раскрашенными ширмами. Отдѣльныя же комнаты были всѣ закрыты. Насъ встрѣтили Сумэди-Сама и Яма-Мадо. Снявъ шинели и галоши, мы вошли въ огороженное ширмами мѣсто. Посреди его стоялъ столъ покрытый краснымъ ¹⁾ войлокомъ. Около этого стола стояли два складныхъ стула и скамья, покрытая краснымъ войлокомъ; съ лѣвой стороны сидѣло 5 солдатъ на полу на матахъ. У ширмъ, по лѣвую руку отъ входа, что приходилось прямо противъ стола и стульевъ, поставлена была скамья ничѣмъ непокрытая. На столѣ стояла свѣча въ высокомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ ¹⁾. Я сказалъ, что при входѣ нашимъ стулья были не заняты, вѣроятно, по японскому этикету хозяинъ долженъ выходить къ мѣсту пріема позже гостей. Солдаты, всѣ

¹⁾ Японцы не употребляютъ краснаго цвѣта матерій для одежды, но для украшенія комнатъ этотъ цвѣтъ считается наряднымъ.

уже знакомые намъ, вѣжливо поклонились, а Сумэди провелъ насъ къ покрытой скамьѣ и посадилъ на нее. Тотчасъ же вошли и Мива-Сама и Уди-Сама, и раскланявшись съ нами сѣли на стулья. Сумэди помѣстился ниже насъ на ставчикѣ. На непокрытой скамьѣ усадили нашихъ матросовъ и казаковъ. У входа на полу помѣстились два айна — Испонку и другой старикъ—оба въ пестрыхъ шелковыхъ халатахъ. Аины эти, въ особенности Испонку, невольно возбуждали презрѣніе къ себѣ униженностью своихъ движеній и раболѣпнымъ выраженіемъ глазъ. Я замѣтилъ, что во всѣхъ церемоніальныхъ визитахъ японцы помѣщали двухъ аиновъ—почти всегда Испонку и Пенкуфнари. Началось угощеніе. Японцы внесли чай и разныя печенья. Наши люди—самоваръ съ готовымъ кофеемъ, мелкій сахаръ на блюдѣ, черносливъ и изюмъ. Все это было внесено завернутымъ въ шелковые платки, фрукты на тарелкахъ, сахаръ на блюдѣ, для кофе нашихъ 6-ть чашекъ съ блюдцами. Я хотѣлъ всѣ вещи принесенныя нами оставить въ подарокъ Мивѣ-Самѣ, рассчитывая на то, что если онъ и не приметъ ихъ, то это не будетъ имѣть значенія, потому что когда онъ приходилъ ко мнѣ съ визитомъ, то тоже унесъ обратно всю посуду, служившую для угощенія, оставивъ только въ подарокъ сласти. Всего болѣе неприятно въ этомъ визитѣ было невольное сравненіе, которое пришлось сдѣлать, чистоты и богатства одежды и ловкости и благородства пріемовъ у японскихъ солдатъ, съ грубыми мундирами нашихъ матросовъ и неловкостью пріемовъ ихъ, еще болѣе увеличившейся отъ непривычки сидѣть при офицерахъ. Они не знали куда дѣть свои руки и ноги, несмотря на частыя повторенія отъ меня, чтобы были свободнѣе и не думали о томъ, что сидятъ въ моемъ присутствіи. Японцы очень охотно пили кофе. Разговоръ не могъ быть живъ, потому что производился черезъ переводчиковъ. Присидя около часу времени, я поднялся съ своего мѣста, чтобы дать тѣмъ знакъ концу за сѣданія. Я просилъ Сумэди предложить отъ меня Мивѣ-Саму въ подарокъ всѣ вещи, принесенныя нами. Мива-Сама отказался съ большимъ смущеніемъ; видно было, что онъ боялся обидѣть меня. Замѣтивъ это, я сказалъ съ веселымъ видомъ, что я нисколько не обижаюсь отказомъ, который вовсе не измѣ-

1) У японцевъ свѣчи готовятъ изъ жира морскихъ животныхъ и рыбъ, и имѣютъ желтоватый цвѣтъ. Фитильки толсты, но мало нагораютъ. У того конца, съ котораго зажигается свѣча она толще, другимъ же тонкимъ концемъ свѣча не всгавляется въ подсвѣчникъ, а натывается на желѣзный шпиль, вдѣланный въ вершину его. Свѣчи толще и больше нашихъ.

няетъ нашихъ дружескихъ отношеній, а потому и не настаиваю. Я велѣлъ выскать сахаръ, черносливъ и изюмъ на японскіе подносы и, уложивъ нашу посуду, взять ее обратно домой. Японцы очень обрадовались, что обстоятельство, казавшееся имъ чрезвычайно щекотливымъ, кончилось благополучно. Когда все было уложено, я всталъ и простившись съ японцами возвратился съ Рудановскимъ домой. Около этого времени мои отношенія къ Рудановскому совершенно измѣнились, послѣ бывшаго между нами объясненія за нѣсколько дней передъ приходомъ японскихъ судовъ. Принимая еще зимою всѣ мѣры на случай осады нашей крѣпости и не нуждаясь для этого въ помощи Рудановскаго, я ограничивалъ по прежнему наши сношенія учтивыми поклонами при встрѣчахъ и разспросами о его картографическихъ работахъ. Въ концѣ марта я уже замѣтилъ, что Рудановскій сводилъ иногда разговоръ на тему о нашемъ положеніи на островѣ, на поздній вѣроятно приходъ судовъ нашихъ и на другія распоряженія, сдѣланныя Невельскимъ, и которыя по моему мнѣнію были неудобны. Помня очень хорошо, что Рудановскій былъ одинъ изъ тѣхъ, который поддерживалъ Невельскаго, когда дѣло шло о занятіи Томари, и что когда зимою я строилъ башню, то онъ говорилъ, что вѣроятно намъ придется защищаться противъ какихъ-нибудь духовъ; я по прежнему предполагалъ, что Рудановскій продолжаетъ одобрять все, что Невельской говорилъ и дѣлалъ, и потому оставлялъ его намеки безъ вниманія, отвѣчая коротко, что безъ сомнѣнія Невельской сдѣлалъ такія распоряженія, которыя совершенно обезпечатъ насъ. Между тѣмъ Рудановскій все чаще и чаще сходилъ со мною на прогулкахъ и постоянно сводилъ разговоръ на японцевъ. Разъ случилось ему проводить меня; мнѣ неловко было не пригласить его войти, и онъ остался у меня пить чай. Ему было извѣстно, что я послалъ четырехъ человекъ въ Сирануси и Сиретоку для развѣдыванія о японцахъ, и что со стороны Сирануси получено извѣстіе отъ казака Березкина, что пять японскихъ судовъ пришло въ Сирануси. Онъ спросилъ меня, что я думаю объ этихъ судахъ. Я сказалъ, что ихъ такъ мало еще, что опасаться пока нечего.—«Однако надо быть готовымъ на все», замѣтилъ онъ мнѣ. Я этого и ждалъ и тотчасъ спросилъ его, развѣ онъ перемѣнилъ свое мнѣніе о томъ, что занятіе русскими Томари не можетъ имѣть никакого вліянія на японцевъ, и что они попрежнему мирно придутъ работать на Сахалинъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ дѣйствительно прежде такъ думалъ, вполне полагаясь на то, что если Невельской былъ такъ увѣренъ въ своихъ планахъ, значитъ они были на чемъ-нибудь

основаны. Я замѣтилъ ему, что въ такомъ случаѣ не слѣдовало такъ настойчиво поддерживать мнѣніе Невельскаго. Съ этого мы перешли вообще на всѣ дѣйствія какъ мои, такъ его на Сахалинѣ. Рудановскій хотя и упрекалъ себя, но упрекалъ и меня въ томъ, что я вообще обращался съ нимъ какъ съ чело-вѣкомъ, котораго не любятъ и потому безъ церемоніи устраи-ваютъ отъ общества и дѣла. Я старался ему доказать, что при-нявъ роту въ непосредственную свою команду, я не могъ тер-пѣть, чтобы онъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, хозяйни-чалъ, а во время первыхъ построекъ это случалось не разъ; а потому, выведенный изъ терпѣнія, я рѣшился устранить его совершенно отъ внутренней жизни въ посту, предоста-вивъ ему исключительно заниматься съѣмкой страны. Къ сожа-лѣнію моему я не могъ его убѣдить въ томъ, что для него нѣтъ ничего унижительнаго служить младшимъ въ ротѣ, ко-торою онъ командовалъ въ Камчаткѣ. Кончивъ этотъ споръ, онъ все-таки призналъ себя отчасти неправымъ и опять об-ратился къ вопросу, что я думаю на счетъ нашего положенія. Видно было, что онъ опасался, чтобы наша экспедиція не кон-чилась катастрофой, такъ какъ увѣренія Невельскаго на счетъ ранняго прихода нашихъ судовъ не сбылись. Онъ спрашивалъ меня, что мы будемъ дѣлать, если японцы вздумаютъ осаждать насъ, между тѣмъ какъ въ крѣпости нѣтъ даже воды, и пере-несень ли провіантъ? Я съ усмѣшкою замѣтилъ, что хотя онъ полагалъ, что надо ледникъ устраивать подъ горою и набить его льдомъ съ моря, а работа, которую я назначилъ, очень трудна и ни къ чему не служить, — я все-таки устроилъ ледникъ въ крѣпости и набилъ его прѣснымъ льдомъ; слѣдовательно, вода у насъ есть. Муки и соли запасено на мѣсяць; сухарей на 20 сутокъ. Орудія стоятъ наготовѣ, люди рассчитаны на случай боя. Рудановскій видимо былъ доволенъ, что все было мною предусмотрено, такъ какъ былъ увѣренъ, что японцы затѣва-ютъ что-нибудь худое противъ насъ. Онъ просилъ меня, чтобы я назначилъ ему мѣсто на случай тревоги. Я ему сказалъ, что когда будетъ нужно принять послѣднія уже мѣры, то я самъ укажу кому что дѣлать. Дѣйствительно, когда отъ Березкина прекратились извѣстія, и я считалъ его въ плѣну, то Руданов-скому я поручилъ наблюдать за нижнею башнею и приучить людей къ дѣйствию орудіями. Послѣ того скоро я усилилъ караулъ и назначилъ очередное ночное дежурство себѣ съ Руда-новскимъ. Съ того времени мы стали ежедневно видѣться и ходить другъ къ другу. >

На другой день послѣ моего визита японцамъ, Сумѣди-Сама

и Яма-Мадо пришли ко мнѣ вслѣдствіе моего приглашенія. Я намѣренъ былъ поговорить съ ними на счетъ того, съ какою цѣлью наѣзжаетъ такъ много ихъ офицеровъ въ селеніе Томари. Какъ я уже сказалъ, всего вѣроятнѣе надо полагать, что это дѣлается потому, что Путятинъ можетъ быть объявилъ въ Нагасаки, что онъ пойдетъ на Сахалинъ, и для приѣма его мацмайскій губернаторъ считалъ нужнымъ собрать побольше своихъ чиновныхъ лицъ. Но такъ какъ положеніе наше, при 40-ка ч. больныхъ изъ 60-ти могло быть не безопасно въ присутствіи большого числа японцевъ, то я находилъ нужнымъ ограничить число японцевъ, которое я могу допустить собраться подлѣ насъ.

Поздоровавшись со мною, Сумэди-Сама сказалъ, что онъ очень радъ тому, что я приходилъ вчера повидаться съ японцами. Я отвѣчалъ на это увѣреніемъ, что когда мы больше познакомимся, то полюбимъ другъ друга. Послѣ этого я тотчасъ же приступилъ къ дѣлу, по которому призвалъ ихъ, и сообщилъ имъ, что я слышалъ, будто пріѣхало третьяго дня 10 офицеровъ, что въ Тіатомари находится еще 12 офицеровъ, кромѣ того и въ Соѣ есть ихъ начальники, которые тоже пріѣдутъ на Сахалинъ; но я не понимаю, для чего наѣхало ко ихъ, и потому прошу мнѣ сказать вѣрно, сколько пріѣстольхало офицеровъ и солдатъ и сколько еще пріѣдетъ. Сумэди-Сама вынулъ клочокъ бумаги, исписанный по-японски и началъ переводить на айскій счетъ записанное число по-японски на означенной бумажкѣ. Я подаль ему мой японскій лексиконъ, въ которомъ написанъ японскими цифрами счетъ, и просилъ поэтому счету показать мнѣ числа. Онъ мнѣ указалъ слѣдующія числа: въ Томари находится офицеровъ старшихъ и младшихъ 13 и 23 солдата. Въ Тіатомари: стар. офиц. — 1, младш. офиц. — 4, солдатъ — 8, конвойныхъ — 9. Въ Соѣ солдатъ 77, а офицеровъ онъ не знаетъ сколько. Слѣд., всего военныхъ собрапо на Сахалинѣ и въ Соѣ 135 человекъ, а рабочихъ пріѣхало не болѣе 50-ти ч. Число это слишкомъ пезначительно, при трусости японцевъ, чтобы опасаться отъ нихъ враждебнаго дѣйствія, а не позволивъ ихъ офицерамъ пріѣзжать въ Томари, можно испортить все дѣло и возбудить въ нихъ опасенія за своихъ рабочихъ. Поэтому я сказалъ Сумэди-Сама, что хотя мнѣ предписано моимъ начальствомъ недопускать японскаго войска и пушекъ на Сахалинъ, но считая, что число японскихъ солдатъ, назначенное прибыть въ Томари при 20-ти ихъ офицерахъ, нельзя считать войскомъ, а только прислугою офицеровъ, то я и не буду противиться пріѣзду этого числа солдатъ, но и болѣе не могу дозволить. Что же касается до офи-

церовъ, то хотя меня очень удивляетъ, что ихъ прѣхало такъ много и что они не знаютъ, зачѣмъ они присланы, но вѣря японцамъ, будто адмиралъ Путятинъ объявилъ въ Нангасаки, что онъ пошлетъ на Сахалинъ два судна, я предполагаю, что японскіе офицеры прибыли собственно для составленія парадной свиты старшему начальнику, которому поручено переговариваться съ посланными отъ Путятина, а можетъ быть и съ нимъ самимъ. Вслѣдствіе этого, я не противлюсь наѣзду японскихъ офицеровъ въ томъ числѣ, которое они мнѣ сказали, т.-е. 20 ч. Кончивъ это объясненіе, мы начали толковать о торговлѣ. Сумэди-Сама, разспросивъ цѣны разныхъ товаровъ нашихъ, сказалъ, что онъ былъ бы очень радъ, если бы японцамъ дозволено было жить съ русскими на Сахалинѣ, что они могли бы тогда выпросить позволеніе отъ своего правительства торговать съ нами. Болѣе всего ему нравилось — суею красное и въ особенности черное, и потомъ разныя металлическія вещи — часы, зрительныя трубы, термометры. Сапоги онъ тоже хотѣлъ имѣть. Я ему предложилъ выбрать пару по своимъ ногамъ, и онъ обѣщалъ спросить дозволенія у своего начальника, но кажется не получилъ. Русскій сахаръ въ головахъ очень по вкусу имъ, а шафранъ они считаютъ драгоцѣнностью, и потому были очень удивлены, когда я имъ, указавъ на ящикъ, который могъ вмѣстить около 2-хъ зол. шафрану, сказалъ, что три такихъ ящика шафрану они могутъ получить отъ русскихъ за одного хорошаго соболя. Отъ торговли разговоръ перешелъ на военныя силы Россіи. Они были очень поражены, когда я имъ сказалъ, что въ Россіи есть миллионъ войскъ. Они спросили, сколько кораблей; я отозвался незнаемъ и спросилъ бывшаго тутъ Рудановскаго, онъ сказалъ: 500. Мнѣ показалось, что онъ уже слишкомъ увеличиваетъ, и потому я указалъ имъ въ лексиконѣ число 400, объяснивъ, что въ этомъ числѣ находятся суда всѣхъ величинъ. Они попросили нарисовать имъ разныхъ величинъ корабли. Я сдѣлалъ это, какъ умѣлъ. Объясненіе, что на большихъ корабляхъ 100 пушекъ стоятъ въ четыре яруса, ихъ очень поразило. Потомъ спрашивали о русскомъ оружіи и знаменахъ. Я показалъ имъ солдатское ружье со штыкомъ и дѣйствіе имъ. А про знамена сказалъ, какъ они уважаются у насъ и защищаются на войнѣ. Они замѣтили, что у ихъ войскъ есть также знамена. Много изъ того, что я имъ говорилъ, они записывали.

22-го апрѣля. — Сегодня японскіе караульные дали знать, что сельди (хероки) идутъ съ моря къ бухтамъ. Извѣстіе это чрезвычайно оживило японцевъ. Даже офицеры ихъ вышли изъ домовъ своихъ смотрѣть на ходъ рыбы. Рабочіе японцы и айны

носили невода, готовили лодки — однимъ словомъ, все было въ движеніи. Я велѣлъ дать знать мнѣ, когда забросать японцы неводъ. Во второмъ часу, лодки съ неводами отчалили. Я вышелъ посмотреть на ловлю. Японскіе неводы часты и чрезвычайно велики. Одинъ неводъ окружаетъ пространство сажень на 70 отъ берега. Но каково было мое удивленіе, когда, не дотавивъ неводъ сажень на 10 до берега, японцы оставили его въ водѣ, потому что эти 10 сажень неводъ до того былъ наполненъ сельдями, что несмотря на всѣ усилія человѣкъ 60-ти работниковъ, они не могли болѣе притянуть неводъ къ берегу. Я выѣхалъ на шлюпкѣ къ тому мѣсту бухты, гдѣ вода возмущалась отъ хода рыбы. Гребцы, закладывая весла для гребки, выбрасывали ими по нѣскольку сельдей и жаловались, что они мѣшаютъ грести хуже чѣмъ морская капуста. Можно представить себѣ теперь, какъ дорогъ Сахалинъ, т.-е. берегъ Анивы для японцевъ. Японцы и теперь уже много терпятъ въ промыслѣ, отъ того что айны восточнаго и западнаго береговъ не пришли на работу, говоря, что они боятся войны между русскими и японцами. Они никому не хотятъ вѣрить, чтобы возможно было, что русскіе будутъ жить въ Аинѣ съ японцами безъ драки. Я предлагалъ японцамъ послать казака Березкина собрать айновъ, но они просили, чтобы я этого не дѣлалъ, что они уже послали 10 человѣкъ въ Аруторо (восточный берегъ). Теперь у японцевъ работаютъ только анивскіе айны, и то большею частью женщины. Для продовольствія команды свѣжою рыбою, я послала вечеромъ трехъ человѣкъ на маленькой лодкѣ съ саками, чѣмъ на садкахъ вынимаютъ рыбу изъ барокъ. Люди наши вынимаютъ, такъ сказать изъ природнаго садка, т.-е. прямо изъ бухты Томари, по 300 рыбъ въ полчаса. Я закидывалъ нашъ неводъ и вытащили столько рыбы, что мы не знали куда дѣвать ее, и потеряли только время на уборку ея.

123-го апрѣля. — Сегодня, опять пришелъ ко мнѣ Сумеди-Сама съ Яма-Мадо. Кажется, цѣль его прихода была выпросить у меня карту Россіи. Печатной я не имѣлъ, и потому согласился взяться не за свое дѣло — начертить карту всей россійской имперіи, со всѣми владѣніями ея въ Европѣ, Азіи и Америкѣ. Я нарисовалъ по просьбѣ Сумеди и пограничныя съ нею владѣнія Китая и Японіи. При этомъ я не провелъ границы между Сибирью и Китаемъ въ Приамурскомъ краѣ. Можетъ быть, работа моя отправится къ японскому императору на показъ; хорошо что онъ не счумѣетъ подмѣтить невѣрность карты. Толковали мы съ Сумеди и о торговлѣ. Я велѣлъ принести красное и черное сукно. Мнѣ хочется заставить какъ-нибудь япон-

цевъ начать съ нами мѣну. Вольность отзывовъ Сумеди о своихъ начальникахъ и о другихъ предметахъ, относящихся до Япо- нии и Россіи, подавала мнѣ надежду, что онъ согласится скрытно мѣняться съ нами товарами; на первый разъ и это было бы хорошо. Къ сожалѣнію, надежда моя не сбывается, и я подо- зрѣваю, что хитрые японцы, поручивъ Сумеди вывѣдывать отъ меня что ихъ интересуеть, позволили Сумеди вести себя такъ, чтобы я думалъ, что онъ отъ себя говоритъ и дѣйствуетъ для своей собственной пользы, между тѣмъ какъ онъ только испол- няетъ задаваемые ему уроки старшимъ начальникомъ. Я дѣлаю видъ, что будто ничего не подозреваю, и думаю, что дѣйствительно Сумеди скрытно дѣйствуетъ отъ своихъ начальниковъ и всегда серьезно общаю ему, что ничего не скажу имъ про то, что онъ говорилъ со мною. Разъ я попросилъ у него, чтобы онъ мнѣ промѣнялъ обдѣланную раковину на хрустальную тарелку. Онъ согласился, отдалъ раковину и взялъ тарелку. >

24-ое апрѣля. — Многіе айны говорили Дьячкову, что они слышали отъ другихъ айновъ, будто у Сиретову (Анива) ходятъ два русскихъ судна. Кажется, это уже 10-й разъ съ марта мѣ- сяца, что видятъ судно у Сиретову. Ловля идетъ у японцевъ очень лѣнливо, хотя съ тѣмъ числомъ работниковъ, которое они имѣютъ въ Томари (около 100 чел. япон., айновъ и айнокъ) можно бы гораздо болѣе дѣла сдѣлать. Они не убрали еще и одного невода, а нѣсколько ихъ стоитъ въ водѣ съ рыбою не- вытасченными еще на берегъ.

25-ое апрѣля. — Сегодня вновь пришедшій айнъ подтвердилъ, что два судна ходятъ у мыса Анивы, и что даже нѣсколько человекъ съѣзжали на берегъ. Если это русскія суда, то не- понятно, отчего они нейдутъ внутрь залива Анивы. Надо по- лагать, что это китобои. Однако я рѣшился поѣхать на шлюпкѣ за мысъ Эндоморо, закрывающій отъ насъ м. Аниву, въ надеждѣ, что если горизонтъ будетъ ясный, то я увижу въ трубу, если же туманный, то пошлю двухъ казаковъ къ с. Сиретову разузнать, правда ли, что жители видѣли суда, и если правда, то ожидать пока сами не увидятъ и тогда по- дать знакъ на судно, если оно русское, выстрѣлами изъ ружей. Въ 9-мъ часу пришелъ Сумеди-Сама съ Яма-Мадо и спросилъ меня, слышалъ ли я, что русскія суда пришли. Я сказалъ, что слышалъ. Тогда онъ спросилъ, поѣду ли я самъ, или пошлю кого-нибудь къ нимъ. Я сказалъ, что я поѣду къ мысу Эндо- моро посмотрѣть въ зрительную трубу, когда марево пройдетъ. Онъ просидѣлъ у меня до того времени, когда мнѣ дали знать, что люди готовы на молитву (это было въ воскресенье). Я началъ

одѣваться, а Сумеди пошелъ къ Рудановскому. Между разговоромъ Сумеди сказалъ мнѣ, что ихъ начальникъ запретилъ, чтобы не пугать рыбу, бить въ барабанъ, какъ это прежде дѣлалось для сигнала идти къ обѣду и на работу. Я ему сказалъ на это, что вѣроятно они не полагаютъ, чтобы нашъ маленькій колокольчикъ, въ который бьютъ часы и рынду, могъ бы пугать рыбу.—«Колоколь не мѣшаетъ, но выстрѣлы изъ пушекъ могутъ прогнать рыбу; а я слышалъ что русскіе палаятъ, когда приходятъ суда», замѣтилъ мнѣ Сумеди. Я ему обѣщалъ, что буду просить свое начальство позволить не салютовать кораблямъ. Дѣйствительно, надо будетъ это сдѣлать. Послѣ молитвы, въ 1-мъ часу, я вышелъ на шлюпкѣ. Обогнувъ м. Эндоморо, я увидѣлъ, что горизонтъ закрытъ туманомъ и м. Анивы нельзя видѣть. Я однако поѣхалъ далѣе, чтобы высадить двухъ казаковъ. Вѣтеръ, бывший до м. Эндомора совершенно противный, пошелъ немного къ западу, и мы поставили паруса. Проѣзжая с. Хукуй-Катанъ, я увидѣлъ въ зрительную трубу, что и въ этомъ селеніи уже поймано много сельдей, онѣ лежали большими кучами на берегу. Скоро мы обогнули мысъ Хукуй-Катана и пошли мимо озера Отосамъ къ слѣдующему мысу, гдѣ и пристали къ берегу. Я отправился съ каз. Дьячковымъ и Березкинымъ вокругъ мыса, чтобы выйти на открытое мѣсто. Обогнувъ его, мы увидѣли, что слѣдующій мысъ опять закрываетъ намъ Аниву. Было уже часовъ пять, и надо было думать о возвращеніи домой. Мы вернулись къ шлюпкѣ, взойдя по дорогѣ на вершину берега посмотрѣть въ трубу. Идучи мы замѣтили, на пескѣ свѣжій слѣдъ медвѣдя. Я смѣрилъ величину слѣда—вышло двѣ четверти: это лапа огромнаго медвѣдя, какихъ въ Россіи кажется нѣтъ¹⁾. У меня есть шкура чернаго медвѣдя, убитаго въ Хукуй-Катанѣ: она имѣетъ длины отъ шеи до хвоста 11 четв., т.-е. 1 с. безъ четв.; прида къ мѣсту, гдѣ вытащена была шлюпка, я засталъ готовый чай. Назначивъ казаковъ Березкина и Монакова идти къ м. Анивѣ, чтобы разузнать о видѣнныхъ судахъ, я отправилъ ихъ съ провіантомъ на недѣлю, а съ остальными 3-мя гребцами отвалилъ отъ берега. Вѣтеръ былъ попутный, потому мы тотчасъ же поставили парусъ. Проходя не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ берега, гдѣ находится оз. Отосамъ, мы увидѣли въ сажняхъ 20-ти отъ насъ, между берегомъ и шлюпкой, фонтанъ, пущенный китомъ. Скоро показалось туловище, а потомъ хвостъ чудовища. Не

¹⁾ На Сахалинѣ водятся только черные медвѣди, имѣющіе по клочку бѣлыхъ волосъ съ обѣихъ сторонъ шеи; они считаются самыми свирѣпыми. Вообще сахалинскіе медвѣди очень злы и бросаются на людей.

прошло получаса, какъ матросъ на рулѣ замѣтилъ, что-то лежитъ поверхъ воды передъ носомъ шлюпки. Мы приняли сначала это за плавающее дерево, но приблизясь саженой на 5 къ нему, я увидѣлъ, что не можетъ быть такое толстое дерево и тотчасъ велѣлъ взять лѣво руля, чтобы отойти; едва мы отвернули, какъ вода съ шумомъ и брызгами раздалась и хвостъ ныряющаго кита поднялся во всю величину свою. Мы чуть-чуть не натолкнулись на спящаго кита. Судя по хвосту онъ былъ изъ маленькихъ китовъ, т.-е. сажени четыре длины. Киты бываютъ въ 12 и даже 13 сажень. Ужасное множество сивучей постоянно окружало насъ. Сивучи, выныряя изъ воды, вытягиваютъ къ верху голову и такъ держатся совершенно вертикально, выказывая болѣе аршина изъ своего туловища. Они имѣютъ около одной сажени длины. Ревъ ихъ похожъ на бычачій. Говорятъ, что ихъ опасно стрѣлять лежащихъ на берегу потому, что раненые они съ яростью бросаются на стрѣлка и чрезвычайно быстро бѣгутъ опираясь на свои лапы и хвостъ. Подѣзжая къ посту, я увидѣлъ, что пришли двѣ японскія джонки, находившіяся въ Тіатомари, за японцами. Ихъ приѣхало всего около 20-ти человекъ.

26-го апрѣля. — О судахъ нѣтъ никакого извѣстія. Сегодня я смотрѣлъ на рыбную ловлю японцевъ, и теперь не удивляюсь, что они нуждаются въ аинахъ. Способъ вытаскиванія неводовъ такъ дуренъ, что дѣйствительно необходимо не менѣе 70-ти ч. на неводъ. У нихъ нѣтъ тоней, какія дѣлаютъ у насъ, гдѣ 10 рыбаковъ легко повертываютъ канатъ. У нихъ тянутъ канатъ рабочіе отъ начала до конца руками. Одинъ конецъ впрочемъ наворочивали на вертящуюся тумбу, но она такъ тонка и канатъ дѣлаетъ столь малый оборотъ, что эта работа еще медленнѣе, чѣмъ просто руками тянуть. Необычайно количество рыбы и дешевизна найма аиновъ, или лучше сказать малость подачи, отпускаемой имъ.

27-го апрѣля. — Сегодня ночью пришли аины сел. Найпучи на работу къ японцамъ. Одинъ изъ нихъ, узнавъ въ часовомъ у нижней казармы казака Дьячкова, подошелъ къ нему и сказалъ, чтобы онъ вошелъ съ нимъ въ казарму. Дьячковъ вызвалъ смѣну и пошелъ съ аиномъ. Тотъ ему далъ травъ, сказавъ, чтобы онъ не говорилъ японцамъ, потому что тогда они убьютъ его. Дьячковъ ему старался объяснить, что хотя русскіе дружно живутъ съ японцами, но это не значитъ, чтобы они позволили японцамъ убить аина за то, что онъ служилъ имъ. Аинъ отвѣчалъ на это, что если русскіе посылаютъ аиновъ на работу къ японцамъ, то значитъ они оставляютъ ихъ беззащитными подъ

начальствомъ японцевъ¹⁾; сказавъ это, онъ попросилъ за травы табакъ, и потихоньку ушелъ къ айскимъ юртамъ. Вотъ отвѣтъ всѣхъ айновъ на наши убѣжденія, чтобы они не боялись японцевъ. Они не вѣрятъ и совершенно справедливо; я вмѣстѣ съ ними не могу понять возможности, чтобы русскіе и японцы вмѣстѣ жили въ Анивѣ, и при этомъ чтобы айны оставались въ прежнемъ отношеніи къ японцамъ, т.-е. въ рабствѣ. Это вещь невозможная; слѣд. или японцы должны признать Кусунъ-Катанъ (Анива) русскою землею, и на этомъ основаніи измѣнивъ законъ свой придти на русскую землю промыслять рыбу, уговариваясь съ айнами на счетъ найма къ нимъ въ работники по вольной съ обѣихъ сторонъ цѣнѣ; или русскіе должны перейти жить изъ Кусунъ-Катана въ другое мѣсто, предоставляя айнамъ оставаться работниками у японцевъ или перейти къ русскимъ заселеніямъ для занятія пушными промыслами. Въ положеніи же, въ которомъ мы теперь находимся, оставаться далѣе нынѣшняго мѣста нельзя. Я уже выше сказалъ, что айны дальнихъ селеній до сихъ поръ нейдутъ къ японцамъ на работу, отговариваясь тѣмъ, что они не могутъ вѣрить тому, что японцы съ русскими будутъ мирно жить въ Кусунъ-Катанѣ. Чтобы собрать ихъ, слѣдуетъ послать партію русскихъ. Во-первыхъ, теперь это невозможно, потому что вся команда больна цынгою; а во-вторыхъ, странно, если мы не только будемъ оказывать послабленіе японцамъ, оставляя айновъ въ ихъ волѣ, но еще будемъ силою собирать ихъ для отдачи въ рабство къ ненавистнымъ для нихъ господамъ. Поэтому не слѣдовало, — рѣшившись разъ занять Аниву и встать въ главное японское селеніе, употреблять увертливыхъ приказаній, — стараться сдружиться съ японцами и айнами и отнюдь не тревожить первыхъ въ ихъ рыбныхъ промыслахъ, не дозволяя только имъ привозить войска и пушки. Это возможно только тогда, когда мы встали бы сѣвернѣе японскихъ заселепій. Объяснивъ тогда японцамъ, чтобы они не привозили войска и пушекъ и предоставили айнамъ свободно наниматься служить кому они хотятъ, мы могли бы рассчитывать на то, что хотя японцы вслѣдствіе этого и лишились бы въ большой части айскихъ работниковъ, но однако, дорожа своими промыслами и не имѣя надъ головами русскихъ строеній, они приѣзжали бы на Са-

¹⁾ Лѣтняя работа у японцевъ отнимаетъ у айновъ возможность сдѣлать достаточный запасъ рыбы на зиму, — вслѣдствіе чего у нихъ бываетъ почти ежегодно голодь въ мартѣ и даже въ февралѣ мѣсяцѣ. Айны признаются, что они воруютъ отъ японцевъ рыбу, потому что иначе они остались бы совершенно безъ рыбъ.

халинъ и не строили бы крѣпостей, лишь бы только не прогнали ихъ.»

Сегодня Сумэди-Сама пришелъ ко мнѣ въ 5-мъ часу, по обыкновенію съ чаемъ. Я ему подарилъ или лучше сказать заплатилъ шестью фунтами сахару за рисъ, который онъ мнѣ прислалъ наканунѣ. Онъ пришелъ собственно для того, чтобы сказать, что если завтра будетъ попутный вѣтеръ, то четыре конкасы пойдутъ въ Сирануси для того, чтобы перевезти оттуда офицеровъ и солдатъ, всего 77 челов. Это же самое число онъ говорилъ при первомъ объясненіи со мною насчетъ того, сколькоимъ солдатамъ я могу дозволить пріѣхать на Сахалинъ. Отсюда надо заключить, что или вслѣдствіе этого объясненія японцы послали съ упедшими тремя конкасами извѣщеніе о числѣ солдатъ, которое я могу допустить, или Сумэди обманываетъ. Мнѣ еще то было подозрительно, что Сумэди хитритъ; онъ между разговоромъ связалъ, будто слышалъ, что японское большое судно видѣли въ морѣ айны изъ Сирануси; что это вѣроятно судно съ провіантомъ и товаромъ. Потомъ онъ связалъ, что онъ тоже слышалъ, что изъ Мацмая пріѣдетъ императорскаго войска офицеръ и солдаты. Подозрѣвая, что онъ испытываетъ, какъ я смотрю на это обстоятельство, я ему сказалъ: «Сумэди-Сама, скажи своему старшему начальнику, что если пріѣдетъ на Сахалинъ солдатъ и офицеровъ болѣе того числа, въ которомъ мы условились, то я приму это за враждебныя дѣйствія и потому употреблю силу, чтобы недопустить японцевъ увеличивать числа вооруженныхъ людей.» Сумэди началъ клясться, что японцы не хотятъ вести войну съ русскими, что онъ не знаетъ хорошо, сколько назначено всего солдатъ на Сахалинъ, а говоритъ такъ только; что же касается до него самого, то его главная забота о томъ, чтобы рыбные промыслы были успѣшны, что онъ отсовѣтовалъ своему начальнику поставить у своего дома пушки, боясь, что айны разбѣгутся. Я сказалъ ему, что онъ хорошо сдѣлалъ, что отсовѣтовалъ ставить пушки, потому что если бы я ихъ увидѣлъ, то потребовалъ бы ихъ, и я ему поручаю сказать старшему начальнику японцевъ, чтобы я ни пушекъ, ни больше условленнаго числа солдатъ не видѣлъ у японцевъ, если они дѣйствительно не хотятъ воевать съ нами; что я не хочу да мнѣ и не приказано драться съ японцами; а если я разъ это говорю, то это правда, потому что русскій офицеръ знаетъ, что Богъ слышитъ что онъ говоритъ; позволить же японцамъ вмѣсто работниковъ наводить войска,—не могу.» Сумэди на это сказалъ, что японцы боятся нападенія Хвостова и потому привезли солдатъ себѣ въ

защиту. Я на это возразилъ ему, что Хвостовъ былъ съ купеческимъ судномъ и разбойничалъ, а я пришелъ отъ императора русскаго. Прощаясь онъ сказалъ мнѣ, что поѣдетъ въ Усунной и Унду сказать аинамъ, чтобы они не боялись и не убѣжали, если услышать пушечные выстрѣлы, потому что это будетъ салютъ русскимъ. Я ему замѣтилъ, что намѣренъ по прибытіи русскихъ судовъ послать шлюпку просить, чтобы не салютовали, потому что это можетъ отогнать рыбу, а потому онъ можетъ надѣяться, что стрѣльбы не будетъ, если только не придется подать ночью сигналъ, когда судно будетъ искать насъ, и то я постараюсь дать знать огнемъ фальшфейеровъ. Сумеди очень обрадовался этому извѣстію и довольный ушелъ отъ меня. Я приказалъ Дьячкову завтра постараться свидѣться съ нимъ или съ Яма-Мадо, чтобы еще пересказать о нашемъ разговорѣ, потому что я худо говорю и можетъ быть Сумеди не все понялъ. Аинамъ же я велѣлъ отвѣчать на вопросы, останутся ли русскіе, что никто не можетъ теперъ ихъ вывести изъ Аину-Катанъ, потому что русскіе пришли туда по повелѣнію своего императора, но что можетъ быть перенесенъ постъ на другое болѣе удобное мѣсто.

XIV.

29-го апрѣля. — Ура! русское судно пришло. Въ 1-мъ часу пополудни часовой увидѣлъ на горизонтѣ парусъ. Я тотчасъ же вошелъ на башню и удостовѣрился въ зрительную трубу, что часовой не ошибся. Видно было два судна; одно изъ нихъ большое, и по виду парусовъ ясно отличалось отъ меньшаго, которое я тотчасъ принялъ за японское. Рудановскій былъ моего мнѣнія, а когда большое судно подошло ближе, то онъ увѣрялъ, что это должно быть военное. Скоро уже судно подошло такъ близко, что я, желая, чтобы оно не вздумало салютовать, послалъ ему извѣщеніе объ этомъ на японской лодкѣ, — шлюпка была командирована къ озеру Отосамъ. Но еще вдали съ судна сдѣлали выстрѣлъ. Сумеди-Сама прибѣжалъ ко мнѣ, узнавъ, что идетъ русское судно. Лодки наши подплыли къ судну, передали бумагу и скоро извѣстили насъ, что корветъ «Оливуца» пришелъ изъ «Императорской гавани». Затѣмъ пришелъ вельботъ съ подпоручикомъ Орловымъ, присланнымъ изъ Петровскаго для поступленія въ распоряженіе адмирала Путятина. Онъ привезъ

мнѣ большой пакетъ дѣловыхъ бумагъ и частныхъ писемъ. Трудно представить жителю многолюднаго города радость, которую чувствуетъ человѣкъ, прожившій около года безъ всякихъ извѣстій изъ родной стороны. Невольно я распечаталъ первыми частныя письма отъ сестры моей и другихъ родственниковъ. Быстро пробѣжавъ ихъ и увѣрившись, что всѣ здоровы и счастливы, я принялся читать дѣловыя бумаги. Первая бумага была та, въ которой генераль-губернаторъ утверждалъ меня правителемъ острова Сахалина, до прибытія правителя отъ компаніи, и выражалъ ему только свойственнымъ слогомъ свое довольство моими дѣйствіями. Частное письмо Николая Николаевича по этому же предмету еще ласковѣе и, можно сказать, дружественнѣе. Самое важное извѣстіе было о разрывѣ съ Турціею и о вѣроятности разрыва съ Англіею и Франціею. Последнее обстоятельство еще болѣе можетъ затруднить наше положеніе, если японцы узнаютъ о разрывѣ нашемъ съ сильными морскими державами, съ которыми намъ трудно будетъ бороться въ Тихомъ океанѣ. Хорошо еще, если посланные изъ балтійскаго флота 2 фрег., 1 корветъ и 1 транспортъ успѣютъ пробраться къ намъ между англійскими эскадрами. Я думаю, что трудно будетъ имъ это сдѣлать, если разрывъ дѣйствительно произойдетъ. Ихъ приказано дожидать къ началу апрѣля, а теперь уже начало мая, и ихъ нѣтъ. Пришедшій къ намъ корветъ «Оливуца» долженъ идти въ Петропавловскій портъ для защиты Камчатки. Между неприятными извѣстіями конечно самое важное и грустное было извѣстіе, что судно компанейское «Николай» и камчатскій транспортъ «Иртышъ» не могутъ выйти изъ «Императорской гавани» ранѣе второй половины мая, потому что въ командахъ ихъ свирѣпствуетъ цынга, отъ которой уже умерло 30 человѣкъ изъ 80-ти. Мѣстоположеніе и недостатокъ свѣжей пищи и хорошаго жилья были, какъ и всегда, причиною сильнаго развитія болѣзни. Получилъ я письма отъ Невельскаго и Корсакова. Первый, будучи обезпкоенъ положеніемъ поста, совѣтуетъ мнѣ вести дѣло такъ, чтобы не имѣть столкновенія съ японцами, стараясь совершенно не вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Второй поздравляетъ меня съ успѣхомъ распоряженій моихъ и извѣщаетъ, что губернаторъ очень доволенъ мною, и надѣется, что съ будущемъ почтою поздравитъ меня съ чиномъ подполковника. Приходъ корвета оживилъ наше поселеніе. Больные наши стали веселѣе, и по словамъ доктора корветскаго ни одного изъ нихъ нѣтъ опасно больного. На айновъ приходъ русскаго корабля конечно имѣлъ хорошее вліяніе, но я продолжалъ такъ держать себя, чтобы они не возымѣли мысли оставить работы у японцевъ. >

Горестно, но необходимо! Приѣхавшіе офицеры на корветѣ, посѣтивъ нашъ постъ, удивлялись, что мы успѣли такъ хорошо и удобно обстроиться.

1-ое мая. — Я снова перечиталъ письма родныхъ. Неужели этотъ годъ не увижусь я съ ними. Право страшно подумать объ этомъ.

Сегодня неожиданно пошелъ снѣгъ. Поздненько для 46⁰ широты. Климатъ Анивы немногимъ мягче петербургскаго; конечно хорошей погоды больше, да и солнце посильнѣе.

Сегодня командиръ корвета Назимовъ пригласилъ на корветъ, по предложенію моему, японскихъ офицеровъ знакомыхъ мнѣ. Я повезъ Мива-Сама и Сумэди-Сама на капитанскомъ вельботѣ; на нашей шлюпкѣ поѣхалъ Рудановскій съ Уди-Сама, а на восьмеркѣ усажены были японскіе солдаты, составлявшіе свиту японскихъ офицеровъ и 3 старшины изъ айновъ. Шелъ небольшой дождь, когда мы пристали къ корвету и потому, почти не осматривая его, вошли въ капитанскую каюту. Красивая комната, хорошій обѣдъ, огромность размѣровъ всѣхъ частей военного судна сдѣлали впечатлѣніе на японцевъ. За обѣдомъ пили за здоровье государя, при чемъ пѣвчіе спѣли «Боже царя храни». Послѣ обѣда капитанъ Назимовъ показалъ примѣрное ученье на парусахъ и при орудіяхъ. Послѣдніе были 18-ти-фун. кал. пушки-каронады. Величина ихъ поражала японцевъ, и я послѣ узналъ отъ казака Дьячкова, что одинъ изъ японскихъ солдатъ, не вѣря, что онѣ сдѣланы изъ металла, началъ скоблить ножемъ, чтобы убѣдиться, не изъ дерева ли пушка. Въ Японіи дѣлаютъ очень много деревянныхъ орудій, чтобы придать батареямъ болѣе грозный видъ. Одинъ изъ офицеровъ корвета видѣлъ, какъ въ Напкинѣ рубили во время штурма японское судно и нѣсколько пушекъ плавали вокругъ его.

2-го мая. — Сегодня капитанъ Назимовъ предполагаетъ сняться съ якоря и идти въ Камчатку, подойдя на пути къ мысу Крильону, а оттуда къ Мацмайскому берегу. Маневръ этотъ долженъ былъ быть сдѣланъ вслѣдствіе моего предложенія. Цѣль его была заставить японцевъ предполагать, что корвету поручено лавировать у острововъ, занимаемыхъ ихъ промышленными заселеніями. Я приготовилъ письма къ губернатору, Завойкѣ, Корсакову и роднымъ. Въ седьмомъ часу утра я поѣхалъ на корветъ. Назимовъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ на корветѣ осмотрѣть, есть ли якорное мѣсто у устья р. Туотоги. Я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе, и мы тотчасъ послали шлюпку за Рудановскимъ. Онъ привезъ съ собою Сумеди-Сама, неотступно просившаго его взять на корветъ. Мы снялись съ

якоря и пошли къ ясно обозначившемуся устью рѣки. Вѣтеръ намъ былъ совершенно противный и потому мы принуждены были лавировать. Прекрасный обѣдъ сократилъ намъ продолжительное время, которое пришлось употребить для подхода къ рѣкѣ. Когда берегъ сталъ ясно обозначаться, мы вышли на палубу. Глубина измѣнялась очень равномерно. Подойдя на 10 сажень глубины мы убрали часть парусовъ, но глубина такъ долго не измѣнялась, что Назимовъ, наскучивъ тихимъ ходомъ корвета, опять поставилъ всѣ паруса. Когда мы пришли на 8 саж., то бросили якорь, а потомъ спустили вельботъ, на которомъ Назимовъ, я, Рудановскій и Сумеди-Сама поѣхали къ рѣкѣ. Подойдя довольно близко къ устью рѣки, мы находились еще на большой глубинѣ—вблизи отъ насъ плавалъ китъ и пускалъ фонтанъ. Скоро замѣтили мы, что вельботъ идетъ прямо на гряды каменьевъ. Гряда эта шла отъ W къ O, заграждая такимъ образомъ устье рѣки отъ S. Поднявшись вдоль этой гряды, мы завернули за нее и пошли по фарватеру рѣки. Онъ открытъ къ отмелямъ р. Сусуи и за ней вблизи находящимся гористымъ берегамъ. Фарватеръ, шириною сажень 50, идетъ, какъ я сказалъ, между отмелями съ NO стороны и грядою каменьевъ съ S стороны. У насъ былъ вѣтеръ отъ W. Фарватеръ былъ совершенно спокоенъ—волны разбивались на грядѣ каменьевъ. Къ сожалѣнiю глубина начала быстро уменьшаться и скоро дошла до 3-хъ футовъ (на малой водѣ). У входа въ рѣку теченiе быстро. На веслахъ трудно было идти и потому, вышедъ на берегъ, мы повели вельботъ бичевою. Рѣка круто заворачиваетъ съ моря къ NO. Зайдя за этотъ заворотъ, мы сѣли опять въ вельботъ, потому что теченiе было уже значительно слабѣе. Скоро мы поставили парусъ и подъ нимъ пошли вверхъ по рѣкѣ. Я уже прежде описывалъ берегъ рѣки Туотоги и потому здѣсь скажу только, что глубина ея въ малую воду въ устьѣ 3 ф., выше по рѣкѣ 6 и болѣе футовъ. Ширина до 30-ти саж. Поэтому р. Туотога можетъ считаться судоходною для плоскодонныхъ рѣчныхъ парусныхъ судовъ и пароходовъ. Входъ въ нее удобенъ. Судно большого ранга подходитъ ближе къ берегу, чѣмъ у Муравьевскаго поста. Грунтъ—илъ. Якорное мѣсто совершенно защищено отъ N, W и O вѣтровъ, наиболѣе сильныхъ въ заливѣ Анивѣ (W вѣтеръ самый сильный). Осматривая зимою р. Туотогу, я узналъ отъ айна и казаковъ, жившихъ на этой рѣкѣ для охоты, что она, заворачивая къ NO, подходитъ близко, версты на 1½ русскихъ, къ морскому берегу. Поставивъ на этомъ изгибѣ селенiе, можно легко провести черезъ лѣсъ дорогу къ заливу и такимъ образомъ устроить двойное со-

общеніе—по рѣкѣ для большихъ тяжестей и по сухопутной дорогѣ для легкихъ грузовъ и проѣзжающихъ пассажировъ. У устья рѣки слѣдуетъ держать лѣтомъ человекъ 10 рабочихъ для добыванія рыбы и караула судовъ.

На обратномъ пути Назимовъ показалъ мнѣ ученые при орудіяхъ и вызовъ къ бою абордажныхъ партій. Эволюціи эти очень поразили Сумеди-Сама порядкомъ, точностью и быстротою исполненія. Когда мы встали на якорь, пріѣхалъ японецъ Яма-Мадо за Сумеди-Сама. Послѣдній сказалъ мнѣ, что старикъ Мива-Сама беспокоится о немъ, не увезли ли его русскіе. Мы много смѣялись предположенію японцевъ, будто намъ такъ важно имѣть въ плѣну Сумеди-Сама.

На другое утро, 3-го числа, корветъ снялся съ якоря и пошелъ къ мысу Крильону.

Пріѣздъ Орлова очень оживилъ уединенную жизнь мою. Я не знаю еще близко его, но онъ умный и пріятный собесѣдникъ. Разсуждая между прочимъ о положеніи нашемъ въ Муравьевскомъ посту и о его мѣстности, Орловъ согласился съ моимъ мнѣніемъ. Я не знаю мысли Невельского, которую онъ имѣлъ, посылая Орлова ко мнѣ. Онъ пишетъ мнѣ, чтобы я обратилъ особенное вниманіе на этого человека и довѣрялъ бы ему въ дѣйствіяхъ съ японцами и аинами, потому что онъ хорошо знаетъ оба народа эти и говоритъ по-айнски. Оказалось, что г. Орлову пришлось у меня учиться айнскому языку и узнавать объ японцахъ. Быть можетъ, намѣреніе Невельского поставить подлѣ меня человека, который бы могъ слѣдить за моими дѣйствіями съ тѣмъ, чтобы послѣ передать ихъ ему, такъ какъ Невельскому извѣстно, что я другого съ нимъ мнѣнія на счетъ экспедиціи. Но, впрочемъ, это только мое предположеніе и я не имѣю никакихъ данныхъ, подтверждающихъ его.

7-го мая. — Утромъ часовые увидѣли парусъ. Зналъ, что фрегатъ «Аврора» и корветъ «Наваринъ» — должны зайти въ Аниву, я полагалъ, что это должно быть одно изъ этихъ судовъ. Скоро я увидѣлъ свою ошибку, пришедшее судно было корветъ «Оливуца». Вскорѣ г. Назимовъ съѣхалъ на берегъ. Отъ него я узналъ, что къ сѣверу отъ мыса Анивы море покрыто сплошнымъ льдомъ. Онъ встрѣтилъ тамъ одно китобойное американское судно, которое, по словамъ капитана его, уже давно лавируетъ тамъ, отыскивая проходъ въ Охотское море. Другое китобойное же судно виднѣлось на горизонтѣ къ востоку. Эти-то суда и видѣли японцы и аины съ мыса Анивы. Назимовъ хотѣлъ на другое утро сняться съ якоря и идти Японскимъ моремъ въ Камчатку. На другой день, 8-го, онъ снялся съ якоря.

Погода наступила у насъ совершенно лѣтняя.¹⁾ Я раскинулъ палатку въ ближайшей отъ насъ рощѣ и провожу тамъ большую часть дня.

11-ое мая. — Сумеди-Сама пришелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что въ Сою пріѣхалъ отъ императора офицеръ и долженъ скоро прибыть на Сахалинъ. Я спросилъ: ѣдетъ ли онъ одинъ или со свитою. Сумеди сказалъ, что при немъ будетъ 100 ч. солдатъ. Услышавъ это, я велѣлъ Сумеди-Сама передать своимъ начальникамъ, что я не могу позволить пріѣзжать имъ съ войскомъ, и потому прошу офицера, пріѣхавшаго отъ императора, если онъ хочетъ явиться на Сахалинъ, то только съ одними прислужниками, а иначе я его не пущу. Сумеди сказалъ, что онъ передастъ мои слова Минѣ-Самѣ, который долженъ былъ ѣхать въ Сирануси на встрѣчу пріѣхавшему изъ столицы офицеру. Мнѣ необходимо было дѣйствовать такимъ образомъ потому, что позволивъ разъ собраться большому числу солдатъ японскихъ на Сахалинъ, я этимъ призналъ бы острогъ ихъ владѣніемъ; кромѣ того это имѣло бы дурное вліяніе на айновъ. Наконецъ, я все еще не зналъ, придутъ ли суда наши въ Аниву, узнавъ о разрывѣ съ Англіею, и потому не хотѣлъ стать въ положеніе весьма невыгодное, если у меня подъ бокъ очутится въ десять разъ больше японцевъ, чѣмъ я имѣю (хромоногихъ) солдатъ ¹⁾.....

13-го мая. Увидѣли судно.

15-го > Подошелъ «Байкаль».

17-го > Пріѣхало 46 японцевъ.

18-го > Обѣдъ въ лѣсу съ японцами.

19-го > «Байкаль» снялся съ якоря.

.
.

¹⁾ На этомъ мѣстѣ прерывается текстъ дневника; оставшаяся за тѣмъ чистая бумага тетради доказываетъ, что авторъ больше не возвращался къ дневнику, но, видно, имѣлъ намѣреніе, такъ какъ на поляхъ слѣдующей страницы помѣчены дни тѣхъ фактовъ, которые должны были войти въ послѣдующій разсказъ, отъ 13-го до 19го мая. — *Изд.*

ОТВѢТЪ

ГГ. НЕВЕЛЬСКОМУ И РУДАНОВСКОМУ.

Въ „Вѣстникѣ Европы“, гдѣ первоначально были напечатаны, въ концѣ 1871-го года, отдѣльно изданныя нынѣ воспоминанія Н. В. Буссе объ островѣ Сахалинѣ и экспедиціи 1853-го года, а именно, въ книгѣ за августъ мѣсяць сего года напечатаны письмо Г. И. Невельскаго и статья г. Рудановскаго, подѣ общимъ названіемъ: „По поводѣ воспоминаній Н. В. Буссе объ островѣ Сахалинѣ и экспедиціи 1853-го года“. Оба отзыва даютъ весьма неблагопріятное и, могу сказать, несправедливое понятіе о дѣятельности и личномъ характерѣ покойнаго двоюроднаго моего брата, Николая Васильевича Буссе, что и побуждаетъ меня указать на искаженія фактовъ и ложность выводовъ въ названной статьѣ, елонящихся къ тому, чтобы бросить тѣнь на доброе имя Николая Васильевича. При этомъ я поставленъ въ весьма затруднительное положеніе тѣмъ, что находился въ близкомъ родствѣ съ покойнымъ, почему всѣ мои личныя заявленія могутъ казаться читателямъ односторонними.

При такомъ положеніи дѣла я бы и не рѣшился возражать, если бы по счастью, между бумагами оставшимися по смерти брата не сохранились документы изъ временъ экспедиціи на о. Сахалинѣ, состоящіе частью изъ официальной переписки, частью изъ собственно-ручныхъ писемъ г. Невельскаго и другой частной корреспонденціи. Сопоставляя возраженія и заключенія г. Невельскаго и г. Рудановскаго съ этими документами, между собою и съ текстомъ мемуаровъ, я доставляю самимъ читателямъ возможность убѣдиться въ пра-

вильности моихъ выводовъ, достоинствъ и вѣрности нареканій, заключающихся въ разбираемой статьѣ. Это для меня тѣмъ легче, что я лично не замѣшанъ въ полемику, и упрекъ въ письмѣ Г. И. Невельскаго (стр. 909) издателямъ мемуаровъ ко мнѣ не относится, такъ какъ я не участвовалъ въ ихъ редакціи.

Желая убѣдить читателей, я прошу тѣхъ изъ нихъ, которые пожелаютъ вникнуть въ дѣло, пожаловать ко мнѣ въ квартиру, и убѣдиться въ правильности моихъ ссылокъ, чрезъ ознакомленіе съ подлинными документами. Для этой цѣли я сообщилъ въ редакцію „Вѣстника Европы“ мой адресъ и прошу сообщать его всѣмъ желающимъ.

Въ своемъ письмѣ въ редакцію Г. Невельской не дѣлаетъ собственныхъ заключеній, подтверждая только все то, что сказано въ статьѣ Рудановскаго, поэтому я сперва обращусь къ послѣдней съ тѣмъ, чтобы потомъ уже обратиться къ первому письму.

Разбирать подробно каждое заявленіе г. Рудановскаго я не буду, не желая излишне утомлять благосклонныхъ читателей. Разоблачивъ приемы употребляемые авторомъ для осужденія брата въ болѣе важныхъ вопросахъ, я тѣмъ самымъ надѣюсь поставить и мелкія обвиненія въ надлежащемъ свѣтѣ.

Г. Рудановскій начинаетъ свое возраженіе тѣмъ, что старается подорвать интересъ мемуаровъ, какъ полнаго описанія края и дѣйствій мѣстныхъ дѣятелей. Онъ находитъ, что Николай Васильевичъ Буссе не достаточно пользовался, для обогащенія своей статьи, архивными свѣдѣніями ему доступными, своимъ положеніемъ, сперва какъ состоящаго въ распоряженіи генераль-губернатора, потомъ какъ управляющаго штабомъ, и наконецъ, какъ губернатора Амурской области. Упрекъ этотъ былъ бы справедливъ, если бы всѣ названныя обязанности предшествовали бы сахалинской экспедиціи, или же мемуары его были бы въ послѣдствіи имъ самимъ обработаны для печати. Но г. Рудановскій знаетъ, по предисловію къ дневнику, что онъ изданъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ во время самой экспедиціи, поэтому сдѣланный упрекъ, не только устраняется самъ собою, но и указываетъ на приемы обвиненія, употребляемые г. Рудановскимъ.

На 910-й страницѣ г. Рудановскій указываетъ на первую главу дневника г. Буссе, въ которой сказано, что, имѣя отъ генераль-губернатора разныя порученія, онъ совершенно неожиданно, вслѣдствіе предложенія г. Невельскаго, долженъ былъ отправиться на Сахалинъ. „Это, по мнѣнію г. Рудановскаго, невѣрно, и для возстановленія истинны довольно будетъ обратить вниманіе на то, что авторъ дневника состоялъ, какъ и Г. И. Невельской, по особымъ порученіямъ при генераль-губернаторѣ; слѣдовательно, принятіе или непринятіе на себя порученія г. Невельскаго вѣхать на Сахалинъ, зависѣло отъ него самого. Но предположивъ, продолжаетъ г. Рудановскій, что въ видахъ

„успѣха экспедиціи на Сахалинѣ, какъ говоритъ авторъ онъ рѣшил-
„ся поступить подѣ начальство г. Невельскаго, какимъ же образомъ
„послѣ этого г. Буссе на 736 и 749 стр. дневника находить, что рас-
„поряженія г. Невельскаго были недовольно серьезными, такъ что онъ
„(Буссе) считалъ необходимымъ поставить подлѣ него человѣка бла-
„горазумнаго, который непременно взялъ бы верхъ надъ слишкомъ
„запальчивымъ характеромъ его?“

Прочтя эти строки, читатель выводитъ заключеніе, что Н. В. счи-
талъ себя именно тѣмъ самымъ благоразумнымъ человѣкомъ, кото-
рому слѣдовало направлять дѣйствія г. Невельскаго, и какъ будто
бы для достиженія этой цѣли онъ принялъ участіе въ экспедиціи.
Если не допустить такого заключенія, то приведенныя слова Руда-
новскаго теряютъ логическую связь между собою.

Но посмотримъ какъ это было на самомъ дѣлѣ.

Обращаясь къ подлиннику приведенной выписки (Вѣст. Евр., ок-
тябрь, стр. 740), мы читаемъ, что въ самомъ началѣ своего знаком-
ства съ Невельскимъ, Н. В. пришелъ къ слѣдующему заключенію:

„Вообще мнѣ показалось, что обращеніе Невельскаго съ подчи-
„ненными и духъ бумагъ его не довольно серьезны: это и есть при-
„чина, почему донесенія и рассказы его не внушаютъ къ себѣ полного
„довѣрія, хотя дѣйствительно ему и есть чѣмъ похвастаться. По мо-
„ему мнѣнію, этотъ предприимчивый человѣкъ очень способенъ къ ис-
„полненію возложеннаго на него порученія — распространить наше
„вліяніе въ приамурскомъ краѣ, но необходимо поставить подлѣ него
„человѣка благоразумнаго, хладнокровнаго и благонадежнаго. Такой
„товарищъ взялъ бы непременно верхъ надъ слишкомъ запальчи-
„вымъ характеромъ Невельскаго“.

Очевидно, здѣсь дѣло идетъ объ оцѣнѣ общей дѣятельности г.
Невельскаго въ приамурскомъ краѣ, а не объ сахалинской экспеди-
ціи, посему теряется и тотъ смыслъ словъ дневника, который искус-
но данъ г. Рудановскимъ, посредствомъ довольно неблагоприятнаго со-
кращенія текста.

Г. Рудановскій предложилъ выписку (что доказывается кавычками
въ его статьѣ) не въ полномъ ея объемѣ, съ тою очевидною цѣлью,
чтобы высказанное Н. В. признаніе достоинствъ г. Невельскаго не
противорѣчило бы другому его обвиненію, а именно, что покойный
не признавалъ полезную дѣятельность другихъ лицъ, приписывая себѣ
весь успѣхъ дѣла.

На основаніи приведенныхъ выписокъ и вслѣдъ за ними, авторъ
возраженія, (стр. 911 его статьи) обсуждая выборъ мѣста для воен-
наго поста, говорить:

„Но если г. Буссе былъ приглашенъ г. Невельскимъ въ началь-
„ниги сахалинской экспедиціи, какъ лицо равное съ нимъ по поло-

„женію, хотя и моложе чиномъ, то казалось бы онъ могъ, въ видахъ „успѣха въ экспедиціи“, болѣе или менѣе измѣнять распоряженія г. Невельскаго; если же онъ предпочелъ подчиниться его невѣрнымъ „соображеніямъ, то очевидно, что самостоятельнымъ человѣкомъ онъ „не былъ, а на каждомъ шагѣ старался себя выгораживать и вовсе „не имѣлъ того гражданскаго мужества, которое обязывало бы его от- „крыто избѣгать неудобствъ положенія въ заливѣ Анивѣ Муравьев- „скаго поста, судя по дневнику его, ему ясно представлявшихся.

„Перемѣнить же мѣсто онъ имѣлъ средства, такъ какъ черезъ „два или три дня по уходѣ г. Невельскаго, явился транспортъ—„Ир- „тышъ“, который онъ могъ оставить при себѣ и съ помощью кото- „раго онъ могъ бы изыскать мѣсто въ Анивѣ, или гдѣ ему угодно „на Сахалинѣ. Но въ томъ то и дѣло, что люди, которые желаютъ „выслужиться и показать одного себя, обыкновенно имѣютъ уловки, „говорить одно, а дѣлать другое“.

На сколько Н. В. Буссе могъ быть самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ и на сколько онъ былъ равенъ г. Невельскому въ распоряженіяхъ по экспедиціи, объясняютъ слѣдующіе документы.

Предписаніемъ 20-го апрѣля 1853-го года за № 140 (находится у меня въ подлинникѣ) генераль-губернаторъ въ видахъ единства распоряженій при снаряженіи экспедиціи, поручилъ Николаю Васильевичу завѣдывать формируемымъ отрядомъ, и для того выбрать людей изъ числа казаковъ и солдатъ, расположенныхъ въ Иркутской губерніи и Якутской области, и принявъ команду назначаемую на Сахалинъ въ Петропавловскомъ портѣ, привести ее, на суднѣ Рос. амеркомп. въ Петровское зимовье, „гдѣ явиться къ состоящему при мнѣ „для особыхъ порученій капитану 1-го ранга Невельскому и нахо- „дяться въ его распоряженіи до отплытія изъ Петровскаго зимовья „последняго судна въ Аянъ, на которомъ уже имѣете вы возвратитъ- „ся туда и т. д.“ Затѣмъ предписано было майору Буссе возвратиться въ Иркутскъ, осмотрѣвъ на пути поселенія по аянскому тракту и Якутскій казачій полкъ.

Прибывъ въ Аянъ, братъ мой донесъ, какъ видно изъ отпуска г. Невельскому, рапортомъ 30-го іюня 1853-го года за № 7, о всѣхъ сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ.

Что уже въ то время Невельскій смотрѣлъ на Н. В. какъ на поставленнаго въ его распоряженіе, т.-е. подчиненнаго, можно заключить изъ письма его отъ 16-го іюня 1853-го г., въ которомъ онъ находилъ возможнымъ, тогда еще, до личнаго знакомства даже, въ случаѣ необходимости удержать Н. В. при амурской экспедиціи. Отправляясь на осмотръ восточнаго берега о. Сахалина, г. Невельской предполагать въ письмѣ возвратиться 16-го августа въ Петровское зимовье, но допускаетъ возможность задержки въ крайнемъ случаѣ до

5-го сентября. Прибытіе Н. В. съ командою сахалинской экспедиціи, должно было совершиться значительно раньше, поэтому г. Невельскій предлагаетъ Н. В. ожидать его до 5-го сентября: „тогда уже вы, т.-е. послѣ 5-го сентября, идите прямо въ з. Императора и дѣйствуйте на тѣхъ основаніяхъ, какъ предписано“. Затѣмъ слѣдуетъ въ письмѣ перечень личного состава амурской экспедиціи, оцѣнка каждаго лица и куда слѣдуетъ Николаю Васильевичу назначить каждаго изъ нихъ. Въ заключеніе г. Невельской поручаетъ брату оказать помощь своей супругѣ, въ томъ случаѣ, если бы съ нимъ самимъ случилось несчастіе. Очевидно изъ этихъ словъ, что г. Невельской рассчитывалъ передать въ случаѣ своей смерти майору Буссе управленіе всей амурской экспедиціи и потому задержать его въ тѣхъ краяхъ на долго, не справляясь о личныхъ его желаніяхъ, однимъ словомъ, назначить подчиненному новую обязанность.

Въ послѣдствіи же, г. Невельской счелъ необходимымъ поручить начальство надъ сахалинскою экспедиціею майору Буссе и потому предложилъ ему начальство въ Анивѣ. Получивъ согласіе, г. Невельской относился во все послѣдующее время къ послѣднему официально, какъ къ подчиненному, частно же, что видно изъ писемъ, какъ къ весьма близкому человѣку. Оставляя Сахалинъ, г. Невельской снабдилъ начальника отряда Н. В. инструкціею, въ предписаніи отъ сентября (числа нѣтъ) 1853-го г. за № 300, которая сохранилась въ подлинникѣ. На 21 страницахъ инструкціи дѣлаются наставленія до мельчайшихъ подробностей объ отношеніяхъ русскихъ къ японцамъ, объ довольствіи чиновъ, объ обязательствахъ Росс. амер. комп. и проч. О работахъ возлагаемыхъ на г. Рудановскаго нѣтъ ни слова ¹⁾.

Полная подчиненность майора, а впоследствии подполковника Буссе капитану 1-го ранга Невельскому подтверждается и другими документами, а именно, не только нѣсколькими предписаніями послѣдняго по разнымъ случаямъ, но и распоряженіемъ генераль-губернатора, графа Муравьева-Амурскаго, отъ 27-го октября 1853-го г. за № 713 о подчиненіи Н. В. всѣхъ русскихъ постовъ на островѣ, „подъ главнымъ вѣденіемъ г. Невельскаго“, впредь до прибытія туда начальника отъ Росс. амер. комп. Мало того, предписаніемъ Невельскаго на имя Буссе отъ 19-го апрѣля 1854-го г. за № 59, послѣдній подчиняется командированному г. Невельскимъ въ Александровскій постъ въ Декастри, капитанъ лейтенанту Бочманову, который съ своей стороны даетъ предписаніе правителю о. Сахалина, подполковнику Буссе, 29-го мая 1854-го г. за № 62, не удерживать въ з. Анива транспортъ

¹⁾ Къ сожалѣнію въ бумагахъ брата я не нашелъ того предписанія, о которомъ упоминаетъ адмиралъ Невельской въ письмѣ въ редакцію «Вѣстника Европы» на 909 страницѣ.

Иртышъ. Всего же краснорѣчивѣе свидѣтельствуемъ о подчиненности Н. В. само письмо адмирала Невельскаго въ редакцію „Вѣст. Евр.“, напечатанное вмѣстѣ съ возраженіемъ г. Рудановскаго. На стр. 909-й мы читаемъ: „г-ну Буссе я предписалъ“ и т. д. Равный равному не будетъ предписывать.

Изъ всего сказаннаго до очевидности ясно, что отношенія г. Невельскаго къ Н. В. Буссе не могли быть какъ равнаго къ равному, какъ силиться доказать г. Рудановскій, чтобы выставить Н. В. чело-вѣкомъ несамостоятельнымъ, безъ гражданскаго мужества и желающимъ выслужиться. Очевидно, что, при полномъ подчиненіи, Н. В. не могъ перенести постъ на болѣе удобное, но его мнѣнію, мѣсто, безъ разрѣшенія г. Невельскаго. Если мы даже на время допустимъ возможность послѣдняго, то непреодолимымъ препятствіемъ тому служила невозможность передвиженія. Г. Рудановскій указываетъ, что транспортъ Иртышъ, заходившій въ Аниву, черезъ нѣсколько дней послѣ отплытія Невельскаго, находился въ распоряженіи Буссе и могъ бы перевести постъ на любой пунктъ Сахалинскаго берега. Но изъ копій съ рапорта г. Гаврилова, командира транспорта, отъ 2-го Октября 1853 г. за № 354 *), видно, что „Иртышъ“ пришелъ на Муравьевскій

*) Подлинный рапортъ находится въ редакціи Морскаго Сборника, вслѣдствіе слѣдующихъ обстоятельствъ. Въ названномъ журналѣ, въ октябрьской книжкѣ за 1859-й годъ, напечатана статья Бошняка: „Занятіе острова Сахалина и зимовка въ Императорской гавани“. На 403 страницъ авторъ говоритъ: „Въ Анивѣ, куда „Иртышъ“ заходилъ для сдачи груза Сахалинской экспедиціи, майоръ Буссе въ про-тивность данныхъ ему распоряженій, забралъ съ транспорта все что можно было „забрать, ссылаясь на то, что въ гавани всего вдоволь“.

Слова эти возбудили справедливое негодованіе Н. В. Буссе, и побудили его послать изъ г. Благовѣщенска 15-го марта 1860 г. въ редакцію Морскаго Сборника опроверженіе, съ приложеніемъ подлиннаго рапорта г. Гаврилова, въ доказательство того, что на транспортѣ кромѣ балласта, были только запасы для экипажа самаго транспорта, слѣдовательно онъ и не могъ даже ничего взять съ него. Н. В. просилъ возвратитъ ему рапортъ г. Гаврилова, по напечатаніи статьи, но редакція не только не издала присланную замѣтку, но и не отвѣтила даже. Поэтому въ бумагахъ покойнаго найдены только черновая статья и копія съ рапорта.

Изъ текста самаго донесенія видно, что г. Гавриловъ получилъ отъ г. Буссе предписаніе (2-го октября за № 28) немедленно идти въ Императорскую гавань, въ то время, когда онъ лавировалъ на Муравьевскомъ рейдѣ, и потому, не подходя къ берегу, ушелъ по новому назначенію.

Къ рапорту приложена вѣдомость находившихся на транспортѣ грузовъ, слѣдующаго содержанія:

каменнаго балласта до	12.000 пуд.
прѣсной воды 1921 ведро до	1921 »
морской провизіи до	465 »
служительскаго балласта, собственныхъ запасовъ принадлежащихъ транспорту на компанію	1500 »

Всего 15.986 »

рейдъ только 1-го октября и былъ немедленно отправленъ на зимовкѣ въ Императорскую гавань, такъ какъ ему едва доставало времени сдѣлать этотъ переходъ, а зимовать въ Анивѣ, за неимѣніемъ закрытой бухты онъ не могъ (бухта „Буссе“ найдена позже). Если предположить возможнымъ для Н. В. удержать транспортъ, для перенесенія поста, то когда бы это могло совершиться? Необходимо было бы предварительно осмотрѣть тогда еще вовсе не изслѣдованные берега острова, на весьма большое пространство. Парусному судну, въ осеннее бурное время, плаваніе у береговъ весьма опасно, и кромѣ того оно отняло бы весьма много времени. Кромѣ того, выбравъ мѣсто надо было бы переносить постъ. Транспортъ долженъ былъ бы держаться далеко отъ берега, не имѣющаго по близости безопасной бухты, вѣроятно даже, что при южныхъ вѣтрахъ онъ долженъ былъ бы уходить въ море, поэтому понятно, что нагрузка постоваго имущества, была бы весьма продолжительна, а перенесеніе и основаніе новаго поста совершилось бы въ весьма позднее время года, люди не успѣли бы построить дома до зимы, послѣдствіемъ чего была бы страшная болѣзненность и смертность. Рѣшиться, при такихъ обстоятельствахъ, на перенесеніе поста, могъ не самостоятельный, а только сумасшедшій человѣкъ!

Послѣ всего сказаннаго, представляю самому читателю судить на сколько обидная клевета, брошенная г. Рудановскимъ на покойнаго Н. В., приведенною выпискою рекомендуетъ автора и его приемы для обвиненія.

Относительно спора о выгодахъ положенія Муравьевскаго поста, я не вхожу въ разсужденія, такъ какъ каждый можетъ имѣть на то свой взглядъ и его высказывать. Скажу только, что г. Рудановскій, на стр. 913, неправильно указываетъ на работы Орлова, какъ на одну изъ причинъ выбора г. Невельскимъ мѣста для поста, потому что г. Орловъ прибылъ изъ командировки своей уже послѣ высадки отряда, а именно 2-го октября, и не заставъ въ Анивѣ Невельскаго, ушелъ немедленно на транспортъ „Иртышъ“ въ Императорскую гавань.

Излагая условія, при которыхъ былъ спятъ Муравьевскій постъ въ 1854-мъ году, г. Рудановскій говоритъ:

„Не зная обстоятельно“, угодно ли будетъ генераль-губернатору „графу Муравьеву Амурскому упразднить Муравьевскій постъ, г.

Такимъ образомъ рапортъ Гаврилова ясно доказываетъ, что извѣтъ г. Бошняка составляетъ несправедливое обвиненіе, можетъ быть вызванное желаніемъ взвалить на Н. В. вину въ недостатокъ продовольствія въ посту Императорской гавани, имѣвшаго послѣдствіемъ повальную цыну и ужасающую смертность въ отрядѣ тамъ находившемся, какъ описываетъ г. Бошнякъ въ приведенной статьѣ.

Было бы весьма желательно, чтобы редакція Морскаго Сборника объяснила бы причины, почему указанное опроверженіе не было напечатано и подлинный документъ не былъ возвращенъ?

„Посыетъ (посланный графомъ Путятинымъ въ Аниву) обратился съ „подобнымъ предложеніемъ къ г. Буссе; въ случаѣ же если онъ най- „детъ это предложеніе графа Путятина согласнымъ съ видами гене- „раль-губернатора, тогда постъ требовалось немедленно снять. Конечно „въ этомъ обстоятельствѣ положеніе г. Буссе, имѣвшаго непосред- „ственные указанія и предписанія Г. И. Невельскаго *), было затруд- „нительно, такъ какъ мнѣ извѣстно изъ словъ Г. И. Невельскаго, что „Муравьевскій постъ ни подъ какимъ видомъ изъ Анивы снимать не „слѣдовало, въ крайнемъ же случаѣ, требовалось удалить его отъ бе- „рега во внутренность острова. Нѣсколько ниже (на стр. 922) г. Ру- „дановскій прибавляетъ: но при рѣшеніи этого вопроса не было обра- „щено вниманіе на то, что передвинувъ Муравьевскій постъ внутрь „острова, какъ я думалъ, на истокъ р. Сусуя, гдѣ ставя его въ совер- „шенную безопасность, мы сохранили бы тѣмъ наше вліяніе надъ „японцами и при этомъ, самое важное, дали бы возможность ему бла- „гоустроиться 10-ю или 15-ю годами ранѣе“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Рудановскаго, Н. В. Буссе вино- вать въ снятіи поста и утратѣ нашего вліянія на Сахалинѣ. По этому вопросу, въ имѣющихся у меня документахъ, я нахожу слѣдующія данныя:

Въ предписаніяхъ г. Невельскаго, найденныхъ въ бумагахъ брата, нигдѣ нѣтъ предложенія не оставлять поста въ Анивѣ; въ письмѣ же отъ 24-го февраля Г. И. Невельской писалъ моему брату: „Такъ какъ я „не знаю какой оборотъ (приняли) переговоры Путятина съ Японцами, „то вамъ надо держаться миролюбиво... Отъ усмотрѣнія Путятина „все будетъ зависѣть... Путятинъ вполне знаетъ, что *можно* и что *должно*“. Письмо это писано въ то время, когда никто на Амурѣ не могъ знать о разрывѣ съ Франціею и Англіею, потому все сказанное, а равно и инструкціи г. Буссе, упоминаемья г. Рудановскимъ, но не сохранившіяся у брата, могли относиться исключительно къ Японціи, что впрочемъ совершенно ясно изъ приведенной выписки. Восточная же война, о которой первый извѣстилъ графъ Путятинъ, внесла совершенно новый элементъ въ рѣшеніе вопроса о занятіи о. Саха- лина. Если г. Невельской предоставлялъ графу Путятину разрѣшить вопросъ о Муравьевскомъ постѣ, по отношенію къ японцамъ, то конечно ему же слѣдовало рѣшить это дѣло и при усложнившихся обстоятельствамъ. Испрашивать мнѣнія генераль-губернатора или даже г. Невельскаго было невозможно уже по недостатку времени, искать же указаній въ данныхъ Н. В. Буссе инструкціяхъ не имѣло смысла, такъ какъ онѣ составлены до войны.

* Подтверждено Г. И. Невельскимъ въ его письмѣ въ редакцію Вѣст. Евр. на стр. 909.

Этими заключеніями очевидно уничтожается обвиненіе г. Рудановскаго, что Н. В. снялъ постъ вопреки даннымъ ему инструкціямъ.

Въ предписаніи Н. В. Буссе отъ 25-го мая 1854 г. за № 225 графъ Путятинъ писалъ: „По извѣстіямъ полученнымъ мною съ послѣднею „почтою, Россія находится въ войнѣ съ Англіею и Франціею. Начальникамъ, крейсирующимъ въ здѣшнихъ моряхъ отрядовъ этихъ двухъ „державъ, извѣстно о сношеніяхъ нашихъ съ японцами, и въ Нангасаки имъ сообщать объ Анивскомъ нашемъ постѣ. Вѣренное вамъ „шему высокоблагородію укрѣпленіе, ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи противустоять цѣлой эскадрѣ судовъ, и потому я бы полагалъ, что теперь не слѣдуетъ держать судовъ нашихъ въ Анивскомъ „заливѣ, и самое укрѣпленіе предпочелъ бы на время упразднить и „перевести въ Императорскую гавань.

„Но такъ какъ мнѣ не вполне извѣстны распоряженія и полученные вами инструкціи отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, то я не стѣсняю васъ сдѣланнымъ мною вамъ предложеніемъ, но „предоставляю дѣйствовать въ этомъ случаѣ по собственному вашему „усмотрѣнію“.

Въ инструкціяхъ, какъ уже сказано, не было указаній по этому вопросу, въ частномъ же письмѣ г. Невельской пишетъ (отъ 24 февраля), что все зависитъ отъ усмотрѣнія графа Путятина, поэтому вторая часть приведеннаго предписанія теряетъ свое значеніе, первая же приняла, по той же причинѣ, всю силу приказанія.

Желая всесторонне обсудить такой важный вопросъ и отклонить отъ себя нареканія, Н. В. пригласилъ на совѣщаніе командировъ всѣхъ судовъ, стоявшихъ тогда на Муравьевскомъ рейдѣ. Всѣ они пришли къ заключенію, что необходимо снять постъ, и составили въ этомъ смыслѣ протоколъ, находящійся у меня въ подлинникѣ. Рѣшеніе это состоялось по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) „что постъ Муравьевскій былъ временной и поставленъ по обстоятельствамъ, а не „для защиты мѣстности или какого-либо имущества; 2) что уничтоженіе поста неприятельскою эскадрою, противъ которой постъ восемью „восьмифунтовыми орудіями не въ силахъ былъ бы устоять, повредило „бы значенію нашему въ глазахъ японцевъ и айновъ; и 3) что по „словамъ г. начальника поста, зловредный запахъ, предоставленный „гніенію рыбы, японцами наваливаемой вдоль всего берега бухты, „требовалъ неотлагательнаго перенесенія поста въ другія, болѣе здоровыя мѣста“.

Протоколъ подписанъ командирами: корабля „Николая“ шкиперомъ Клиновостромомъ, корабля „Князь Меншиковъ“, лейтенантомъ Фуругельмомъ, транспорта „Иртышъ“, капитанъ-лейтенантомъ Чихачевымъ, транспорта „Двина“, лейтенантомъ Васильевымъ, маіоромъ Буссе, капитанъ-лейтенантомъ Посыетомъ и подполковникомъ корпуса штурма-

номъ Алексѣевымъ. Такія имена исключаютъ самую возможность заподозрить рѣшеніе въ незрѣлости, послѣдственности или даже излишней осторожности. Во всякомъ же случаѣ, обвиненіе Рудановскаго въ оставленіи Муравьевскаго поста падаетъ на всѣ поименованныя лица.

При этомъ не обсуждался вопросъ о перенесеніи поста во внутрь острова, хотя бы и на истокъ Сусуя, по той простой причинѣ, что проектъ этотъ несостоятеленъ. Въ документахъ нѣтъ указаній, что Г. И. Невельскій предлагалъ Н. В. Буссе такое перенесеніе поста. Если же предложеніе это и было, то очевидно при примѣненіи его имѣлись въ виду одни японцы, которые не могли воспренятствовать подвозу продовольствія моремъ и далѣе во внутрь. Г. Рудановскій вѣроятно со мною согласится, что для самого храбраго и воздержаннаго воина пища весьма необходима? Какимъ образомъ могъ бы довольствоваться отрядъ, если подвозъ продовольствія прекращенъ англо-французскою эскадрою съ моря, а на самомъ островѣ нельзя было добыть необходимой пищи? Можетъ быть зимою на собакахъ изъ Декастри? Но въ такомъ случаѣ г. Рудановскому слѣдовало бы доказать: 1) что можно было бы доставить достаточное число нартъ для перевозки того значительнаго груза (до 2400 пуд. въ годъ), который составляютъ предметы всѣхъ наименованій, потребные для команды въ 70 человѣкъ; 2) что сопряженные съ такою перевозкою значительные расходы окупаютъ выгоды, сопряженныя съ сохраненіемъ на Сахалинѣ поста, и 3) что непріятельскія эскадры не высадили бы находившіяся на нихъ значительный десантъ, (какъ извѣстно по Петропавловскому дѣлу), и взявъ посты, враги не укрѣпились бы на островѣ, или не передали бы его во владѣніе Японіи.

Если послѣднее предположеніе не оправдалось бы, то могло бы случиться, что обезсиленный цынгою, русскій отрядъ былъ бы уничтоженъ внезапнымъ, или предательскимъ нападеніемъ японцевъ и айновъ, при давленіи на послѣднихъ нашихъ непріятелей.

Вотъ возможные результаты при осуществленіи проекта г. Рудановскаго. Если бы онъ не увлекался желаніемъ очернить моего брата, то конечно онъ не судилъ бы такъ опрометчиво. Впрочемъ, судя по запискамъ Н. В., опрометчивость была присуща г. Рудановскому еще въ 1853-мъ году.

Возводя на Н. В. Буссе обвиненія по сахалинской экспедиціи, г. Рудановскій, чтобы обрисовать его плохимъ администраторомъ, не пренебрегаетъ и другими источниками для нареваній; такъ на 916-й стр. онъ приводитъ выписку изъ статьи А. О—ва, напечатанной въ „Русскомъ Мирѣ“ 1872-го г. въ №№ 45-мъ, 46-мъ и 50-мъ. Подъ весьма прозрачными, для всѣхъ знакомыхъ съ мѣстными дѣятелями, буевами подписи, авторъ статьи ставитъ въ вину брата громадную смертность въ отрядѣ войскъ, возвращавшемся осенью 1856-го года съ устья

р. Амура въ Забайкальскую Область, вслѣдствіе несоотвѣтственнаго распредѣленія продовольствія въ постахъ расположенныхъ на пути. Распоряженія эти были возложены на Н. В., какъ на начальника сплава по р. Амуру всѣхъ казенныхъ заготовленій для нашихъ селеній и военныхъ постовъ. Статью эту я прочелъ вслѣдъ за ея появленіемъ въ печати, и до сихъ поръ не возражалъ, потому что въ то время у меня еще не было подъ руками бумагъ покойнаго брата и я не могъ подтвердить мои слова документальными доказательствами. Правда, въ 1862-мъ году, во время моего пребыванія въ Амурскомъ краѣ, я узналъ разныя подробности о несчастномъ походѣ 1856-го года отъ многихъ участниковъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Я могъ бы напечатать эти подробности, по которымъ авторъ статьи въ „Русскомъ Мірѣ“ является не безвиннымъ въ этомъ дѣлѣ, но опубликованіе такихъ разсказовъ мною, родственникомъ покойнаго, не могло бы произвести настоящаго впечатлѣнія. Теперь, обладая нѣкоторыми документами, въ видѣ копій офиціально засвидѣтельствованныхъ штабомъ войскъ Восточной Сибири, я не могу не указать на неосновательность клеветы г. А. О—ва.

Безпристрастный судья, читая эту статью, легко обратитъ вниманіе на то обстоятельство, что авторъ на каждой страницѣ, при каждой неудачѣ, винитъ Н. В. Буссе, чуть ли даже не въ наводненіи. Такое упорство должно уже навести на подозрѣніе въ односторонности взгляда. Далѣе, при сличеніи разныхъ мѣстъ статьи встрѣчаются небольшія противорѣчія: такъ, въ выпискѣ, приведенной г. Рудановскимъ, г. А. О—въ говоритъ, что винная порція отпущена солдатамъ только съ разрѣшенія полковника Корсакова. Изъ самой же статьи О—ва видно, что послѣдній выслалъ на встрѣчу командамъ довольствіе только на верховьяхъ Амура, до того онъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть никакихъ сношеній съ отрядами, а между тѣмъ на Сунгарійскомъ посту (въ среднемъ теченіи) отрядъ получилъ спиртъ на 15 дней, какъ видно изъ путевого журнала г. А. О—ва. Очевидно этотъ спиртъ былъ заготовленъ раньше, т.-е. Н. В. Буссе, что и подтверждается имѣющеюся у меня вѣдомостью (14-го іюня 1856-го г.) предметовъ снабженія для возвращающихся командъ, сплавленныхъ въ посты на р. Амурѣ по распоряженію Николая Васильевича.

Г. Рудановскій особенно напираетъ на то обстоятельство, изложенное въ статьѣ О—ва, что Н. В., желая приписать себѣ одному, успѣшное окончаніе экспедиціи, не совѣтовался съ начальниками отрядовъ, при назначеніи складочныхъ мѣстъ для провіанта и при опредѣленіи продолжительности похода. Изъ документовъ оказывается совершенно иное. Мѣста складовъ и число дней для перехода отъ одного въ другому возвращающихся командъ, какъ видно изъ отзыва командира 3-й конной бригады Забайкальскаго казачьяго войска, 2-го мая 1856-го г.

за № 1614 и донесенія дистанціоннаго провіантскаго смотрителя 27-го мая 1856-го г. за № 110, опредѣлены атаманомъ Забайкальскаго войска, помимо Н. В. Буссе, а именно предложено отправить всѣ предметы продовольствія, въ количествѣ указанномъ закономъ, на 27,000 человекъ: 1) „въ Усть-Стрѣлочный караулъ на 5 дней, 2) къ мѣсту нахожденія парохода „Шилки“—на 5 дней, 3) въ Камарскій караулъ на 10 дней, 4) на устьѣ р. Зеи на 10 дней, 5) на 1-й пунктъ ниже „р. Зеи на 10 дней (въ Хинганскомъ хребтѣ), и 6) на 2-й пунктъ ниже „р. Зеи на 10 дней (на устьѣ р. Сунгари). Въ числѣ заготовленныхъ предметовъ были соль, спиртъ и живые быки. Очевидно, что обвиненіе Н. В. въ недостаточности запасовъ въ складахъ падаетъ само собою.

Снабженіе солдатъ полушубками, рукавицами и проч. лежало на комиссаріатской комиссіи, и вещи высылались изъ послѣдней прямо въ баталіонъ, что конечно отлично извѣстно г. О—ву, бывшему баталіонному командиру. Поэтому постановленіе въ вину Н. В. недостатка предметовъ зимней одежды, со стороны обвинителя, падаетъ не на Н. В., а на самого О—ва.

Г. Рудановскій, въ своей выпискѣ изъ статьи О—ва, выбралъ весьма старательно самыя важныя обвиненія Н. В., и если есть еще другія, то столь незначительныя, что не стоить терять время на ихъ опроверженіе, равно и на рассказъ о невѣроятномъ запрещеніи убить быка, по неимѣнію въ отрядѣ сухарей.

Г. О—въ молчалъ много лѣтъ и только послѣ смерти Н. В. Буссе и генераль-лейтенанта Михаила Семеновича Корсакова, близко знакомаго съ дѣлами того времени, рѣшился выступить съ своею статьею, полагая, что безнаказанно можетъ взводить на покойнаго обвиненія во всѣхъ несчастіяхъ похода 1856-го года, которыя отчасти многими приписываются ему самому. Послѣдній выводъ подтверждается и копіею съ предписанія 27-го іюня за № 922, въ которомъ Н. В. Буссе дѣлалъ г. О—ву выговоры за многія неисправности и медленность въ сплавѣ баржъ по р. Амуру. Если бы сплавъ пришелъ раньше въ Маріанскъ, то отрядъ успѣлъ бы еще осеннимъ путемъ возвратиться въ Срѣтенскъ, поэтому замедленія г. О—ва конечно имѣли немаловажное участіе въ бѣдствіяхъ похода.

Этимъ я закончу разборъ статьи г. О—ва¹⁾, надѣясь, что доказальнута мутность того источника, изъ котораго черпаетъ г. Рудановскій, принявшій безъ критики и на вѣру клевету челоуѣка, раздѣляющаго съ нимъ озлобленіе на Николая Васильевича.

Въ доказательство того, что Н. В. Буссе былъ плохой администра-

¹⁾ Эти слова я нахожу достаточными для опроверженія всей статьи г. А. О—ва, въ которой кромѣ указанныхъ обвиненій есть еще мелкія нареканія, отвѣчать на которыя я нахожу излишнимъ.

торъ, приводится г. Рудановскимъ на 917 стр. еще и то обстоятельство, что не смотря на совѣтъ автора возраженія и согласія камчатскаго губернатора Восточной Сибири Завойки, не былъ приглашенъ въ отрядъ врачъ Давыдовъ: „Но какъ денежные средства были отпущены авансомъ г. Буссе и какъ по собственнымъ словамъ онъ не готовился самъ лично на Сахалинъ, то и нашель ихъ недостаточными для содержанія медика....“ Теперь предоставляю читателю судить о моемъ удивленіи, когда, въ дневникѣ на стр. 175, я нахожу упрекъ лицамъ, снаряжавшимъ экспедицію, какъ это „они могли отправить 100 челобѣтъ безъ врача?“ Другими словами, г. Рудановскій косвенно обвиняетъ брата въ смертныхъ случаяхъ и болѣзняхъ отряда. Къ сожалѣнію между оставшимися бумагами я не нашель предписанія, при которомъ препровождались Н. В. деньги на экспедицію, поэтому и не могу возразить на эти слова, опираясь на документъ, относящійся именно къ этому дѣлу, но это не лишаетъ меня права привести другія доказательства. Общій порядокъ расходованія казенныхъ суммъ въ тѣ времена, когда совершалась высадка на Сахалинъ, состоялъ въ предварительномъ смѣтномъ исполненіи всѣхъ расходовъ, по статьямъ, затѣмъ опредѣлялась небольшая сумма на непредвидѣнные расходы. По утвержденіи такой смѣты выдавалась подлежащему лицу шнуровая книга и предписаніе съ точными указаніями на что должны быть расходованы деньги. Содержаніе медика, по статьямъ всѣхъ наименованій, въ теченіи года превышаетъ во всякомъ случаѣ 1000 рублей, по сему такой расходъ непременно былъ бы внесенъ въ смѣту. Съ другой стороны, присутствіе въ отрядѣ фельдшера и медикаментовъ указываетъ на то, что санитарная часть была вельючена въ смѣту, изъ чего можно заключить, что имѣть медика въ отрядѣ не было предположено. Пригласить же врача на счетъ денегъ, предоставленныхъ распорядителю на непредвидѣнные расходы было невозможно: 1) потому что врядъ ли эта сумма была бы достаточна, и 2) при такомъ расходѣ изсякъ бы источникъ для покрытія издержекъ на потребности первой необходимости, которыя могли бы встрѣтиться во время самой экспедиціи. Изъ всего сказаннаго очевидно, что Н. В. не имѣлъ возможности пригласить въ отрядъ врача; предположеніе же г. Рудановскаго, что приглашенія не послѣдовало потому, что Н. В. не рассчитывалъ лично участвовать въ высадкѣ на Сахалинъ, составляетъ одинъ изъ тѣхъ многихъ бездоказательныхъ извѣтовъ, которыми переполнено все возраженіе.

На 914 стр. возраженія г. Рудановскаго, мы читаемъ: „дѣлать же мнѣ какія бы то ни было инструкціи и наставленія въ географическихкихъ работахъ онъ не могъ уже потому, что самъ не могъ имѣть о нихъ никакого понятія, какъ получившій воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ“. Неужели вы, г. Рудановскій, успокоились своими школьными познаніями и поэтому не допускаете возможность, что другой

можетъ заниматься послѣ выпуска, даже предметами не входящими въ курсъ, *сданный* на экзаменѣ? Фактическія свѣдѣнія приобрѣтаемыя на ученической скамьѣ не составляютъ главнаго приобрѣтенія, которое должно выражаться въ развитіи въ молодыхъ людяхъ способности работать самостоятельно. Этимъ я не хочу отрицать большей подготовки къ географическимъ работамъ г. Рудановскаго, сравнительно съ Н. В., я хотѣлъ только указать на то, что г. Рудановскій, увлекаясь обвиненіемъ, высказываетъ мнѣнія, которыя онъ, при другихъ обстоятельствахъ, едва ли рѣшился бы заявить.

На 910 страницѣ г. Рудановскій говоритъ: „я охотно предоставляю „оцѣнку дѣятельности какъ моей, такъ и г. Буссе на Амурѣ и Сахалинѣ сдѣлать другимъ и т. д.“ Нѣсколько же ниже мы читаемъ: „и мы даже затруднены были бы назвать хотя бы одинъ случай, гдѣ „дѣятельность г. Буссе успѣла бы обнаружить плодотворную самостоятельность и тѣмъ дала бы поводъ къ благодарному о немъ воспоминанію“. Такимъ образомъ, предоставляя оцѣнку дѣятельности другимъ, г. Рудановскій, нѣсколькими строками ниже, осуждаетъ Николая Васильевича. Поэтому можно сказать, что противорѣчіемъ приведенныхъ выписокъ высказывается дѣйствительная программа возраженія, т.-е. очернить Н. В., между тѣмъ какъ официально цѣль статьи выяснена словами на той же страницѣ въ началѣ, что авторъ желалъ только защитить себя отъ нареканій.

Произнеся строгій приговоръ дѣятельности брата, г. Рудановскій старается доказать справедливость такого вывода искаженіями, которыя выясняются настоящею статьею. Далѣе авторъ исчисляетъ свои работы по географіи и климатологіи Сахалина, которыя дѣйствительно заслуживаютъ полнаго признанія.

Отдавая должное дѣятельности г. Рудановскаго, я не могу не указать на слѣдующее обстоятельство. Говоря о собранныхъ имъ свѣдѣніяхъ по названнымъ отраслямъ знанія и этнографіи, которыя послужили къ изданію карты Сахалина гидрографическимъ департаментомъ въ 1867-мъ году, авторъ прибавляетъ: „И эти изслѣдованія, если „не ошибаюсь, и по сіе время немного чѣмъ пополнены“. Г. Рудановскій очевидно еще не зналъ, что въ 1870-мъ году департаментомъ издана новая литографированная карта острова, которая отличается отъ предъидущей не только въ подробностяхъ береговыхъ очертаній, но и въ географическомъ положеніи острова, особенно южной его части. Новая карта издана на основаніи астрономическихъ опредѣленій лейтенанта Старицкаго и инструментальной съемки береговой полосы гг. Бѣдинымъ и Павловскимъ, отчасти г. Титовымъ ¹⁾. Это обстоятельство

¹⁾ Этотъ фактъ остался неизвѣстнымъ Г. И. Невельскому, иначе онъ не писалъ бы въ своемъ письмѣ въ редакцію „Вѣст. Евр.“ (стр. 909), что работами

не умаляет достоинства г. Рудановскаго, во-первыхъ потому, что его опредѣленія принесли уже большую пользу мореплаванію до изданія новой карты, во-вторыхъ, что онъ не могъ дать болѣе точныхъ данныхъ по неизмѣннѣю средствъ, и наконецъ, что новыя изслѣдованія опирались на его прежнія работы. Признавая все это за г. Рудановскимъ, нельзя не признать въ приведенныхъ его словахъ преувеличеніе.

Сопоставляя же сдѣланныя выписки, я нахожу возможнымъ сдѣлать очевидно вѣрное заключеніе, что г. Рудановскій, бросая грязью въ дѣятельность Н. В. Буссе и похваляясь своею, писалъ опроверженіе не подъ вліяніемъ только желанія защитить себя, но съ озлобленіемъ на Н. В., вѣроятно за неблагопріятные отзывы о его характерѣ, высказанные во многихъ мѣстахъ мемуаровъ. Въ такомъ состояніи духа нельзя произносить безпристрастные приговоры.

Охарактеризованіе дѣятельности въ Амурскомъ краѣ Н. В. Буссе, не можетъ составить мою задачу, такъ какъ мои отзывы, въ качествѣ близкаго родственника, почтутся читателями односторонними, хотя я и могъ бы привести много фактовъ, приводящихъ къ выводу противоположному мнѣнію г. Рудановскаго. Факты эти я собралъ во время моей службы въ Восточной Сибири, продолжающейся въ теченіи 11-ти лѣтъ до сихъ поръ.

Г. Рудановскій, г. Невельской и г. Фрейгангъ¹⁾ утверждаютъ, что Н. В. Буссе, въ своихъ мемуарахъ, не признаетъ достоинствъ другихъ дѣятелей въ Приамурскомъ краѣ. Такой взглядъ на дѣло высказывается въ слѣдующихъ словахъ возраженій.

На стр 915, г. Рудановскій, говоря объ отзывахъ Н. В. о г. Кошеваровѣ прибавляетъ: „личность эта извѣстна въ нашемъ флотѣ по за-„слугамъ и по своимъ добрымъ качествамъ“. Въ примѣчаніи редакція „Вѣст. Евр.“ указываетъ на подтвержденіе этихъ словъ замѣткою Фрейганга. Авторы возраженій весьма бы затруднились указать слова мемуара, въ которыхъ бы отрицалось достоинство почтенныхъ трудовъ Александра Филипповича, не оспоримо выдающагося, по своимъ ученымъ трудамъ, изъ ряда дѣятелей далекаго края.

Разсказывая о формированіи и снабженіи самимъ Рудановскимъ въ Петропавловскѣ отряда, назначеннаго на о. Сахалинъ, онъ заключаетъ словами: „Въ дневникѣ же снаряженіе отряда и самой экспедиціи приписывается искусству и заботливости самаго г. Буссе, тогда какъ ни въ томъ, ни въ другихъ случаяхъ по экспедиціи, онъ

Рудановскаго руководствуются до сихъ поръ при составленіи картъ. Въ виду болѣе полныхъ и точныхъ, изслѣдованій послѣдняго совершенно устарѣли.

¹⁾ Напечаталъ въ „Голосѣ“ 17-го іюля 1872-го г. за № 78-мъ статью: „По поводу посмертныхъ записокъ г. Буссе о Сахалинской экспедиціи“. Я не считаю нужнымъ входить въ разборъ этой замѣтки по ея бездоказательности и ложнополюемическому характеру.

„рѣшительно не принималъ личнаго самостоятельнаго участія“. Подтвердить такой извѣтъ ссылкой на подлинныя слова дневника, было бы невозможно для г. Рудановскаго, поэтому онъ и довольствуется кинуть обвиненіе въ видѣ общаго мѣста. О командѣ изъ Петропавловска Н. В. упоминаетъ только на первыхъ строкахъ своего дневника, въ которыхъ просто заявляется, что онъ привелъ отрядъ въ Петровское зимовье. На такое выраженіе онъ имѣлъ полное право, такъ какъ въ силу предписанія генераль-губернатора, отъ 20-го апрѣля за № 140, онъ былъ начальникомъ команды.

Далѣе на стр. 918, упоминается о нелестныхъ отзывахъ Н. В. о П. О. Гавриловѣ и Д. И. Орловѣ. Весьма жаль, что г. Рудановскій не подтвердилъ своихъ словъ ссылкой на текстъ мемуаровъ, а, при внимательномъ чтеніи ихъ, не нашелъ ничего подобнаго.

Въ письмѣ Г. И. Невельскаго встрѣчаются также мнѣнія, что Н. В. не признавалъ заслугъ своихъ сподвижниковъ, особенно же Рудановскаго (стр. 907, 908 и 909), но также безъ ссылокъ на подлинныя слова Николая Васильевича.

Обращаясь къ мемуарамъ, мы находимъ взгляды Н. В. на дѣятели экспедиціи совершенно противоположныя тѣмъ, которые приписываются автору его противниками, чему служатъ доказательствомъ слѣдующія выписки.

О. Г. И. Невельскомъ мы встрѣчаемъ слѣдующіе отзывы:

1) На стр. 734 („Вѣст. Евр.“ октябрь 1872-го г.): „Я такъ много „слышалъ о г. Невельскомъ, что меня очень интересовало познакомиться съ этимъ человѣкомъ. По моему мнѣнію, если про человѣка „говорятъ много, одни хорошо, другіе дурно, то это показываетъ, что „дѣло идетъ о дѣятельномъ и энергическомъ человѣкѣ“.

2) На 735 стр. (тамъ же), описывая наружность г. И. Невельскаго, авторъ дневника прибавляетъ: „Но широкій лобъ и живость „глазъ выказываютъ въ немъ энергію и горячность характера“.

3) На 736 стр., отдавая должную справедливость распоряженіямъ по занятію Приамурскаго края, братъ „былъ пораженъ, что могъ рѣшиться г. Невельской, не имѣя ни полномочія, ни средствъ, предпри- „нимать подобныя дѣла“. Этими словами очевидно признается безпримѣрная энергія начальника Амурской экспедиціи.

4) На 740 стр., мы находимъ строки, которыя уже выписаны выше, при обсужденіи вопроса о подчиненности брата г. Невельскому. Изъ этихъ словъ припомнимъ слѣдующія слова:... „хотя дѣйстви- „тельно ему (г. Невельскому) и есть чѣмъ похвастаться. По моему „этотъ предприимчивый человѣкъ очень способенъ къ исполненію воз- „ложеннаго на него порученія—распространить наше вліяніе въ При- „амурскомъ край“.

И 5) на стр. 758, идетъ рассказъ о высадкѣ въ Анивѣ, причинахъ

побудившихъ выбрать для того пунктъ, гдѣ основанъ Муравьевскій постъ, и поспѣшности Г. И. Невельскаго въ этомъ важномъ вопросѣ, при этомъ Н. В., обсуждая мотивы послѣдняго обстоятельства, говоритъ: „Онъ отвѣчалъ кромѣ себя и за безопасность судна (Николай), од-
„нимъ словомъ онъ человѣкъ благородныхъ чувствъ и т. д.“

Дѣятельность г. Рудановскаго братъ характеризуетъ на стр. 192 („Вѣст. Евр.“ 1871-го г. ноябрь): „но благодаря ревности и готовно-
„сти къ перенесенію трудовъ г. Рудановскаго, я (т.-е. начальникъ
„острова) получилъ возможность предпринять описаніе главныхъ во-
„дьяныхъ путей части острова, обитаемой аинами и считаемой япон-
„цами принадлежностью ихъ земли. Въ этомъ отношеніи я долженъ
„сдѣлать справедливую похвалу г. Рудановскому, хотя сборы его въ
„экспедицію и большія требованія въ средствахъ и причиняли мнѣ
„досаду, но разъ выѣхавъ изъ порта, онъ предавался работѣ съ увле-
„ченіемъ, перенося терпѣливо физическіе труды“.

Всѣ эти отзывы, признающіе заслуги названныхъ лицъ, получа-
ютъ особенную силу именно вслѣдствіе умѣренности ихъ выраженій,
устраняя подозрѣніе въ односторонности. Подтвержденіе этой мысли
мы находимъ и въ той критической оцѣнкѣ Николая Васильевича
проявленій личнаго характера и отдѣльныхъ распоряженій сподвиж-
никовъ, которая высказана во многихъ мѣстахъ дневника.

Всѣмъ сказаннымъ я, кажется, ясно доказалъ, что г. Рудановскій,
для достиженія своей цѣли, очернить дѣятельность и характеръ Н.
В. Буссе, весьма безцеремонно (чтобы не сказать болѣе опредѣли-
тельно) относился къ фактамъ. Предоставляю благосклонному читате-
лю судить, достигъ ли онъ этимъ способомъ той цѣли, которую онъ
выдаетъ побудительною причиною своей статьи, т.-е. желаніе защи-
тить себя отъ нареканій. Мнѣ кажется, что статья скорѣе произведе-
детъ совершенно противоположное дѣйствіе. Очень жаль, что г. Ру-
дановскій не зналъ раньше о существованіи документовъ, имѣющихся
у меня въ рукахъ,—онъ не рѣшился бы на искаженіе фактовъ.

Перехожу къ письму Г. И. Невельскаго. Не касаясь тѣхъ его мнѣ-
ній, согласныхъ съ статьею Рудановскаго, которыя уже обсужены
выше, я ограничусь сравненіемъ теперь имъ написаннаго съ его же
собственноручными письмами къ Н. В. Буссе, относящимися ко вре-
мени экспедиціи.

Въ 1872-мъ году Генадій Ивановичъ даетъ слѣдующую оцѣнку
дѣятельности Н. В. Буссе во время сахалинской экспедиціи: „Что же
„касается до административной дѣятельности г. Буссе во время зи-
„мовки на Сахалинѣ съ 1853 по 1854-й годъ, то она ни въ какомъ
„отношеніи не обнаруживалась особо-полезною“; и нѣсколько ниже
прибавляетъ: „въ особенности же могъ не нравиться ему (г. Буссе)
„тогда г. Рудановскій, ибо вся полезная дѣятельность для экспеди-

ці во время зимовки на Сахалинѣ принадлежала единственно г. Рудановскому, а никакъ не г. Буссе, п т. д.“

Изъ времянь экспедиціи у меня находятся два письма г. Невельскаго, отъ 24-го февраля и 19-го апрѣля 1854-го года. Оба посланія начинаются словами: „Милый и любезный Николай Васильевичъ!“, что свидѣтельствуеть прямо дружескій ихъ характеръ; если бы они были официальные, то конечно начинались бы съ „Милостивый Государь“, какъ на примѣръ письмо г. Невельскаго, до личнаго знакомства его съ Николаемъ Васильевичемъ, т.е. 16-го юля 1853-го г.

Въ письмѣ отъ 24-го февраля мы находимъ слѣдующія выраженія: „я пишу вамъ это какъ товарищъ“; далѣе: „дѣятельность и усердіе ваше вѣроятно въ полной мѣрѣ будутъ оцѣнены, чего отъ души желаю, отъ искренняго сердца, и о чемъ, если моя просьба что-либо значить въ глазахъ Николая Николаевича (графа Муравьева-Амурскаго) я убѣдительно просилъ его. Рудановскаго труды также вѣроятно наградаются. До свиданія, товарищъ и сопутникъ мой и главное „помощникъ въ такомъ дѣлѣ, которое важно“. Въ письмѣ отъ 19-го апрѣля: „Вы знаете уже о постигшемъ несчастіи вашихъ сахалинскихъ людей въ Императорской гавани ¹⁾, вотъ что значить авось. „Это наука, и я радуюсь, что у васъ этого не было, что ожидалъ съ трепетомъ....

„Вотъ мои откровенныя вамъ слова, какъ товарищу“.... „Скоро надѣюсь васъ обнять и лично поздравить“ (съ производствомъ въ подполковники)... (Поспѣшите тогда въ Декастри), „пріятно васъ будетъ обнять тутъ, мнѣ старому, какъ вмѣстѣ съ вами участвовавшему въ этомъ дѣлѣ... „жена моя и дѣти всѣ здоровы — мнѣ Богъ далъ дочь Ольгу и крестъ на шею, Владиміра за амурскую экспедицію“.

Всѣ эти выписки изъ собственно-ручныхъ писемъ Г. И. Невельскаго свидѣлствуютъ, что онъ былъ весьма доволенъ дѣятельностью Николая Васильевича и стоялъ къ нему въ столь дружественныхъ отношеніяхъ, что дѣлился семейными радостями. Прямой и честный характеръ Геннадія Ивановича ручается за то, что письма написаны искренно, безъ задней какой либо цѣли. Съ другой стороны, мемуары Николая Васильевича свидѣлствуютъ, что эти отношенія раздѣлялись и имъ, хотя онъ не былъ слѣпъ къ нѣкоторымъ чертамъ характера Геннадія Ивановича, о которыхъ онъ откровенно заносить, какъ личное свое мнѣніе, въ дневникъ. Рассказывая мнѣ о минувшихъ дѣ-

¹⁾ Это несчастіе состояло въ сильномъ развитіи цынги и большой вслѣдствіе того болѣзненности и смертности въ отрядѣ. (См. статью Вошняка, Морск. Сборн 1859 года, том. X).

лахъ, покойный братъ всегда отзывался о г. Невельскомъ совершенно дружественно.

Когда же случился переворотъ во мнѣнїи г. Невельскаго о дѣятельности моего брата? Сколько мнѣ извѣстно, съ окончанїемъ сахалинской экспедиціи въ 1854-мъ году, они видѣлись развѣ только нѣсколько разъ въ томъ же году, затѣмъ же не имѣли сношенїй до самой смерти Николая Васильевича. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что г. Невельской перемѣнилъ свое мнѣнїе уже по изданїи мемуаровъ, и перемѣнилъ весьма радикально. Неужели причиною тому нѣсколько откровенныхъ сужденїй Николая Васильевича, которыя самъ же г. Невельской ставитъ въ вину издателямъ, въ своемъ письмѣ въ Редакцію (стр. 909). Отчего же онъ не протестовалъ противъ послѣднихъ, а предпочелъ поддерживать нареканїя г. Рудановскаго? Все это вопросы, за рѣшенїе которыхъ я не берусь.

Евдоръ Буссе.

С.-Петербургъ, 1872.

